

A photograph showing a building engulfed in flames and thick smoke. In the foreground, a dark, rectangular frame surrounds a sign with yellow, stylized Cyrillic text. The text reads "Сила в вере" (Strength in faith). The background is a scene of destruction with bright orange and yellow fire consuming the structure.

Сила в вере

ДОНЕЦЬК

09:54

ringoo

ДОНЕЦЬК

ЮНОСТЬ МОЯ В ОГНЕ

**Студенты Донецкого национального
университета о необъявленной войне**

**Донецк
2017**

ББК 63.3 (4Дон) 64
Ю 55

Юность моя в огне: Студенты Донецкого национального университета о необъявленной войне. — Донецк, 2017. — с. 176

ISBN

В книгу «Юность моя в огне» вошли материалы будущих журналистов — студентов филологического факультета Донецкого национального университета, в которых они делятся своими наблюдениями за происходящими в последние три года событиями в Донбассе.

ББК 63.3 (4Дон) 64
Ю 55

ISBN

© Кобзев В. Ф., составитель, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Издательство, 2017

Народ Донбасса победит!

Идея написать эту книгу родилась еще осенью 2014 года, когда украинская армия засыпала город снарядами и минами, бои шли в Донецком аэропорту и на его окраинах. Занятия тогда начались на месяц позже, 1 октября, но именно в этот день обстрелы стали еще интенсивнее, студентов и учащихся школ пришлось срочно эвакуировать в безопасное место. Учебные корпуса содрогнулись от взрыва ракеты «Точка-У», в окнах повывлетали стекла. А в общеобразовательной школе №57, что в Киевском районе, по которой «освободители» выпустили шесть ракет и снарядов, погибли четыре человека. Еще восемь заживо сгорели в маршрутке на остановке «улица Полиграфическая», что неподалеку от этой школы. Потрясенные увиденным и услышанным, люди не могли поверить, что в их родной, такой уютный, красивый и мирный город, пришла настоящая война. И развязали её те, кто в первую очередь должен был беспокоиться о мире, не только в Донецке, но и во всем государстве под названием Украина — совершившие государственный переворот и захватившие в Киеве власть правители «незалежной».

Ожесточенные обстрелы и связанные с ними разрушения и гибель мирных людей продолжались и в последующие дни, от них пострадали некоторые наши студенты, преподаватели и их семьи. Естественно, все это обсуждалось в студенческих аудиториях, а кое-кто из ребят пошел в ополчение, чтобы защитить от агрессоров родной Донбасс. Именно тогда и возникла мысль о необходимости фиксировать преступления украинской хунты, собирать материалы для будущего справедливого суда над её главарями. А группа первокурсников принесла на занятия фотоснимки, сделанные в Донецке на многострадальном Киевском проспекте — еще дымящийся остов сгоревшей маршрутки, руины недавно модернизированного хлебозавода, иссеченный осколками фасад и мемориальная доска у входа в школу №57, зияющие пустыми глазницами выбитых взрывной волной окон

здания издательства «Донеччина» и других высоток, осколок, впившийся в бронзовое лицо воина-журналиста у мемориала «В редакции не вернулись», горы битого стекла, торчащий из воронки в асфальте хвост «Урагана» и самое страшное — прикрытый фанерным листом труп случайного прохожего, попавшего под обстрел и сражённого прямо на проезжей части.

Первокурсники Павел Ханарин и Никита Макаренков, сотрудничавшие с «Комсомольской правдой», записали на видео свидетельства очевидцев варварских бомбардировок, затем в сопровождении вооружённых ополченцев прошли пустынным Киевским проспектом от его начала и до самого моста, ведущего в аэропорт, снимая всё, что они видели. Там, перед разрушенным мостом, ребята попали под миномётный обстрел, но к счастью, успели выйти из-под него и укрыться в одном из полуразрушенных зданий. Впоследствии к этой работе подключились и другие студенты. Так появился фильм «Киев против Киевского проспекта» - потрясающий документ цинизма и ханжества киевских «вождей», свидетельство их варварских преступлений против собственного народа. Одновременно он стал свидетельством мужества и стойкости донбасовцев, которых, по словам поэта, «никто не ставил на колени и никому поставить не дано». Небольшой ролик посмотрели не только студенты и преподаватели университета, но и жители республики – он был показан также по Первому республиканскому телеканалу. А благодаря поддержке землячества донбасовцев в Санкт-Петербурге его увидели тысячи телезрителей Северной Пальмиры и Ленинградской области, узнали правду о необъявленной войне на востоке Украины.

Одновременно ребята принесли свои записи о войне, свой взгляд на неё, рассказы об увиденном и пережитом, воспоминания родителей и друзей, фотоснимки. В книге «Юность моя в огне» представлена только небольшая часть этих материалов, и главная мысль, которая проходит через каждый — нет войне, позор и проклятие убийцам мирных жителей, народ Донбасса — победит.

**Кафедра журналистики
Донецкого национального университета**

У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

«...Вокруг станции в радиусе тридцати километров десятки тысяч людей покидали свои дома, уезжали навсегда. Но ещё никто в это не верил. Полные автобусы людей и тишина, как на кладбище. Вокруг автобусов собирались домашние животные — собаки, кошки. Животных оставляли. Люди боялись смотреть им в глаза. Птицы в небе... звери в лесу... мы все их предали... А нашему любимому Шарик у мы оставили записку: «Шарик, прости!» (...) Страшнее всего было смотреть на войну весной и осенью, когда птицы улетали и возвращались, они не знали человеческих дел. Попадали под артиллерийские обстрелы. Тысячами падали на землю» (из воспоминаний людей, переживших ВОВ, которые бережно собрала Светлана Алексиевич в книгу памяти «У войны не женское лицо»). Именно с этой записи, оставленной мной в дневнике 18 ноября 2013 года, и началась для меня война на родной земле.

«У войны не женское лицо», — так описывает облик войны автор одноименной книги Светлана Алексиевич. Свидетельствую — у войны абсолютно нет лица, у произвола и беды нет лица, — все они безликие, чёрные тени отчаяния и горя.

Перелистываю свой дневник.

«Сегодня, 11 февраля 2015 года, в 7:20 прямым попаданием из ствольной артиллерии по автостанции в городе Донецке были убиты и заживо сгорели мирные граждане, которые направлялись по своим делам этим утром. Да, в XXI веке, в центре Европы, за трое суток до Дня Святого Валентина, к которому готовится всякий, горделиво относящий себя к прогрессивному сообществу, в 600 км от Киева и под молчаливое согласие всё тех же «прогрессивных», исправно чтящих чужие традиции. К убийствам дончан — своих же сограждан — за 365 дней привыкли? Так выходит?! Вы, господа, — варвары, не только они, которые приводят в действие пусковой механизм машин для убийства, но и вы — своим молчаливым одобрением подпитывающие энергию убийства и помогающие маховику войны раскрутиться. Маховик способен создать настолько мощную воронку, что в эту чёрную дыру затянет всё и всех с потрохами. «Доброе» утро, моя взбесившаяся страна!»

Хотите, я вам откровенно скажу, с чего начинается настоящий фашизм? Не обязательно с убийства голубя во дворе в детском возрасте.

И даже не с распятия котёнка на стволе дерева. Он начинается с улыбки. Да, да, с улыбки и со слов:

«Старик, не обращай внимания на то, что происходит вокруг. Не надо смотреть на слёзы, продуцируй вокруг себя счастливую энергетику бытия!»

Прав был Константин Симонов, когда говорил: «Чужого горя не бывает, кто это подтвердить боится, — наверно, или убивает или готовится в убийцы...».

Перебираю страницы дневника... «Северный водонапорный узел опять обесточен. Спешите набрать воду. Попадание — Точмаш. ГПП-2 повреждено. По цепочке встало РП-9. Октябрьский без света. Стоит 4 котельные, 91 дом без тепла. А день ещё не закончен. Сейчас в общей сложности, по Куйбышевскому, Киевскому и Ворошиловскому району стоит 30 котельных из-за повреждения линии 110 Кв. Ловлю себя на мысли, что статусы моих товарищей, «пятничное настроение», «прекрасная осень», «в предвкушении вечеринки в клубе», «не смогла удержаться, чтобы не примерить жёлтый жилет, теперь мучаюсь: покупать его или нет,» - всё это вызывает у меня изжогу и отвращение. Сейчас, как никогда. Насколько разное в разных концах одной страны отношение к действительности. А у меня такое — утром присмотрела себе и маме бомбоубежище, но оно оказалось закрытым на навесной замок, теперь мучаюсь: успеем или нет при очередном артобстреле Гладковки добежать к тому, что окажется открытым. Понимаете?! Успеем или нет!»

Однажды мы всё-таки успели с мамой спуститься с девятого этажа нашей квартиры в подвал. Не сразу конечно. Первый подход «Градов» по жилому массиву «Гладковка» застал нас за ужином. Врасплох. Схватив по случаю заготовленный «тревожный» чемоданчик мы тут же и застыли. Оглушающий звук шелеста (как потом оказалось, именно так «работают» эти реактивные снаряды), вой сигнализаций автомобилей во дворе, срабатывающих именно на этот звук, и разрывы где-то совсем-совсем близко... Как потом окажется – прямыми попаданиями в 9 этаж соседнего дома убило жильцов, не осталось ни одного дома, который не попал бы в воронку этого кошмара. Гладковка пылала огнём. В подвале недостроенного Храма Отец Роман прятал застигнутых обстрелом людей. Таких «подходов» тогда на нас пришлось всего три - по 40 залпов реактивными снарядами из системы «Град» каждый. Уже сейчас вспоминаю, как под разрывы снарядов выбегала из подвала, набирала телефонный номер брата сказать, что мы с мамой

живы. Мало ли, а вдруг он уже читает сводки, а от нас ни одной весточки. Потом «ныряла» обратно, оставляя его в оглушающей тишине неведения на другом конце земли... Таким было для нас четвёртое сентября 2014 года.

Листки дневника сливаются в одно красное пятно из ежедневных сводок о разрушениях гражданских объектов и о погибших мирных жителях: в них я узнаю своих товарищей, знакомых, сослуживцев. Вспоминаю, как после ночных обстрелов Гладковки спешила утром к шахте им.Засядько, как старалась все эти дни не занимать места «смертников» в автобусе. Самые желанные места в мирное время — у окошек. Как переживала смерть дедушки, вышедшего набрать воды и застигнутого миной на моих глазах на пешеходном переходе у издательства «Донеччина», как всей шахтой в бомбоубежище молились о ребятах-шахтёрах, в который раз оставшихся в шахте, обесточенной прямыми попаданиями по подстанции и вентстволу. Перед глазами разбитые храмы, покорёженные дома, изуродованные судьбы, растерянность и смерть, — все сливается в ком ужаса перед невозможностью происходящего с нами.

Изучая приметы времени, хочу ещё раз обратить ваше внимание на то, как сильно изменилась у нас погода в обществе и как быстро мы успели расслоиться на своих и чужих в условиях навязанного фронта. Однажды ветер изменился. У некоторых вслед за этим изменились вкусы, появились новые потребности и возникли новые запросы на фоне новых удобных знакомых и главное - появился тот наглый опыт, при помощи которого «гордые» начинают учить «принципиальных» как им надо правильно жить. Обычная история, которая в тревожные времена способна перерождаться в ещё более уродливую форму — в насмешку, в клевету, в презрение, во взаимную ненависть...

Да храни нас всех Господь!

«Снимали репортаж в Свято-Игнатъевской церкви рядом с Донецким аэропортом на 15-м поселке. Разрешили подняться на колокольню, с которой снесло купол. Стою под колоколом, а напарник и говорит: «Вот бы сейчас голубь залетел — такой был бы кадр!». И что вы думаете - залетает белый голубь. Нажимаю кнопку затвора. Потом этот голубь вылетает из колокольни и приземляется на леса главного купола церкви и начинает осматривать окрестности. И благодать такая сразу в душе...

И стало пронятно, что всё у нас будет хорошо. Господь на нашей стороне, дорогие мои любимые люди!»

Александра Л., студентка 2 курса

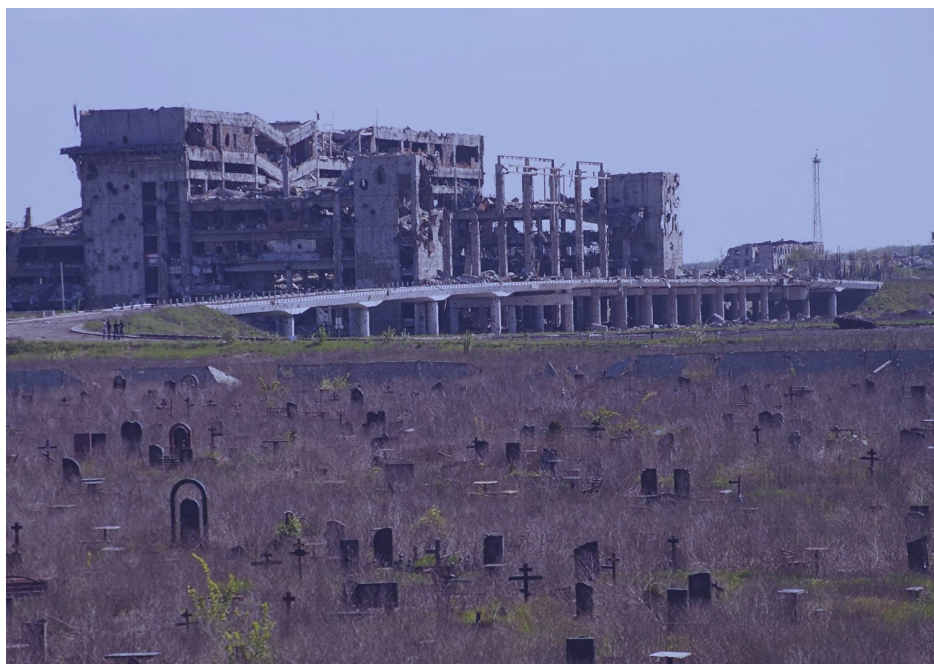
Автовокзал «Центр» после обстрела

4 сентября 2014г. в Донецке

Досталось и недостроенному храму

Август длиною в жизнь

Конец осени 2013 года. Жестокие, порой кровавые события на Майдане столицы Украины. Как же тяжело и печально было наблюдать за тем, как рушится мое государство, как украинский народ восстает друг против друга, как издеваются над столицей моей родины! В те дни, когда я шла с учебы домой, единственное, о чем думала, не усугубилась ли ситуация, как чувствуют себя киевляне, не пострадали ли они? Но в итоге, узнавала, что столкновения нарастают, продолжаются шествия тысяч людей, усиливается противостояния между митингующими и «Беркутом» и не совсем понятно, кто прав, кто виноват. Практически каждый день звонила своему другу в Киев, чтобы узнать живы-здоровы он и его семья.

Май 2014 года. Я не вникала в непонятные для меня процессы, которые происходили вокруг: образование ДНР, референдум, митинг, захват ОГА. Я продолжала жить своей обычной жизнью, несмотря ни на что.

Так вышло, что начало военных действий выпало на окончания первого курса в техникуме. И вот четверг, теплый майский день, уу нас идет урок химии. Четко помнится мнение преподавателя обо всем происходящем: «Это все приплачено, нет никакой ДНР, здесь российский захватчики, на митингах одни пенсионеры, которым также платят, женщина, которую расстреляли в окне своей же квартиры, сама виновата».

Как же рьяно она нам доказывала, свою, украинскую правоту, убеждала, что мы все слепы. И вот в этот момент над техникумом пролетают украинские истребители. У всех просто захватило дух, исчезли какие-либо слова и звуки. Все молча, смотрели в окна третьего этажа, в след этим черным птицам.

Первые обстрелы города, горят Петровский и Куйбышевский районы, аэропорт, взрывы раздаются со всех сторон.

Июнь 2014 года. Однажды вечером, выйдя на балкон к родителям, я спросила: «Что за грохот в стороне Лидиевки и аэропорта?». Но они попросили зайти меня в квартиру и быть осторожной. А потом я услышала от отца такие слова: «Единственное, чего я не хотел, чтобы ты слышала в своей жизни, так это звуки выстрелов». В тот момент, я поняла: действительно началось что-то жуткое.

В конце месяца, побывав в центре Донецка, очень расстроилась, что такой богатый, сильный и красивый город стал вдруг пустым

и безлюдным, окна забиты досками, по улицам ходят люди в камуфляже и быстро проносятся странные тонированные машины.

Июль 2015 года. 1 июля в этот день я впервые узнала и увидела, что такое блок-пост. всей семьей мы решили съездить в Курахово на один день отдохнуть. Проезжая блок-пост нацгвардии и народного ополчения, сразу почувствовали разницу между ними. Бойцы украинской армии просто пугали людей, направляя на них автоматы, ополченцы были сдержанны и вежливы.

Провели день на прекрасной базе отдыха, на берегу водохранилища кто-то предложил остаться еще на денек. Но меня словно что-то дернуло, категорически потребовала возвращаться, и не ошиблась. Наутро мы узнали, что в Курахово были сильные перестрелки. Ситуация в городе сильно усугубилась, царил паника, слезы и тревога.

Одним очень грустным утром папа сообщил, что мы уезжаем в Еленовку к бабушке, хотя бы на пару дней, говорил он мне. Без слез не обошлось, настолько это было тяжело. Около трех часов изнурительной очереди на блок-посту, пришлось выстоять, впоследствии, чтобы попасть на дачу. В тот момент Еленовка находилась под Украиной. Если бы мы тогда, что ожидает нас в этом месте, то никогда бы не поехали, ни за какие деньги!

Каждый день и ночь, слышали, как оттуда, из Еленовки летят на Донецк, микрорайоны Мирный, Текстильщик и другие. Каждый день наблюдали, как украинские военные просто сметали с прилавков ларьков и магазинов всевозможный алкоголь, казалось, им не важно что, главное, лишь бы в тех напитках содержался спирт.

Страшные события в Славянске, Луганске, падение «Боинга», убийство корреспондентов ВГТРК Игоря Корнелюка и Антона Волошина помнятся так, будто это произошло совсем недавно.

Какими слезами я тогда смотрела по телевидению кадры из Славянска, запечатлевшие эвакуацию людей, особенно дома престарелых. В чем же были виноваты эти несчастные люди? Вопрос, на который никто никогда не получит ответ.

Ежедневно рвалась в Донецк, лишь иногда удавалось съездить на пару дней к папе домой, хотя и было очень страшно. Война тогда была в самом разгаре. Магазины не работали, электричество и воды в домах не было неделями.

В одну из таких поездок домой я связалась с тем самым знакомым из Киева и услышала в своей адрес злые и страшные слова: «Единственное, чем я могу поддержать тебя, это приехать и убивать вас, русских тварей!» Было очень тяжело услышать такое от брата-украинца, из-за которого ночами могла не спать.

Каждую ночь я с мамой, бабушкой и сестрой проводили у входа в погреб, наблюдая за небом, в котором мигали огни выстрелов, осветительные ракеты, беспилотники и много чего неизвестного. И были готовы в любой момент спрятаться в нем.

8 август 2014 года, вечером мне позвонили из Донецка и сообщили, что обстреляли наш микрорайон Текстильщик. Серьезно пострадали трамвайная остановка, рынок «Сокол» и моя родная школа №97. Были жертвы и раненые.

3:55 часа утра, 24 августа 2014 года. На тот момент на даче находились только я, мама и бабушка. Что-то разбудило нас, как будто неизвестная сила это сделала. Мы резко проснулись, одновременно. Помнится только бабушкино: «Ну что, пошли?» и мы побежали к погребу, впереди нас мчался наш верный пес Яков, он первым влетел в тот самый погреб, хотя все лто мы не могли заставить его даже подойти туда. В этот момент услышали до ужаса противный звук, будто лес деревьев ломают прямо у меня над головой. Оказалось, что снаряд упал между нашим и соседним двором, дом побило осколками, как раз в тех местах где мы спали. Заскочив в погреб, мы сидели там допоздна. Весь день шел жуткий бой, оказалось, ополченцы начали освобождение Еленовки от нац.гвардии. Было ощущение, что техника противника стояла между домов, прямо на улицах и проулках, где живут люди. Отключили свет, воду, связь. Это был один из самых страшных дней в моей жизни.

Около 23:00 того дня мы зашли в дом погреться и отдохнуть. Всю ночь была слышна работа чего-то похожего на трактор. У нас мелькнула мысль, что после такого жестокого дня Еленовка уже под ДНР. И утром в центре Еленовки увидели, что кругом все увешано флагами Украины, даже заброшенные здания, а на центральной остановке крупно нарисованы не приличные высказывания в сторону России.

Очень хотелось сразу же покинуть страшное место, но из-за того, что мы оказались на линии огня, в фронтовой зоне, все дороги к Донецку были перекрыты. И этот день мы провели так же, как и предыдущий.

26 августа 2014 года все были уже истощенные от этой жуткой войны. В обед нам сообщили, что священник одной из церкви может вывезти нас из Еленовки в пос.Новотроицкое, откуда нас может забрать папа. Быстро собрали вещи, все, кроме бабушки. Она не захотела поехать, оправдывая это тем, что не может бросить хозяйство и животных.

Вскоре, приехала машина и забрала нас. Подъехав к блок-посту

нац.гвардии пос.Новотроицкое, мы увидели, там лишь одну машину, которая ехала со стороны кафе. Это была обычная «Газель» с тентом, в кабине которой сидели местные рабочие. Остановились на блок-посту, с дикими и противными криками «Багаж! Багаж!» к нам подлетели украинские солдаты. А через минуту раздались выстрелы, они стреляли по той самой «Газели», которая стояла по соседству с нами.

1 сентября 2014 года, нас озарила радостная новость об освобождении Еленовки. Помнится восторг бабушки в телефонной трубки, как она радовалась тому, что наконец настала тишина и спокойствие. И мы планировали в ближайшие дни приехать к ней. А спустя три дня позвонил ее сосед из Еленовки и сообщил, что был жестокий обстрел поселка касетными снарядами со стороны Марьинки и в наш дом было прямое попадание. Бабушка погибла.

С того момента, я больше и не появлялась в Еленовке.

Как любила я Украину, что раньше была! Увы, сейчас она братской кровью вся подплыла.

Александра М., студентка

Малая Родина — в огне

Я родился и вырос в небольшом городе шахтеров и машиностроителей Снежное, на востоке Донецкой области. Это моя малая Родина. Здесь я учился в школе, вместе со своими одноклассниками не раз бывал на легендарной Саур-Могиле, где летом 1943 года шли ожесточённые бои за освобождение Донбасса. Я слушал с большим интересом выступление наших ветеранов-участников былых сражений, воспоминания своего дедушки Владимира Григорьевича, который принимал непосредственное участие в сооружении монумента на вершине возвышающегося над Донецкой степью величественного кургана. Как и другим моим землякам, мне и в страшном сне не могло присниться то, что пройдёт 71 год и к нам нагрянет новая война. Причём развяжут её не какие то там третьи силы, а свои, доморощенные нацисты, правительство, которое решило «освободить» нас от «оккупантов». Каких оккупантов — от самих себя? И стали мы вдруг все, многомиллионный народ Донбасса, «сепаратистами», «колорадами», «ватниками» — каких только глупых и обидных ярлыков не навешивала на нас украинская пропаганда.

Как и в 1941 году, когда на борьбу с немецко-фашистскими оккупантами поднялись наши предки, сейчас тысячи моих земляков вступают в народное ополчение. Они идут с целью защитить свой дом и свою семью. Обычные люди, которые не имели никакого опыта в военном деле, стали на кровавом пути карателей украинской армии и так называемых разных националистических группировок — «Азов», «Днепр», «Донбасс», «Правый сектор», «УкрОП». Вышел на борьбу с украинской армией простой народ. Раньше эти люди были шахтёрами, таксистами, медиками. В этом списке — сотни других мирных профессий, которыми раньше занимались раньше наши нынешние защитники.

Хотелось бы отметить их стремление победить врага, который пришел убивать мирный народ Донбасса. Многие солдаты сначала даже не осознавали, куда они действительно пришли, боевой опыт появился не сразу, в начале боёв присутствовали одновременно страх и злость. Тем более, что не только техники не хватало, но и обычного стрелкового оружия, его добывали в боях с врагом.

В моих краях шли ожесточённые бои, они велись в непосредственной близости от города, преимущественно в сёлах, которые находятся

в шаге от черты города. И только через три месяца после того, как украинские войска шагнули на нашу землю, были освобождены ряд сёл и посёлков, а также важный объект нашего края – пункт пропуска на границе с Россией «Мариновка». Украинские оккупанты захватили многие сёла вблизи Снежного — Мариновку, Степановку, Дубровку, Дмитровку и Петровское.

15 июля 2014 года в шесть утра, еще тогда по киевскому времени, они с воздуха атаковали ни в чём не повинных мирных жителей моего города. Тогда я впервые задумался о том, кому нужна эта беспощадная и кровопролитная война. Тот день мне запомнился на всю жизнь как самый страшный день за все мои прожитые тогда шестнадцать лет.

Живу я в микрорайоне Черемушки, что от места боевых действий в 4,5 км, но и до нас донеслась та боль и разрывы снарядов, осколки которых изувечили мирный народ и заставили ещё больше ненавидеть украинских военных. Тогда меня разбудил гул самолёта, летевшего со стороны Краматорска. Самолёт сделал круг и выпустил три ракеты, две попали в дом по улице Ленина, 14, а одна срикошетила от земли и влетела в налоговую инспекцию.

Но самые ожесточенные бои происходили на Саур Могиле.

Как и в годы Великой Отечественной войны, мои современники покрыли себя неуязвимой славой, проявили там выдержку и высокое военное искусство.

Бои за Саур Могилу начались в середине лета. Защищал её отряд «Медведи», которым руководил Гришин Олег Григорьевич. Он погиб 28 августа 2014 года. Бойцы держали высоту продолжительное время. Из 32 ополченцев семеро остались там навсегда. В жестоких боях с карателями погибли Кузнецов Дмитрий Викторович, Алпатьев Игорь Владимирович, Картуз Игорь Николаевич, Маслов Олег Владимирович, Блажко Иван Валерьевич и Хургий Руслан Геннадиевич. Рядом с ними также на высоте, похоронен и командир О. Г. Гришин.

Если бы «Медведи» вовремя не задержали и не уничтожили боевую силу и технику карателей, то Снежное, Торез и Шахтерск сравняли бы с землёй, по крайней мере так планировало командование врага. Кроме того, украинская армия стремилась захватить часть территории вблизи границы с Российской Федерацией и окружить нашу республику. Но мои земляки сорвали эти планы, некоторые — ценой жизни. Подразделению «Медведи» пришлось на время оставить высоту, боеприпасы и силы солдат были уже на исходе. Их непрерывно обстреливали из «Градов»,

танков, САУ, БМП и БТР. Бойцы не раз вызывали огонь на себя, но всё же вырвались из плотного кольца окружения. Случилось это 9 августа. А 26 августа они окончательно возвратили Саур Могилу и над высотой снова подняли чёрно-сине-красный флаг молодой республики.

Павших героев похоронили там же, у подножия высоты, над их могилами установили временные кресты. Не только я, но все мои земляки я верим в то, что пройдет некоторое время и вновь возродится прекрасный мемориал на Саур Могиле, а на памятной доске появятся имена новых героев, павших в боях за эту высоту.

Когда ополченцы изгнали захватчиков с оккупированных территорий, люди узнали о жестокости и зверствах, которые чинили здесь украинские военные. Они долго стояли в Мариновке, Степановке, Дубровке и в Петровском. Это время стало самым суровым испытанием для мирных жителей. Вооруженные силы Украины разрушали дома, били из танков прямой наводкой по жилым кварталам, а особенно по домам из красного кирпича, так как почему-то считали, что в них живут идеологические коммунисты и, по их словам, предатели. Они также насиловали женщин, всячески издевались над мирным населением.

А оно, как и в годы Великой Отечественной, не смирилось с пришельцами, как могло, оказывало им сопротивление. Люди партизанили, сообщали командованию ополченцев важную информацию о передвижениях карателей, всячески старались поднять моральный дух среди мирного населения.

О зверствах и издевательствах над мирным народом мне рассказала жительница села Дмитровка Людмила Гусева:

— В первый раз я испугалась, когда заходил украинский самолёт как раз над нами, где - то успели по нему выстрелить, но не попали. Это был первый раз, когда мы побежали в погреб. Снаряды летели через нас на Дубровку, несколько попали в наше село, один в жилой дом, но к счастью, там никого не было, а второй - в ставок. В подвалах прятались по 2-3 семьи, было жутко и страшно. Был такой такой случай, что идём мы в магазин, а танк стреляет в нашу сторону. Мы различали, где миномет, а где «град», знали, на сколько и куда он выстрелит. Вскоре появились первые погибшие мирные жители. Люди стали понемногу покидать село. Били постоянно по центральной улице, корректировщики наводили.

Самое страшное было тогда, когда у нас не завелась машина, а мы собрались было уезжать, знакомые сказали, что есть «зелё-

ный коридор». Дали этот самый коридор, одна машина проскочила и начался обстрел, вторая — тоже обстрел. Поехали снова, повторилось то же самое. Нас дважды спасла машина, потому что не завелась именно в тот момент, когда мы должны были проезжать тем самым «зелёным коридором». Если бы поехали, то от нас бы ничего не осталось, ведь стреляли именно по той дороге, я поняла тогда, что там была наша смерть. В конце концов мы все таки смогли выехать.

Был ещё один случай с моим знакомым. В селе шли боевые действия, он пришел домой подвыпивший. Рано утром спал, а украинские военные выпустили по нашему селу «Точку У» и она упала недалеко от его дома. Ему повезло в том плане, что взрывной волной подбросило до самого потолка и обратно на кровать швырнуло. При этом отделался только испугом, ни царапины! Он остался жив, наверное, благодаря тому, что был пьян и спал крепким сном.

На той самой дороге, по которой собиралась ехать Людмила Гусева с семьёй, погиб Андрей Стенин, известный журналист, корреспондент ВГТРК «Россия».

Летом 2014 года существовало отдельное подразделение ополченцев, контролировало дорогу, идущую на Саур Могилу из соседнего Тореза. Они наблюдали за действиями противника и сообщали по рации о его передвижении. Им было запрещено открывать огонь, не разрешали даже разводить костры, чтобы хоть как-то ночью согреться.

Вот что рассказал мне один из участников тех событий, ополченец с позывным 7.5:

— Приехали мы сюда, нам сказали: «Вот твой окоп, ложись в него и наблюдай за врагом. Мы сами их рыли, на том месте до сих пор остался мой окоп, который я лично вырыл и провел в нём около месяца. Было такое, что смотришь в бинокль, а на тебя с той стороны тоже смотрят, достаточно неприятное чувство, потому что любое наше движение, и сразу по нашим позициям начинал стрелять снайпер. Нам было запрещено вставать во весь рост, только полусидя или ползком, потому что нашу территорию хорошо просматривали. Из еды был только сухой паек. Дежурили мы сутки на тех позициях, потом уезжали, нам на смену приходили другие ребята».

Отправлялись из города на БТРе, останавливались в километре от позиций и коротенькими перебежками добирались туда, старались, чтобы не засёк противник. Слышали, как недалеко от нас били САУ по жилым массивам, ежедневно начиная с четырех утра. Люди не понимали, что происходит, порой вели себя крайне беспечно. Стоим мы

на позициях, а тут бабушки за грибами вышли. Мы им говорим, туда нельзя, потому что могут выстрелить, а они всё равно за своё. Говорят мне, мы только ходим по грибы и быстренько вернёмся.

Всё это, конечно, уже позади и 7.5 нисколько не сожалеет о том, что взял в руки оружие и пошёл воевать, но нынешняя ситуация его расстраивает. Так как идет не война, а продолжаются непонятные провокации со стороны украинских властей, в результате которых гибнут люди и появляются новые разрушения.

С Донецком у 7.5 связаны не только добрые, но и горькие воспоминания; он потерял на войне своего друга и боевого товарища, который верой и правдой служил своему народу. У друга был позывной «Сова», такое прозвище ему дали ввиду того, что он находился на боевом посту чаще ночью, чем днём. Образ жизни этого воина действительно был как у настоящей совы. По рассказам 7.5, у «Совы» был весёлый характер, он заметно выделялся в коллективе. Его сравнивали с Василием Тёркиным. Над кем-то подшутит, где то расскажет смешную историю, тем самым поднимет боевой дух всей роты. Это, безусловно помогало бойцам в трудные дни войны. Хотя сам он был уже в годах, ему на момент войны было 54 года. «Сова» писал стихи, до войны работал в горсовете, являлся инвалидом-чернобыльцем.

7.5 с грустью вспоминает, что произошло с его другом:

— По нашим позициям отработала САУ, «Сова» не успел укрыться, и его изрешетило осколками. Я его раненого быстро повёз до ближайшего медпункта, но врачи не смогли его спасти, он скончался на операционном столе.

(7.5 слева и его друг «Сова» справа)

Я поинтересовался у 7.5, как он сам оказался на войне, чем занимался раньше.

— Сначала работал таксистом, а потом на СМЗ — Снежнянском машиностроительном заводе, — ответил он, немного поразмыслив. — Что меня заставило бросить дом, работу и отправиться на войну? Прежде всего долг. Моя позиция в том, чтобы защитить свою семью и не дать врагу топтать и поганить нашу землю. Жена сказала лишь единственное, чтобы я там себя берег. Дочь также не могла ничего сказать, так как папа для неё авторитет.

— Расскажите о вашем первом бое, что вы чувствовали в тот момент?

— Было чувство огромного удовлетворения. Я знал, что делаю правое дело и тем самым отодвигаю врага от своего дома, от семьи. Отдыха практически не было, шла интенсивная боевая работа. Мы не могли даже нормально поесть. Привезут на позицию обед, он простоит 3—4

часа, пока немного стрельба стихнет. Обычный день для солдата артиллерийской батареи — это тяжёлый физический и изнуряющий труд.

— Были ли особенные случаи на войне?

— На войне были случаи разные. Один интересный прозошёл в первые дни нашей службы в «Кальмиусе». Только приехали на свои позиции, как по нам сразу же открыли огонь и, что самое удивительное, мои солдаты не испугались, а просто с криком и смехом побежали в блиндажи.

— Как изменила вас война?

— В первую очередь, это нужно спрашивать у моих близких. По сути да, война меняет человека. Самое главное, она даёт понять, какой ты на самом деле, чего стоишь. Также ещё есть такой фактор как экстрим, он в человеке всё выявляет.

— А новые друзья у вас появились?

— Прежде всего, это боевые товарищи, с которыми мы приехали в батальон «Кальмиус». Ополченцы «Скорп» и «Сова». Они также были из Снежного. Весь костяк, командование батареи, составляли снежняны.

— Какой отпечаток оставила в душе война?

— Неприятный. Это не правильно. Нельзя просто так, из-за чьих-то убеждений, убивать людей. Так не должно быть!

В братской могиле на кладбище снежнянского посёлка Овсяное захоронено немало воинов, сражавшихся и отдавших свои жизни за нашу землю, за мир на Донбассе. Примечательно то, что среди многих защитников-мужчин там похоронена девушка — Татьяна. Она родом из Харькова. Сначала в Донбасс уехал воевать её брат, а после того, как его убили, она взяла в руки оружие и стала в строй бойцов. Хоча назвать также имена других героев, до конца выполнивших свой долг перед Родиной и упокоившихся здесь. Вот они:

Евстратов Александр Васильевич, Григорьев Кирилл Анатольевич, Пайвина Татьяна Игоревна, Паврозник Геннадий Петрович, Литвинов Михаил Юрьевич, Баранов Дмитрий Сергеевич, «Макеевка», «Адвокат», «Ящур», Васильконов Евгений Федорович, Аксенов М. М., Соколов Игорь Николаевич, Князев Александр Викторович, Шабашев Александр Геннадиевич, Гаюха Владимир Иванович, Бондарцов Юрий Иванович.

Бесконечно жаль погибших героев, надеюсь их имена навсегда останутся в памяти моих земляков. Трудно, конечно, осознавать, что больше ничего не осталось, что связывало меня с Украиной, тем более после страшных дней и ночей, которые мы пережили. В наших сердцах только горькая слеза всех матерей, которые отправляли своих сыновей в бой за правое дело.

Даниил Б., студент 1 курса

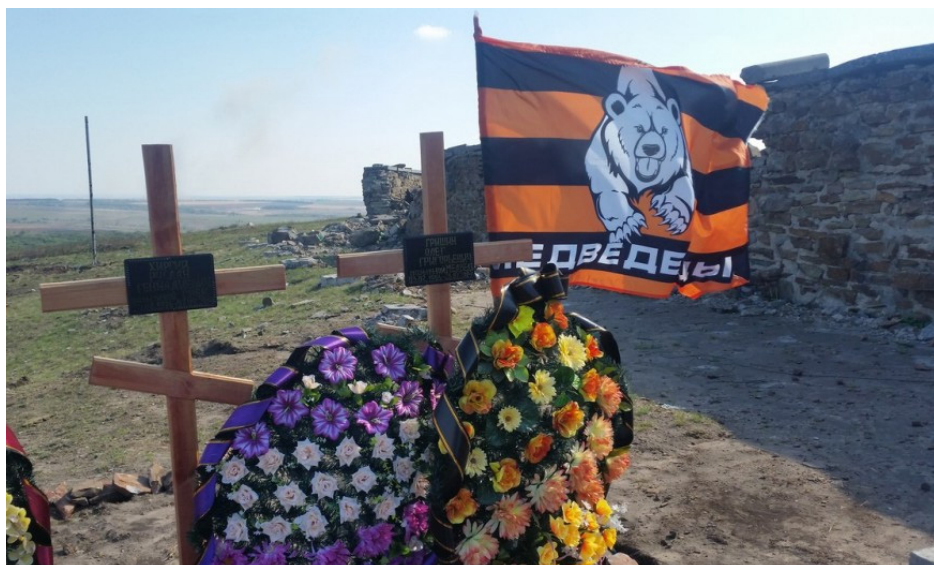
Руины многоэтажки в центре Снежного

Свежие могилы защитников Отечества

Снежнянские ополченцы

У подножья непокорённой Саур- Могилы

Мой год войны

Наверно каждого без исключения проживающего в Донбассе человека не обошла стороной эта страшная пора событий, которую сегодня уже нужно назвать нашей историей.

Война, которая мгновенно пришла на Донбасс, оставила после себя тысячи жертв, разрушенных улиц, домов, микрорайонов, промышленных предприятий, смертей и разрушенных судеб. Сломала привычный образ жизни, и всё еще продолжает его ломать.

Размышляя на тему «Мой год войны», ярче всего встают в памяти воспоминания о событиях 17 августа — 25 августа 2014 года, которые мне довелось увидеть в северной части города Макеевки (Кировский район). Итак, обо всем в хронологическом порядке.

Масштабная война пришла в Макеевку несколько позже, чем в районы Донецка, где активные боевые действия не прекращались ни на минуту, но несмотря на это оружие украинских силовиков вместе с их ненавистью ко всему Донбассу оставили неизлечимые раны и родной Макеевке.

Июль 2014 года для меня и жителей микрорайона «Черемушки» (ЖД вокзал, квартал «Шахтерский», «Железнодорожный», «Гвардейский», «Северный») и поселка Ясиновка стал точкой отсчета в этой войне.

В то время, как жители «Черемушек» только «привыкали» к громким раскатам артиллерии и ночам в бомбоубежищах и подвалах домов, некоторые ясиновцы уже лишились крыши над головой...

Днем и ночью слышны бои в пгт. Землянки, прилегающем к Ясиноватой.

17 августа 2014 года. Обстрелам со стороны ВСУ подвергается блок-пост в районе железнодорожного переезда «Ясиноватая—Макеевка» и ПАО «Ясиновский коксохимический завод». Находясь в это время на дежурстве на территории завода, в 9 часов утра спускаемся в бомбоубежище и лишь несколько раз за 8 часов поднимаемся вверх, чтобы осмотреть территорию и быстрыми маневрами выполнить неотложную работу.

19 августа 2014 года. Наверно, самый страшный день войны... После утренних обстрелов, которые привели к нарушению стабильной работы завода, многочисленным повреждениям сооружений и оборудования, разрушениям подвижного состава, заводчане под обстрелами продолжают работать. В 14:00, после продолжительных боевых действий сотрудники предприятия, незадействованные в непрерывном производстве, покидают территорию завода.

Уходя через центральную проходную и следуя по ул. 50-летия СССР,

никто и не подозревает, что через 10 минут их снова «накроет град».

По счастливой случайности мы с коллегами выходим через недействующую проходную, расположенную в стороне от блок-поста, который принимал удар, следуем немного иным маршрутом.

Залп... свист... разрыв! Ложимся на землю, прохожие тоже. Снаряды рвутся буквально в 200 метрах, накрывая одновременно стадион «Авангард», квартал К-7, «Северный», железнодорожный вокзал и прилегающую к нему площадь. Тот маршрут следования, по которому 10 минут назад отправились наши коллеги-заводчане. Кто-то из них домой не вернулся, кого-то забрали с ранениями. Всего в этот момент в районе Привокзальной площади погибло около 5 человек.

Дорога домой в этот день показалась мне вечностью. Шесть раз пришлось лечь на землю. Снаряды разрывались со всех сторон. Пустые улицы, по которым лишь изредка пробегают люди, такие же напуганные и растерянные и внезапный крик: «Стой! Туда нельзя, бегом в убежище! В ближайшие дома!». Это была комендатура, вроде...

Понимая, что бежать к неизвестному дому и искать в нем подъезд с оборудованным подвалом дело не минутное, принимаю решение идти дальше, по уже продуманному маршруту. Снова залпы, снова свист и разрывы, уже бегу, не останавливаясь и не падая на землю.

К своему дому за этот раз не добегаю, останавливаюсь у товарища, который также спешит в подвал. Здесь своя атмосфера... Дети, старики, домашние животные, в одной из комнат горит свеча, стоит икона. Кто-то молится. Меня, как незнакомца, в этом доме принимают с радостью, спрашивают откуда бегу, интересуются о заводе. Так проводим еще три часа.

В этот день Ясиновку также «крыли градом».

«Один из снарядов попал и в наш двор, разорвался в огороде. Взрывной волной вырвало дверь в летней кухне, окна в доме были разбиты многочисленными осколками. К счастью, все мы находились в это время в подвале», — вспоминает последствия того дня мой коллега по работе Генералов В. С.

Чуть позже собеседник добавляет: «Выйдя на улицу после очередного «акта освобождения ВСУ поселка», решили осмотреть двор и заглянуть к соседям, мобильной связи в это время в Ясиновке уже не было. Позже, спустя несколько дней, снаряд на глубине чуть более метра выкопали, думали сделать небольшой памятник во дворе из него, осколков и прочих предметов войны, однако передумали. Плохая примета».

В этот день в Кировском районе города разрушены и повреждены:
- Жилые дома на кварталах «Северный», «Железнодорожный» (наибольшие повреждения), «Гвардейский»;

- Библиотека им. А. Беженовой (кв-л «Железнодорожный»);
- Общеобразовательная школа № 15 (кв-л «Железнодорожный»);
- Салон красоты, продуктовый магазин, АЗС (кв-л «Железнодорожный», кв-л «Северный»);
- Детсад (кв-л «Северный») и прочие объекты;
- Многочисленные повреждения в частном секторе пгт. Ясиновка.

22 августа и 25 августа 2014 года ВСУ не оставляют в покое северную часть города, и подолжают «освобождать» Макеевку.

«Думала, рвануло у нас в доме, — рассказывает знакомая Шабанова Д., — а как оказалось позже — это разорвались снаряды на территории поселкового детского сада пос. ЯКХЗ и в доме, по пер. Гарматы».

Почти одновременно снаряды попадают и в санаторий-профилакторий «Родничок». К счастью, в это время все пациенты уже были эвакуированы. Повреждения и последствия мне удалось увидеть самому.

Мощность взрывной волны оказалась настолько сильной, что офисный стул буквально вылетел из коридора и побил насквозь пластиковую дверь в кабинет. Здание профилактория повреждено.

А уже 25 августа 2014 года от многочисленных обстрелов на заводе ЯКХЗ воспламеняются хранилища бензола, практически с каждой точки города видны густые черные клубы дыма. Жители города напуганы и распространяют слухи и домыслы.

Такие печальные события только что снова пронеслись перед моими глазами. Прошло уже более полутора лет, но вспоминая все, мурашки пробегают по коже. Дай Бог никому не узнать и не почувствовать на себе, что такое война. Но это уже не о нашем поколении...

26 апреля, 23:40. Заканчивая писать, за окном в стороне Ясиноватой снова слышу взрывы. Снова бомбят, снова бессонные ночи. Просто жалко тех людей...

Дмитрий С., студент 3 курса

Очередь за водой в Кировском районе (сентябрь 2014)

Так выглядел железнодорожный транспорт на Ясиновском коксохимзаводе

Одна из пятиэтажек Макеевки после артобстрела

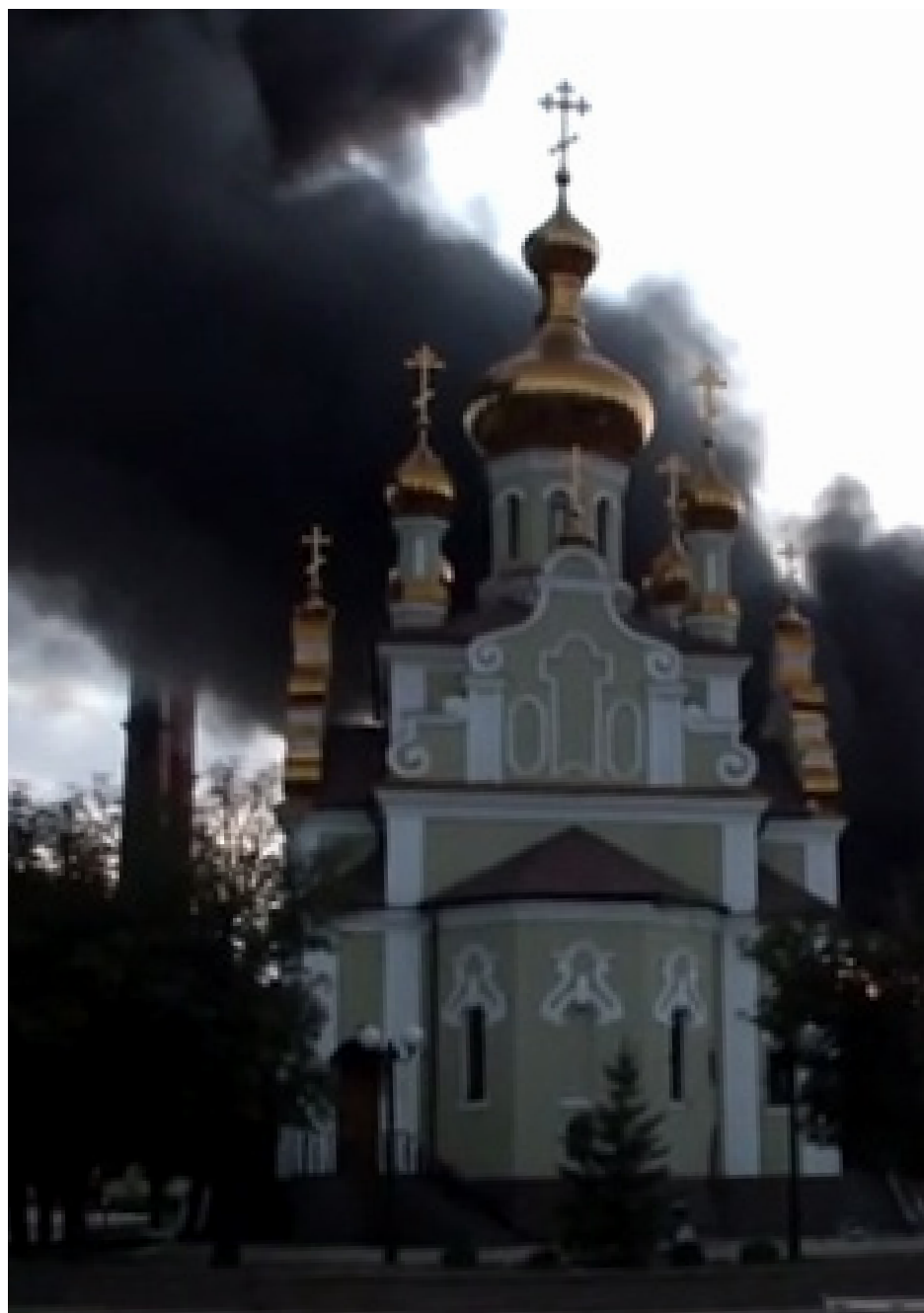
Невинные жертвы необъявленной войны

Кировский район г. Макеевки после очередного обстрела

Войною мир не изменить. Война — измена всему миру

Война для меня началась с первых жертв на злосчастном Майдане, когда молодого парня — «беркутовца» озверевшая толпа митингующих распяла на воротах. Уже тогда стало ясно: просто так всё не закончится. Но я не могла даже предположить, что за окнами моего дома совсем скоро будет слышен грохот тяжёлой артиллерии, что смертоносные орудия каждую ночь не будут давать сомкнуть глаз, что на улицах Донецка ежедневно будут гибнуть люди. Что я, все мы так много потеряем: родственные связи, друзей, да и тех, кто называл себя друзьями. Потеряем душевный покой и мирное небо над головой.

На протяжении всего этого кошмарного года всё же удавалось совершать открытия, не всегда приятные, но наталкивающие на размышления о том, что такое добро и зло, насколько эти понятия относительны, и на то, как много или мало в каждом из нас великодушия. За это время я видела всякое: честь и подлость, трусость и отвагу, глупость и терпимость, покорность и бунтарство; проявления слабости и отчаяния, но в то же время было место восхищению могуществом духа тех или иных людей, встречавшихся на пути.

Одним из самых тревожных дней для меня стало 22 января 2015 года, в этот день диверсанты из миномёта расстреляли на остановке на ул. Куприна троллейбус №17. Я помню, как запаниковали жители моего тихого микрорайона, ведь раньше сюда не залетали даже случайные снаряды. Гибель десяти ни в чём не повинных мирных граждан стала большим потрясением. Сейчас на месте трагедии установлен памятный знак. Люди часто приносят туда цветы и зажигают лампадки. А первое время после случившегося, проезжая остановку «Боссе», пассажиры общественного транспорта хранили молчание и порой крестились. Вторым прискорбно-ярким потрясением для меня был день переговоров так называемой нормандской четвёрки в Минске 11 февраля 2015 года. Конкретно в эту дату украинские военные целенаправленно обстреляли Ленинский район. Я и моя мама допоздна смотрели прямую трансляцию из Минска, ожидая результатов, но к 3-м часам ночи терпение закончилось и мы отправились отдыхать. Но спустя час внезапно пришлось сумбурно собираться в коридоре. Я уже дремала, когда по нашей улице открыли миномётный огонь,

вновь диверсия... Один из снарядов попал в мой двор, повредив окна двух домов напротив и крышу трансформаторной подстанции. Погиб один человек и его любимая кошка. У меня в квартире вылетела лампочка. Помню тот охвативший меня крошечный ужас. Первая мысль «только бы с мамой было всё в порядке!» Пришлось быстро искать кота и верхнюю одежду, хватать «тревожный» чемодан и дрожащими руками открывать дверь.

Затем, настало время затишья, такого желанного и долгожданного. Экономические неурядицы продолжали развиваться в геометрической прогрессии. Продолжают, собственно, и сейчас. Но уже не так страшно выходить на улицу, сон стал не кратковременным подарком, а нормальным явлением.

В отпуск начали приходить знакомые ребята — ополченцы, и у каждого была своя будоражающая душу история. О том, как на глазах гибли товарищи, о том, насколько трудно нести бремя солдата и оставаться человеком, осознавая, что каждый день ты окунаешь руки в кровь. И хотя это кровь врага, но всё же ты выполняешь эту грязную, жуткую «работу». О том, есть ли место справедливости, добру и свету в зловонной яме жестокости, ненависти, невероятных испытаний и трудностей.

Вот одна из таких историй, которую рассказал мой сосед:

— Наш отряд сражался под Дебальцево, бойня пошла на спад, так как и у нас, и у противника боеприпасы заканчивались, все были измотаны, продовольствия не хватало. Командир наш оказался той ещё тварью, сбежал, бросил нас, ещё и мешок с продуктами прихватил. Время близилось к закату, вдруг слышим гул, тяжёлый такой! Танк с десантом идёт прямо на нас. Ну мы в окопе, патронов и гранат нет, сами еле живые. Каждый уже прощался с жизнью, потому что лучше смерть в неравном бою, если это боем назвать будет можно, чем месяцы пыток в плену. Вдруг взрыв! Оказалось, танк на растяжке подорвался, её «свои» же по глупости поставили, а предупредить забыли. Кто сидел на танке — все мертвецы, кто внутри — у тех кровь из ушей. Пока они паниковали, мы с товарищами успели ползком выбраться на нейтральную территорию. Сейчас в отпуск отправили, здоровье подлечить да от стресса отойти. Думаю, если бы не безграмотность ВСУ, мы бы не отделались голодовкой и воспалением лёгких. Куда более трагичная ситуация произошла с моим другом, у него на глазах брат на mine подорвался, его потом по кускам собирали.

Слушая эту исповедь, я проронила не одну слезу.

Ещё одну ужасную историю мне рассказала мама. Она поддерживала связь со своими сотрудниками, которые выехали из осаждённого Донбасса. В больнице, где мама работала, знакомая медсестра реши-

ла уехать к родственникам на Западную Украину, ибо когда снаряды приземляются в двух шагах каждый день, уже становится не до принципов, ведь на кону стояли жизнь пятилетнего сына и пожилой матери. Родственники встретили их с надменным высокомерием, но за дверь не выставили. В один из солнечных дней медсестра отпустила сына во двор, чтоб тот поиграл и подышал свежим воздухом, деревня ведь, машин нет, военные не расхаживают. Когда настало время обеда, тётя Наташа пошла звать Егора и увидела страшную, дикую и бесчеловечную картину: соседские дети забили её сына камнями — за то, что тот «сепаратист». После этого женщина лишилась рассудка.

Война — не приключение, она как всепоглощающая адская сущность, которой по огромной глупости и чудовищной жестокости люди приносят страшные жертвы.

Мы научились по-новому любить своих близких, ведь всё может быть в последний раз, но не лучше ли каждый день напоминать себе, что жизнь и так слишком коротка, чтобы тратить её на ненависть и непонимание? Мы узнали, чего стоит хотя бы один день, когда над головой мирное небо. Мой год войны — самый страшный из моих семнадцати, мне не забыть никогда.

Лина В. , студентка 1 курса

К счастью, хлебный киоск был закрыт

О ком молчит память

Бледная луна освещает мой дом тусклым, похожим на свет больной лампы светом, а в комнате легко и непринужденно витает нежный ветерок, напоминая далекие времена, когда я не знала холодного дыхания войны. Слушаю мелодию тишины и вспоминаю время, когда только начинала познавать жизнь...

Война. Именно ночью я впервые задумалась над смыслом этого короткого и самого страшного слова на земле. Помню, как однажды дала себе не по годам взрослому клятву «не допустить кровопролития на своей Родине чего бы мне это не стоило». Знаю, звучит наивно и даже глупо, маленькая девочка полагала, что от нее зависит, быть или не быть войне в этом сложном и беспокойном мире. Но, видимо, мне присуще чувство сострадания, и даже сейчас, пережив кровавые бомбежки своего города, я верна своей клятве, никогда не призываю к войне и мечтаю о мире на родной земле.

Сострадание — чувство знакомое далеко не каждому. Не так давно, к своему ужасу, я вдруг поняла, что не все мои бывшие соотечественники задумывались в детстве над столь важными вещами, которые делают из человека личность, способную сопереживать кому-либо, кроме себя. Я вдруг осознала, что жила в мертвой стране, где рядом со мной существовали (именно существовали, ведь для меня человек, не способный чувствовать боль ближнего своего, является моральным калекой) люди, совершенно не помнящие свою историю. А ведь история — это бесценный дар, помогающий нам избежать кровавых ошибок, которые обходятся человечеству слишком дорого. Далеко не все усвоили ее тяжелые уроки и даже сегодня, когда моя Родина захлебнулась в крови, продолжают будничным тоном рассуждать о необходимости уничтожения «лишних» людей на Донбассе. Такие люди, увы, существуют и в моем городе. Они упрямо живут за тяжелыми шторами украинской пропаганды, не позволяя лучу истины растопить их ледяные сердца. Они никогда не прочтут этих строк и, возможно, так и не услышат правду. Ведь правда живет только там, где жива память народа.

Но, как известно, война не может длиться вечно. Рано или поздно жизнь все расставит по своим местам и заставит ответить перед людьми и Всевышним за свое равнодушие. Слышать ли немой крик войны? Помнить ли свою историю? Решать только тебе, мой друг. О ком молчит память? Жизнь помогла мне найти ответ на этот нелегкий вопрос. Она молчит по каждому из нас. Она молчит и по тебе, мой

друг. Только бы услышать ее шепот в немом крике войны. Только бы успеть. Пока не стало слишком поздно.

Заметили, как этот год изменил вашу жизнь? Большинство из вас ответят утвердительно на мой вопрос. Почти два года конфликта изменили наше существование до неузнаваемости. Мы пережили бомбежки нашего города и окунулись в вязкое и неустойчивое перемирие, именуемое Минским процессом. Спектакль под названием жизнь продолжил своё действие в огромном театре бесконечности. Изменились действующие лица и декорации. И только сценарий остался прежним. Игра актеров уже давно не вызывает никаких эмоций да и сюжет зашёл в тупик. Ничего не меняется, один акт сменяется другим, а уставшая публика по-привычке аплодирует. Так продолжится до тех пор, пока не придет новый режиссер, который перепишет весь сценарий заново.

Что значит смерть? Для меня она всегда была чем-то далеким и близким одновременно. За этот год изменилось многое. Смерть стала ближе, чем когда либо. Она пронзила каждую клеточку тела, упрямо поселившись в душе, словно часть меня умерла в тот далекий весенний день. До него я существовала не чувствуя жизни, не замечая ее красок, не отдавая себе отчет о каждом прожитом дне. Теперь все иначе. Война подарила мне бесценный дар осознания великой ценности и безусловной важности каждого прожитого дня. Теперь, просыпаясь утром, я радуюсь самым простым вещам, которые совершенно не представляют никакой ценности для многих из нас. Бесценные подарки Всевышнего — добрая улыбка мамы с утра, смех детишек на игровой площадке, нежный запах цветов. Все это было всегда, но что-то не давало почувствовать жизнь во всех ее самых поэтических проявлениях...

По собственному опыту многие знают, что самое важное в жизни происходит совершенно случайно, будто бы ангел хранитель дает нам удивительный шанс проснуться от вечного сна под названием «серые будни» и начать жить заново, чувствуя себя частью этого удивительного и быстрого, как один миг спектакля, скромно именуемого «моя жизнь». В тот весенний день неожиданно для себя я решила пойти на прогулку, дорога привела к Донецкой обл. администрации - немому символу сопротивления народа Донбасса. Помню сотни горящих глаз, лозунги лидеров сопротивления, военные песни, обретавшие той весной новую жизнь. Калейдоскоп образов и воспоминаний до сих пор кружит перед глазами, не давая забыть пьянящий запах свободы. К сожалению, память что-то утерjala, что-то осталось со мной навсегда.

Помню, как стояла среди толпы и не могла оторвать взгляд от белого листа, с которого на меня смотрела цветущая девушка по имени

Юля. И вдруг поняла, что всегда буду помнить этот открытый взгляд, пронизывающий душу, показавший всю быстротечность бытия. С болью и нежностью я вглядывалась в озорные глаза Юлии Изотовой, простой медсестры, которая до последнего помогала раненым ополченцам и была зверски расстреляна «щирими патриотами», явившимися «освободить» народ Донбасса от него самого. Именно тогда пришло осознание: моя жизнь изменилась навсегда. В тот день для меня Украина умерла, оставив в душе серый пепел боли и разочарования.

С тех пор прошло много времени. Жизнь преподала мне жестокие уроки и научила быть сильной. Я как могла попыталась усвоить горький урок войны и найти свое место в этом бесконечном потоке образов и событий. Было необычайно трудно. Но я ни о чем не жалею. Только вечная боль за погибшими терзает мою душу. Незаживающей раной на сердце простое девичье имя. Жаль, что твой путь окончен. Спасибо тебе, Юленька, за горький урок! Пусть твой покой никогда не нарушают глухие хрипы войны.

Татьяна К., студентка 2 курса

Военное небо над Углегорском

Хозяйка разрушенного жилища в отчаянии

Подарки от президента Украины

«Сегодня я остался жив!»

На одной из улиц Куйбішевского района Донецка

Угледорск — донбасский Сталинград

Слёзы военного города

Год, изменивший все

Раньше я думала, что тот или иной год может быть как везучим, счастливым, так и неудачным. После того как пережила 2014 и 2015 годы, я поняла, что каждый год особенный, он дается как испытание: чему-то учит, что-то забирает. В жизни многих эти два года стали самым сложным испытанием и забрали слишком много — прежнюю жизнь, они изменили каждого. Спросите почему?! Война пришла на Украину. Нет, я сейчас не ошиблась и не опечталась, именно на Украину, ведь начиналось все, когда Донецкая и Луганская области входили в состав Украины, а их жители гордо называли себя украинцами.

Эта гражданская война, или, как её еще называют в Киеве, АТО, разделила на два враждующих лагеря единый народ. А если углубиться в это, члены одной семьи пошли друг против друга. Мы не раз слышали истории от ополченцев, в которых они рассказывали, что их родные братья или отцы воюют на стороне украинской армии. Жестоко. А кто сказал, что война — это просто и незаметно?!

«Все было разрушено, я ходила по своему собственному дому, как по выжженному полю. В памяти всплывали картины из прошлого. Столько всего было связано с родными стенами: первые шаги моего ребенка, как мы с семьей возвращались домой из отпуска, праздники, проведенные там. В такие моменты ты понимаешь всю ценность своего гнездышка, только поздно, слишком поздно, ведь его уже нет. Слезы невольно накатывались на глаза, когда я все это видела, но и уйти от туда было очень тяжело. Эта война забрала слишком много, но не все. Она оставила нам жизни и здоровье, это пожалуй, самое главное. А новый дом можно построить и сделать таким же теплым, как и старый», — говорит жительница города Енакиево Оксана К.

Несмотря ни на что, жители ДНР научились не падать духом. Они находят во всем происходящем положительные стороны, даже тогда, когда это сделать очень сложно.

«Поставили меня с напарником на ночное дежурство. Сидим мы в окопе и слышим, как со стороны противника к нам кто-то осторожно пробирается. Ужасный шорох стоял, мы разбежались по позициям, приготовились отражать атаку. Думали все, вся жизнь перед глазами промелькнула. Темно, видно только как кусты шевелятся и кто-то очень быстро к нам ползет. Палец уже готов нажать на курок, и тут из кустов выбегает ёжик. Смех был! Зато теперь мы знаем, что от ежей очень много шума и их очень легко спутать с противником.»- вспоминает бывший ополченец Андрей О.

Я помню тот день, когда на моих щеках впервые появились слезы, причиной которых была война. 12 июля мы с мамой возвращались домой. Как обычно, минут за 20 до отправки автобуса приехали на Запорожский автовокзал. К нам подошла семья: женщина с пожилой матерью и сыном, они сбежали из Марьинки, которую ночью обстреляли. Женщина не представилась, но рассказала, что с ними происходило. Они сидели в подвале был слышен ужасный гул, это был не свист, что характерен для «Града», стреляли из какого-то более мощного оружия. После обстрела, по её словам, ополченцы как фашисты вытягивали всех из подвалов и силой отправляли в Россию, а им чудом удалось бежать в Запорожье. Эта история повергла меня в шок, довела до истерики. Я была в смятении, не могла поверить собственным ушам. Как же так? А удивило меня больше всего то, что она ополченцев назвала фашистами. На что мне мама ответила: «Для одних — фашисты ополченцы, для других — солдаты украинской армии.»

На этом «сюрпризы» не закончились. Мы уезжали из мирного Донецка, а вернулись в войну. Нас встретили звуки взрывов, доносящиеся из Иловайска, а горизонт весь был в дыму. Ночью в Зугресе взорвали мост, от этого содрогнулся весь дом, посыпалась штукатурка. Только во сне виделось спасенье от реальности, но засыпать было страшно.

Таким был мой первый день войны. Я восхищаюсь всеми, кто выдержал лето 2014 года. Почему именно лето? Потому что летом мы узнали: к нам пришла война. Человек способен привыкнуть ко всему, летом 2014-ого мы привыкали к войне, поэтому я считаю этот период самым тяжелым. Мы привыкли: к комендантскому часу; к звукам разрывающихся снарядов, уже не возникнет сложности в определении, из какого оружия обстреливают наши дома; к тому, что жизнь может закончиться раньше, чем кто-либо предполагал; к сырым подвалам, которые могут на долгое время заменить теплый дом. Мы ко всему этому привыкли, но в тоже время, поскорее хочется обо всём этом забыть. Хочется выйти в полночь и прогуляться по ночному городу, не боясь ничего. Хочется съездить в любую лесопосадку на пикник, не боясь того, что она может быть заминированной. Хочется просто жить не боясь.

За эти два года многие потеряли близких, многие дом, а многие жизнь. Война, скажете, плохо. Нет, война — это больно, жестоко и страшно. Она учит ценить каждое мгновение жизни, ведь следующее может забрать безвозвратно, взгляды и прикосновение близких; теплоту родного дома... Война выжигает в сердце рану, ломает психику, душит людей. Она оставляет в памяти всё то: что хочется поскорее забыть: разорванные в клочья трупы среди, которых близкие, доро-

гие или просто знакомые тебе люди, рыдающих матерей с мертвыми детьми на руках и не важно, 30 им или 10, ужасный запах горелой плоти... Война! Здесь лишние слова. Чтобы её понять, нужно чувствовать.

Ксения П., студентка 2 курса

«Пятнашка» выстояла!

С этого момента, пожалуй, все и началось. Тогда в Красноармейске и Димитрове, да и вообще, по территории всей Донецкой области были километровые очереди у избирательных участков.

Утром мы с Виталиком проснулись, созвонились с Машей, Вовой, Цу, Сашей. Они все приехали к нам. В этот день на двух машинах мы блуждали по Донецку в поисках очереди поменьше. Оказалось, такой участок был у нас перед носом, точнее, около дома. Мы заехали за Машиной мамой и поехали туда. В очереди постояли минут двадцать. Я даю свой паспорт тетеньке.

— Это Ваше первое голосование в жизни?

— Да, и такое важное!

Не раздумывая и даже не заходя в кабинку, я ставлю галочку в поле «За», как в прочем и вся наша компания. Я была в таком хорошем настроении, такая счастливая. Охранник на выходе дарит мне цветок.

— Поздравляю с первым голосованием!

— Спасибо, — смущенно я прижимаю цветок к себе.

Машина мама плачет.

— Детки мои, — обнимает она каждого из нас по очереди, — я так хочу, чтобы у вас все было хорошо. Надеюсь, хоть в новом государстве мы, а самое главное вы, заживете по-людски.

В городе настоящий праздник. Многие с флагами ДНР. Мы гуляем по городу, фотографируемся и строим планы на будущее.

Вечером я читаю новости в интернете. В Красноармейске убито два человека. Меня обхватывает ненависть. В голове роится миллион вопросов: почему? Как? Зачем? Кто? Я не нахожу ответов. Я не понимаю, как в 21-ом веке, в век гуманизма и дипломатии, можно убить человека просто так, за другую точку зрения и при этом остаться безнаказанным.

— Ты не понимаешь! Я должна туда пойти!

— Неужели мужиков там недостаточно? Лен, ты молодая, пожалей себя, в конце концов!

— Я не хочу позорно сидеть дома, как ты, и ждать, пока само собой все закончится. У меня семья. Там бабушка, дедушка, мои сестры, могила матери и больной отец. Кто их защитит? Ты, что ли? Твой дом здесь, твои родители здесь, а я здесь чужая! Я нужна своей семье. Я не хочу, чтобы мои младшенькие кричали «Слава Украине!», НЕ ХОЧУ! Я хочу достойных пенсий для своих бабушки и дедушки, чтобы они

могли себе позволить куда-то поехать, а не сводить концы с концами!

— Тогда иди, уходи. Считаешь, я за мамкиной юбкой прячусь? Собирай вещи и уходи!

Я ушла. В «Пятнашку». Служить.

Первый тяжелый бой в Марьинке. Я сижу в казарме. Мне позвонил Ваня, мой командир, сказал, что Киевский район обстреляли. Попало почти по Ветке. Там пока никого нет из журналистов. Нужно поехать. Еду и снимаю. Обстреляли жилые дома и детский сад из тяжелого. О погибших не знаю. Раненые есть.

Мне звонят из Марьинки.

— Лен, у нас Ика, Кенз — 200. Много раненых. Едь в Калинина, спроси, что нужно для пацанов, и привези.

Сломаю голову, я несусь в сторону больницы Калинина. По пути хватаю такси. По щекам льются слезы. Перед входом в 14-й корпус останавливаюсь, успокаиваюсь. Залетаю в приемку. На каталке лежит Чиж. Весь грязный, замученный. Пока я делаю несколько шагов к нему, он пытается спрятаться, отвернуться.

— Ты же обещал мне вернуться целым?

— Ну. Так получилось, это все укропы. С них спрашивай.

— Что там произошло? Куда ранен хоть?

— В ногу и легкое. Танк отработал. Первый и второй раз мимо, а второй прямо по нам. Я воду подошел к колодцу набрать. Пацаны на передке 10 часов без нее были. Я раненого вынес на «ноль» и как раз решил хоть баклагу набрать. Кенз там остался, знаешь?

— Да знаю...

— Он от колодца к беседке побежал, присел и закурил. Полголовы ему снесло. Мозги по всей беседке.

— Сколько ему, 20 было?

— Ну да. Все думали, что Найк — 200. Они ж с Кензом — не разлей вода. Но Найку повезло больше. Ика тоже там. Но с ним не знаю что случилось.

К Чижу подходит медсестра и начинает снимать берцы. От них воняет, как от свалки.

— Фу, господи, — возмущается она.

— А что Вы думали? Боец шесть дней на передке, только из боя вышел. От его ног, по-вашему, должно духами пахнуть?

Чижа завозят в операционную. Я осматриваю приемку. Вокруг много гражданских раненых. Тяжелый денек сегодня у медиков!

Выхожу, смотрю — Лепа, прихрамывающая уходит.

— Эй, Кирюха, ты куда?

— Домой, куда ж еще. Сука, под самый конец ранило. Нормально же бегал.

— А тебя куда?

— Не поверишь! В ж*пу!

Мы смеемся. Без юмора на войне никуда. Это не просто шуточки, это защита. Иначе просто с ума можно сойти.

После того боя у нас из части уволилось человек 40. Около 30-ти раненых. Два убитых. Для такого боя — неплохой результат. Могло быть и больше. На построении, прощаясь с убитыми, стоят раненые бойцы. Кто с аппаратом Елизарова, кто в гипсе, кто просто с повязкой. Тогда не очень верующий Сева попросил его покрестить в церкви. Его друг Книга устроил это и через неделю Сева был уже крещен.

Как всегда поехала снимать репортаж о жизни «Пятнашки», пока не мое время ротации, а на «базе» скучно. О том, как они живут на позициях, чем занимаются и т. д. По сложившейся традиции бойцы напоили меня теплым чаем. Как всегда были расспросы: «зачем ты приехала?», «тебе здесь делать нечего, ты же девушка, здесь опасно!». Все поздравляли Севу с удачным попаданием в укровский сарай с боеприпасами. Тот еще фейерверк он им устроил. Как и раньше я прошлась по постам, зависла на «втором», где был Сева. До этого мы не были особо знакомы, так, виделись пару раз в батальоне. Привет-пока и на этом ограничились. Я не знала кто он, откуда, чем занимался. Но как ни странно мы довольно-таки долго с ним общались, сидя на посту. Обо всем. Всё радовался своему удачному попаданию в сарайчик с БК.

— Сев, давай интервью снимем?

— Лен, я же не умею говорить...

— Сева, ну, пожалуйста. Мне же нужно что-то снять!

Долго готовясь, скупив две сигареты, Сева начал говорить стандартные фразы о ситуации на передовой. Когда я запрыгивала в окоп, по мне отработал украинский снайпер, но пуля прилетела на пару сантиметров выше моей головы.

— Ты аккуратнее будь, сейчас солнце нас слепит. Оно им на руку, — подал мне руку Сева.

— Да нормально, не в первый раз.

На передовой я всегда вела себя беспечно. Мне казалось это как в кино. Не по-настоящему. Сева отправил в сторону противника несколько пуль из ПК и выстрелил из подствольника.

— Вот вам, суки, чуть Ленку нашу не сняли!

По радиации уже кричит командир:

— Второй пост, что у вас происходит?

— Да ничего, командир, немного поработал снайпер, слегка ему отвели, — невозмутимо говорит по рации Сева.

— Сева, ёпрст, прекращение огня! Чтобы тихо там было. Как принял?

— Плюс.

В интервью Сева был не многословным. Говорил, что пару дней назад здесь было жарко, а сейчас вторые сутки тихо — не к добру. Говорил, что уже двое суток не лают собаки. Раньше лаяли и указывали, примерно, где движение. А двое суток уже тишина. Значит, перебили. Или отравили...

Я вернулась на «ноль». Привычно общалась с пацанами «о том, о сем». Часов в восемь вечера мальчики сменились, и вернулся Сева. Все жаловался Лешему, что устал, что хочет отдохнуть, хочет что-то поменять. Рассказывал, что был на единственном море, да и то на севере. Мы ему все обещали, что отвезем в Крым, на Азовское море, что там он отдохнет как человек. Обычно Сева всегда всех веселит. Рассказывает анекдоты, шутит, а сегодня был какой-то грустный. Взяв пример с Севы, бойцы тоже начали рассказывать о своих мечтах. В них не было ничего такого, что нельзя осуществить. А что, собственно, нужно солдату?? Я в шутку сказала, что больше всего я сейчас мечтаю о шоколаде, а то тушенка эта уже в печенках сидит.

— Айн момент, — откликнулся Гуда и вынес мне плитку вкусного шоколада.

— Ого, спасибо, откуда такая роскошь?

— Так зарплата вот была. Пока мы шикуем!

Около полуночи начался обстрел. Что самое интересное: стреляли в основном по городу. Мы все спали в небольшом гаражике, которые легко прошивается из «пятерки», а что уж говорить о крупном калибре или осколках. Мы всегда спали в бронжилетах, касках, в одежде и в берцах. Вещи были собраны. Не дай бог что, чтобы успеть вскочить и выдвинуться в нужном направлении. Чем ближе к утру, тем меньше людей оставалось в гараже. Уходят на позиции, пацаны не справляются, нужна помощь. Я прошу взять с собой, но меня просят остаться, так как на «нуле» всегда кто-то должен быть. Остаюсь.

Крайними уходили Сева, Рамзес, Ёжик и Гуда. Севу еле разбудили. Он до этого не спал ночь. Рамзес перед выходом намазал елеем всех, кроме Севы, который замешкался со своими вещами. Уходя, бойцы сказали, что отнесут на первый пост пару коробов к пулемету и пойдут на второй.

Не сплю, обхватив колени, молюсь, чтобы с мальчиками все было хорошо, хотя я не верю в Бога. Около четырех слышу крик. Выбегаю из гаража. Хромая, бежит Рамзес. Обстрел ни на секунду не прекращается.

— Сееева, Сеееева. Ну кааак же тааак???

— Ранен?

— Да, у меня нога.

— Сам зайдешь или помочь?

— Да найду.

Я судорожно пытаюсь найти аптечку, но не нахожу. Серый, наш медик, забрал все на передок. Хоть жгутом перетянули ногу. Начинаю ее осматривать. Ранение не тяжелое. Стараюсь успокоить Рамзеса, что с ногой все будет в порядке. Пару неделек больнички и все заживёт.

Где-то недалеко прилетел снаряд.

— Да я не за ногу переживаю. Там Сева! Он... — кричит он в испуге.

— Что он?

— Он 200.

Меня как будто по горлу полоснули ножом. Я не плачу. Держу себя в руках, хотя это очень сложно. Слышу снова движение и крики.

— Аккуратно его несите, голова – это не шутки, - командует Серый.

Ежика грузят в машину. Я пытаюсь понять, что с ним, но не вижу. Ежик – родной брат Рамзеса. Серый подходит ко мне.

— У тебя телефон заряжен, а то у нас все посадились.

— Да, заряжен. Кому звонить?

— Звони Абхазу, Доку, всем звони. Нам нужно подкрепление, ребята, за ночь вымотались. Их нужно сменить. И раненых вывезти. Ну, и погибшего, само собой, — он на секунду опустил голову. Неподалеку снова что-то упало, раздался глухой взрыв. — Лен, я не понял, почему ты без бронежилета и каски. Иди, надевай. Обстрел еще не закончился. Бой идет. А ты тут голая ходишь. Бегом!

— Хорошо.

Звоню. Пол пятого утра. Док долго не отвечает. В итоге берет телефон. Я быстро тараторю и объясняю, что тут раненые, двухсотый и нам нужна подмога. Док сказал, что подмога будет не раньше, чем через час. За ранеными сейчас Абхаз приедет.

Пока я разговаривала по телефону, принесли еще одного раненого — Гуду. Тот самый, который угощал меня шоколадкой. У него было рассечено лицо, руки, ноги. Серьезно, в общем, посекло. Над ним семенит Серый. Перевязывает, делает какие-то уколы. Как только дошло до снятия штанов, чтобы перевязать там раны, Гуда взбунтовался.

— Лен, выйди. Ну, при девушке как-то стыдно. Я такой весь. Ну, ты сама видишь, - сквозь улыбку говорит Гуда.

— Да, успокойся, Ленка такая же, как мы. Здесь нет деления на пол или возраст. Мы все равны. А вдруг она бы тебя сама вытащила, и вокруг больше никого нет, тоже бы смущался? — смеется Серый.

— Гуда, все нормально. Тебе раны придают даже мужественности, — подбадриваю я.

— Ну, спасибо. Ну че, Серый, снимай штаны с меня тогда.

Обстановка разрядилась. Рамзеса и Гуду увез Абхаз. Мы ждем подмогу. До сих пор идет обстрел. Противник как с цепи сорвался.

Ближе к шести утра бойцы вынесли, наконец, Севу. Был плотный огонь. К нему было не подступиться. Я подхожу к телу. Рассматриваю. Опять без брони и без каски — они тяжелые. Тем более, после ночи их ношения все болит. Глаза у него открыты. Колено согнуто. Я не понимаю отчего он умер. Он в каске, в бронежилете. Лежит как живой. Руки держат автомат. Как положено держат, палец чуть выше спускового крючка у предохранителя. Ко мне подходит Серый и по его лицу видно, что он собрался меня отругать за отсутствие бреника.

— Ты думаешь, это шутки?

— Серый, мы стоим за бетонной стеной, можно мне хоть пять минут ходить без панциря? Дай с Севой попрощаться.

Серый нагнулся к нему, разогнул колени, закрыл глаза, снял каску, снял автомат.

— Остальное уже в морге снимут.

— Серый, а что с ним. Я не вижу ни одной раны. Как такое может быть?

— Вот, видишь кровоподтек на виске?

— Ну.

— Вот и все.

Первые увиденные мною капли крови и осознание того, что это не шутки. Это война, которая способна забирать то, чего не давала, забирать самое ценное — жизнь. Взгляд раненого Гуды, такой нежный и трепетный. Вид разорванных конечностей, окровавленное лицо. Но все же это лицо с улыбкой, и глаза с верой в светлое будущее. Находясь там, понимаешь, что все, о чем ты раньше мечтал и то, чего хотел — не важно. Рядом ходит смерть, и в любой момент всё может закончиться. Для кого-то раем, а для кого-то горем. Крик молитвы Рамзеса, который получил осколочное ранение в ногу. Его истерика и боль от потери Севы. Тяжелое ранение в голову родного брата Ежа. И все одним снарядом.

Севу похоронили. Его лицо оставалось таким же веселым, как и он сам. Больно.

Приезжая с позиций в город, я всегда снимаю с себя всю одежду и залезаю в полную горячую ванную. Какое же это наслаждение! Ты не просто смываешь с себя грязь, ты залезаешь в такую себе буферную зону, а вылезает из нее чистым душой и телом.

Кроме формы, у меня в гардеробе мало вещей, и те повседневные. Здесь не найти каблучков или шикарного платья. В те немногочисленные увольнительные я смотрела на гражданских девушек и завидовала им. У них нет под ногтями окопной грязи, смешанной с кровью. У них теплая постель и мягкая подушка. А у меня спальник и твердый холодный пол. Я завидовала каждой. Я рассматривала каждую с головы до ног. Со стороны это выглядело, наверное, странно. Мне тоже хочется вот так беззаботно ходить в кафе, гулять по городу в красивом платье и ни о чем не думать. Эти девушки не знают, что такое свист мины, что такое смерть товарища или ранение. Пусть и дальше не знают! Пусть спят спокойно, а мое время ходить в красивых платьях еще наступит. Донбасс отстоим и в день нашей победы обязательно соберемся все, женской компанией, кто воюет сейчас, и пройдем по главной площади в красивых платьях и на каблучках!

Покажем, что в Донецке не только смелые и отважные девушки, но и красивые.

В чем виноваты те, для кого вкус слов «патриотизм», «Отечество», «Родина», смешались с кровью, потом, болью и смертью? В чем виноваты дети, тела которых враг с ухмылкой начинял свинцовыми осколками, как будто начинял утку яблоками? В чем виноваты матери, которые хоронили своих сыновей-солдат? Чем они заслужили переносить эту боль?

Я не выступаю против и не защищаю врага. Там такие же, как и мы, люди. В наших глазах они сволочи, если не сказать хуже, и в их глазах мы — сволочи. Виноваты не мы и не они, а те, кто развязал эту войну. Их я и ненавижу.

Теперь я ушла в гражданскую жизнь. Работаю на телеканале. Периодически листаю фронтовые сводки. Количество погибших и раненых теперь для меня всего лишь цифры. Я такая же, как и они — гражданские. Думаю, где купить подешевле и где заработать побольше. А те, кто был рядом во время боев, теперь они в прошлом. Они ведь тоже не такие, как прежде. Вернуть бы все как было! По-честному, по-товарищески, без подстав, лжи и предательства. Там, на фронте, ты знаешь, кто твой враг, и вся ненависть обращена к нему, а здесь в любую секунду кто-то может вонзить нож в спину. Мне сложно адаптироваться, сложно... Меня не понимают, и я тоже не понимаю некоторых. А возвращаться к службе уже слишком поздно...

Елена С., студентка 4 курса

Автор на передовой

Между прошлым и настоящим

Я часто оглядываюсь назад, чтобы увидеть прошлую жизнь и понять, какой была раньше. Там, где не знали, что такое снаряды, автоматы, танки, «Грады», «Ураганы» и прочая нечисть. Прошло больше года, а я постоянно вспоминаю то время, ту жизнь. С тех пор, изменилось многое. Мне порой не верится, что это мы переживаем и по сей день.

У многих жизнь в моем городе, превратилась в кошмар 26 мая 2014 года. Да, я помню этот день, но мой кошмар наступил именно в июле. Я знала, что война придет сюда. Было очень много знаков, но никто не верил, что кому-то придет в голову бомбить мирное население, мирные жилые кварталы из РСЗО. Начиная со 2 мая я наблюдала за событиями в Славянске. Но одно дело смотреть по телевизору, а другое - прочувствовать это на своей шкуре. Мы все до последнего дня носили розовые очки, но их пришлось снять, когда война ворвалась в наши дома. Возможно кто-то не поверит, но я за день до полномасштабных бомбежек моего поселка предчувствовала : что-то будет. Ровно в 23:00 началась первая бомбежка Марьинки. Сейчас в этом слове столько боли и скорби, что невозможно передать.

Я в этот момент была в доме, когда все начало дрожать, стекла окон звенеть. В панике, я не знала, что делать. Родным кричала, чтобы отходили от окон, мне казалось, что все это происходит на моей улице. А вскоре, начался второй этап такого же «землетрясения». Тогда, для всех еще со времен Славянска, слово «Град» было чем-то ужасающим. Их тогда было не так уж и много, как сейчас. Собрав быстро самое необходимое, мы побежали в подвал. Сидели там несколько часов. После двух залпов РСЗО наступило затишье. Сестра позвонила и сказала, что нужно быть начеку в 3—4 часа утра, а дончане знают не понаслышке, как это звонить друг другу и передавать, что когда-то, во столько-то будут бомбить..

Мне не хотелось верить, что это может повторится снова. Но у фашистов были совсем другие планы. В этот раз предупреждение о бомбежке пригорода в 4 часа оказалось достоверным. Звуки разрывающихся снарядов ужасали, хотелось забиться куда-нибудь в угол и заткнуть глаза и уши, чтобы этого не видеть и не слышать. Из подвала мы вышли со страхом и опа-

сениями, на улице было уже светло. Паника, безысходность, страх сковали меня, никто не знал, что делать и сколько это будет продолжаться. Из-за постоянных артобстрелов, мне и моей семье пришлось прожить в подвале целый месяц. Врагу не пожелаю такого испытать!

По официальным данным, за одну только ночь, во время горячей фазы войны, погибло свыше 30 человек. Но я уверена, что жертв было еще больше. Помимо настоящей войны, есть еще и информационная. Никто не скажет вам полную правду. И никакого расследования, никакое ОБСЕ не помогало и не помогает. Все забыли об этом, как будто так и надо. Видя фотографии разрушенных зданий и многочисленных жертв, я ужасалась. Я очень любила свой город и просто не могла поверить в этот кошмар. Но самое тяжелое было впереди.

12 июля. Даже сей час, когда вспоминаю это, у меня трясутся руки. Именно с этого дня жизнь изменилась, взгляды поменялись. Не важно, сколько у тебя денег и в каком достатке ты живешь. Самое главное - это семья. Когда все живы и здоровы - вот в чем счастье в нашей жизни. Родной дом за какую-то одну ночь стал чужим, совсем. Обстановка была негативная, люди замкнулись в себе, думали, что делать дальше. Маме звонили знакомые, говорили, мол началась эвакуация поселка, срочно выходите на автостанцию и так далее. Но мы остались, я ненавижу, когда еще ничего не произошло, а уже создают панику. Отлично помню, как в этот день показывали фильм о Славянске.

Вспомнив вчерашний обстрел, я дала слабину — я рыдала навзрыд. Было очень страшно за будущее. Меня никто не мог успокоить. Я вышла на улицу и просидела там около часа. Поговорив с сестрой, немного успокоилась. А через каких-то пять минут снова эти звуки, только уже совсем рядом, земля уходит из под ног. Ровно 15:00. В панике бегу в подвал, родные выскакивают из дома, собаки мчатся за нами, тут уже совсем близко бомбят, страх сковывает, парализует. И так происходило, все последующие месяцы..

Но война не только пугала нас ежедневно смертью, она смогла раскрыть истинную сущность людей, которые прятались за ширмой. Теперь я точно знаю, на кого можно положиться, что-то рассказать, спросить совета. Нужно при любых обстоятельствах оставаться человеком, а не быть бездушным зверем, что я к сожалению, не раз видела. Больно это осознавать, ведь казалось, что так прекрасно знала этих людей,

дорожила ими, казалось, что лучше их нет, но обстоятельства помогли открыть их истинную, черствую душу.

Мы уже не те, что были раньше. Мы стали ценить каждую прожитую минуту, каждое мгновение, ведь оно неповторимо. Наша жизнь скоротечна и не вечна, и все должны это понимать. На миг кажется, что смысл жизни потерян навсегда и эта война надолго. Но любые войны когда-нибудь имеют свой конец. Возможно в нашем случае не так быстро, как хотелось, но это время неизбежно настанет. Я очень надеюсь, верю, что наступит момент, когда я снова услышу звонкие голоса детишек, гуляющих на наших улицах, когда можно будет самой выйти и спокойно прогуляться, не боясь попасть под минометный обстрел или под огонь снайпера. Я так хочу, чтобы мир скорее настал — ради нас, ради наших детей!

День, в который началась война...

Тот день, в который началась война,
Запомнится мне на века.
Не удалить его и не забыть,
Страх от которого хотелось выть.

Все верили во что-то, не гадали,
И жить в подвале не мечтали.
И бедными мы не были,
Страну кормить пытались мы.

Скажи солдат, кого ты защищаешь?
Меня, от дома моего?
Людей зачем ты убиваешь?
Кто право дал и для чего?

Не будем вместе, Украина,
И не пытайся нас вернуть.
Ты стала нам уже чужбиной,
И время вспять не повернуть...

Юлия Л., студентка 1 курса

Всё, что осталось от торговых палаток на Привокзальном рынке

Крещение ненавистью

Война, которая началась в три часа по полудни 26 мая 2014 года была предсказуемым событием, которого ждали с содроганием. Ее атмосфера начала витать в Донецке задолго до того, как была пройдена точка невозврата. Кто-то ее чувствовал и страшился, кто-то отрицал саму возможность, изо всех сил хватаясь за иллюзию безопасности. Люди, безжалостно разорвавшие страну на части изнутри, упивались своим триумфом на радость безмозглого стада, называемым народом Украины.

Моя семья была из той части, которая знала, что так будет. Мы не говорили об этом в слух, не обсуждали между собой (а может мне просто было это неведомо), но по лицам родителей и старших родственников я видела, что они, как и я знают, чем это обернется для Донбасса. В тот злосчастный день, когда раздались первые звонки приближающегося ужаса, мои дядя и тетя с детьми, а также бабушка с бабушкой покинули Донецк. Они думали, что уезжают на три дня, что все уляжется, но мне кажется, что мой дядя знал, что они больше сюда не вернутся до тех пор, пока конфликт не будет урегулирован. Просто не хотел их пугать и беспокоить. Семья превыше всего.

Мой отец тоже с удовольствием увез бы нас в тот же день, но у меня была не закрыта сессия. Он старался оставаться спокойным, но по спешке и его приказу сдать ее досрочно, я поняла, что ему тоже страшно. Мы все боялись, что первый бой вот-вот начнется. В конце концов, живя на Киевском проспекте, который по сути является вратами в центр города, мы уже видели, как увозят первых раненых, слышали звуки автоматов и специально избегали подходить к окнам. За два дня все вещи были собраны, сессия закрыта и мы уехали. Уезжая 29 числа, я прощалась с домом, так, словно не вернусь. На самом деле только моя мать думала, что мы вернемся. Мы же с отцом смотрели на события более прагматично и не особо на что-то надеялись. Он увез нас в Крым, что бы мы отсиделись там, пока все не уляжется. Все думали, что вернемся к осени, что Донецк долго не продержится и мятеж будет подавлен. Начинался период ожидания и затаенной тоски по дому.

В Крыму мы провели счастливые — на сколько это возможно — три месяца. Туда же, пусть и немного позже, приехала тетя с детьми. Их присутствие скрашивало наше одиночество и придавало радости нашей жизни. Мужчины тем временем были в Киеве, там решалась

наша дальнейшая судьба. Отсидевшись на полуострове, мы не забывали о том, что оставили. С затаенным страхом ждали новостей и читали сводки. Сложно передать те эмоции, с какими я вчитывалась в адреса, молясь о том, чтобы не увидеть знакомые номера домов и квартир. К июлю к нам приехали мои вторые бабушка с дедушкой и мать стала дышать свободнее, ее лицо приобрело более живой и здоровый оттенок, разгладились морщины от недосыпания. Крым был для нас другим миром, где все казалось немного лучше, чем было на самом деле. Крымчане радовались тому, что война их не коснулась и жалели

Но все имеет свойство заканчиваться. Лето прошло. Бабушка с дедушкой уехали и мы все вместе переехали в Киев. Именно там я осознала, что пути назад нет и не будет, что Украина и ее жители — чужаки, враги, с которыми у меня нет ничего общего. Мой мир уже три месяца как рухнул и пришлось приспособливаться. У всей многочисленной семьи были строгие правила, которым мы ежедневно придерживались: на людях никогда не говорить о политике, даже с друзьями; если заходит тема о конфликте на Донбассе – молчать, даже, если спросят твое мнение; ни в коем случае ничего не говорить младшим братьям, что бы те ненароком ничего не рассказали незнакомым или малознакомым людям; не доверять никому, кроме своей семьи. Между собой мы старались избегать этих тем, стараясь сохранить уют внутри «круга». Каждый горел внутри глубокой ненавистью, презрением и бессильной злобой, но эти эмоции не имели права на публичность. Я пошла в университет вольным слушателем, чтобы не просиживать дни дома. Для меня начался новый период: смирение.

Относительно института журналистики в Киеве я не могу высказать однозначное мнение, поскольку там были и отрицательные, и положительные моменты. Одним из положительных моментов были пары по специальности и дисциплины типа «Фотографии», где не было тупой начитки теории. Мы много нимаи и разбирали теорию на практике собственных работ. Это и многое другое мне нравилось, доставляло удовольствие и хоть немного разбавляло черно-серые будни. Киевский национальный университет предоставляет своим студентам массу возможностей для саморазвития и, если вы не враждебно настроенный подросток, горящий желанием убить тех, кто разрушил его светлую жизнь, то вам там безусловно понравится. Если убрать положительные моменты, то мне там было тяжело. Больше в моральном плане, чем из-за недопонимания языка и прочего. Я не могла понять и простить окружающим их безразличия к тому, что творилось у меня на Родине. Для них, события творящиеся за 800 километров от них казались такими же далекими и не существенными,

как для нас, например конфликт в Сирии. Да, он есть, да, он имеет международный резонанс и мировое значение, но в повседневной жизни отдельно взятого гражданского человека — не играет ровным счетом никакого значения и не влияет на рутину. Так вот, киевлянам было абсолютно наплевать на наши беды. Они собирались строить Новое Государство, а проблема беженцев волновала их исключительно поверхностно, что бы мировая общественность не сочла их черствыми и безразличными. Хотя, конечно, газеты любили публиковать статьи о том, что там-то и там-то им (беженцам) предоставили одежду и медицинскую/ психологическую помощь, но в общих масштабах трагедии это выглядело жалко мало.

Я обвиняла их за то, что они помогли прийти убийцам к власти и разорвать страну, уничтожить то, что я любила. Я ненавидела их за их беспечное счастье, когда страдают люди и желала всем им самой жестокой смерти. А еще боялась, боялась того, чему нас учили. Директор института, тогда, когда он появлялся на лекциях, вел со студентами пропагандистские лекции о том, как надо работать с пропагандой и как правильно настраивать общество в нужное русло. Манипулирование, информационная работа с населением. На парах политологии преподаватель открыто настраивал студентов против России и Путина, объявляя его всеобщим врагом, рассказывая в какую бездну катится российский народ и, что украинцы обязаны сопротивляться их тлетворному влиянию. Еще в школьные годы, мы с преподавательницей из Германии изучали явление фашизма, а также последствия Великой Отечественной войны для Германии. Сидя на парах в Киеве, я понимала, что студентов учат тому, что делали предводители Рейха. Не прямо, но упорно и успешно. «Слава Україні! Героям слава!» Уже в конце первого семестра второго курса, я узнала, что за глаза меня называли сепаратисткой, а также, что мои сокурсницы побиваются угрюмую и немногословную Анну Кушнир. Это было забавно.

Но, как ни странно, когда я училась там, то сблизилась с девушкой-активисткой. Она прошла Майдан от его начала и до конца. Она была патриоткой и горячо любила свою страну, но она так же сожалела о том, что творилось на Донбассе. Она отличалась от толпы тем, что стремилась понять нас, а не обвинять, основываясь на том, что вливали в массы СМИ. Были еще подобные люди и именно они помогли мне преодолеть ту ненависть ко всему народу. Я по-прежнему считала их безмозглым стадом, но перестала желать им зла, поняла и приняла их линию мышления. Их годами готовили к тому, что все донецкие – враги. Начиная с того момента, как Янукович стал президентом, в столице не таясь высказывались, что: «Вот, эти проклятые дончане понаехали,»

«Донецкие на всех руководящих постах, а нам — шиш от бублика». Это не преувеличение и не выдумка, это то, что я слышала, а было еще многое подобное. Домашнее задание было проделано на славу.

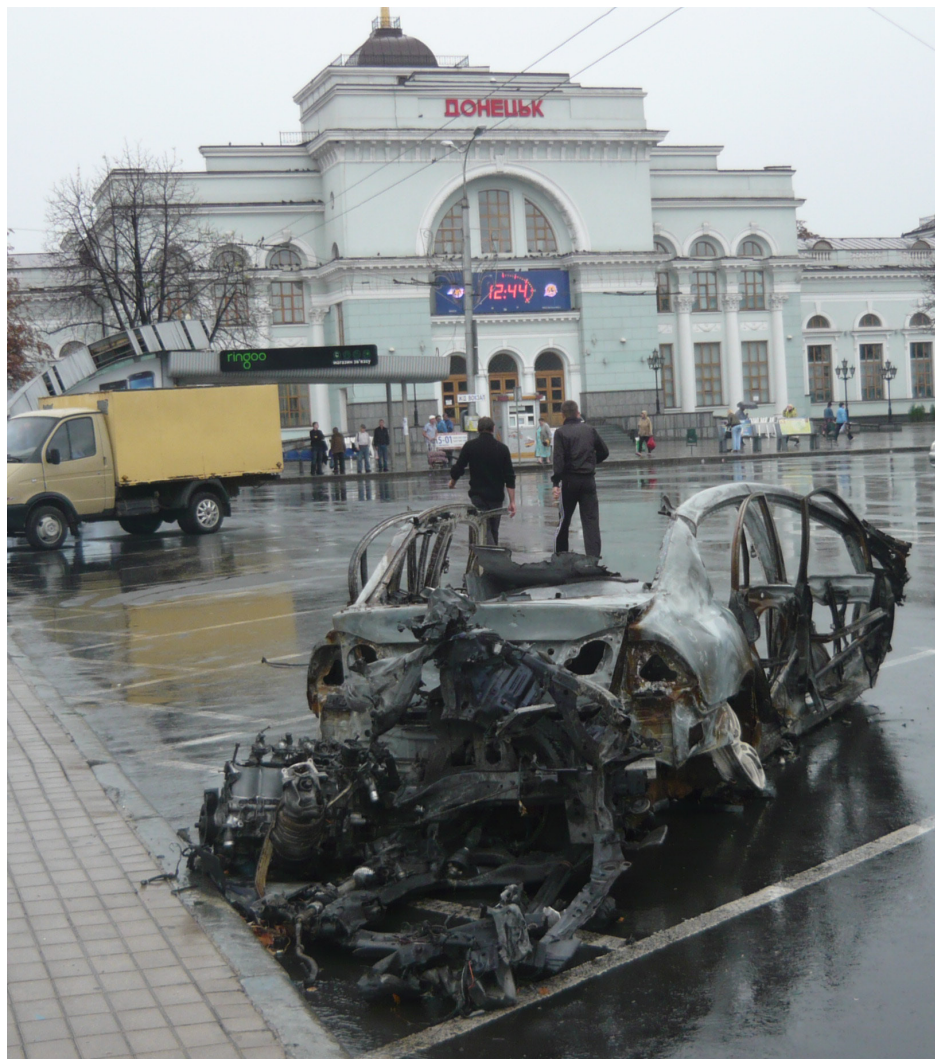
В Донецк мы с родителями и младшим вернулись в январе 2015 года. Возвращаться было страшно, но сердце упивалось ощущением дома, которого я не видела больше полугода. Оказавшись на родной улице, я вздохнула спокойно и с души упал камень, разжался комок нервов и мы все смогли насладиться ощущением покоя. Казалось даже, что война идет к своему завершению. Но это лишь казалось и она напомнила о себе спустя 9 дней после Нового года.

Наш дом находился в потенциально опасной зоне. В двухсот пятидесяти метрах влево от нас была редакция и хлебозавод, улица Полиграфическая, куда неоднократно были прилеты, а вправо на том же расстоянии – Исполком и остановка, магазинчик на которой в прямом смысле сравнивали с землей. Поэтому, когда мы услышали первые залпы — стало страшно. Отец постоянно прислушивался, оценивая дальность. Через неделю мы привыкли отличать когда идет от нас, а когда к нам. Смеялись над тем, как легко украинцы попадали в подстанцию Засядько. Для этого им хватало одного выстрела, координаты были пристреляны. Мы привыкали к такой напряженной жизни, пока взрывы не раздались совсем рядом с домом. Прямого попадания пока не было, но в стеклах соседнего офисного центра были видны отсветы разрывающегося снаряда. Уезжать оттуда в момент боя было опасно, поскольку нас запросто могло зацепить осколком. Но мы сели в машину и уехали к маминим родителям на Донской. Оставшееся время моей сессии мы прожили у них. Я ходила на зачеты и город грохотал от работающей артиллерии. Мне было, как никогда, страшно и больше всего хотелось уехать. Было жутко идти вдоль улицы и слышать, как отрабатывают наши орудия; звуки выхлопа было слышно даже сквозь полную громкость на наушниках. Пожалуй, это отложило на меня свой отпечаток. Было дико выслушивать как спокойно мои однокурсницы рассказывают о том, что они пережили. И едва я закрыла сессию, как мы вернулись на Украину.

Но пробыли там не долго. К марту было принято решение, что лучше жить под обстрелами, чем еще хоть месяц провести в этой стране. И мы снова вернулись домой. Теперь жили более осторожно и больше прислушивались, контролировали ситуацию. Но в целом, второй семестр прошел много спокойнее первого. Лишь пару раз мы отсиживались на Донском и то, уже ближе к началу июня. В это время мы исследовали новую жизнь, жизнь в Донецкой Народной Республике. Я привыкала переставать бояться говорить, что думаю. На лето мы

снова уехали в Крым, а в августе уже приехали в Ростов-на-Дону. Перед отъездом на полуостров, буквально перед последним экзаменом, в то время, пока я сидела за партой и отвечала Инессе Михайловне, в нашем районе произошел обстрел и было прямое попадание. Это ознаменовало конец нашей жизни в Донецке. Больше мы туда не возвращались. А в России наша семья начала новый этап своей жизни. Новое дыхание, новая страница. Новая жизнь.

Анна К., студентка 3 курса

Донецкая ОШ №57 понесла тяжёлые потери в первый день занятий

Снаряд торчал прямо в Киевском проспекте

Первый курс — война

Свой дневник я начала вести еще в 11 классе. Вообще-то пыталась делать это еще раньше, причем несколько раз, но всегда бросала или же просто забывала о нем. Я завела дневник для того, чтобы описывать свои душевные переживания, рассказывать о событиях, сильно поразивших меня за день, неделю, месяц, хотела записывать свои мысли и рассуждения. Так и делала, до поступления в университет. Нет, я не бросила совсем свой дневник, но о самом большом событии, я не написала, ни на одной странице, там нет ни строчки о войне.

Даже когда надо было бы сделать запись, я не могла выдать из себя и слова. Нет, мне не было горько и страшно, меня не било мелкой дрожью при любом упоминании о происходящем. Эмоции и чувства практически отсутствовали. Словно не человек, а камень. Лишь спустя несколько месяцев стало ясно, что апатия полностью поглотила все мысли, хотя бы немного связанные с ситуацией в моем родном и любимом Донцке. К слову, я не назову место своего проживания ДНР, какое бы имя ему не дали. Я из Донцка, ДНР не моя родина и к ней мое сердце не тянет, я люблю лишь свой прекрасный и волшебный Донцк.

На протяжении всего первого курса, было слишком много вещей, связанных с войной. Пропагандистские речи гостей университета, концерты, посвященные войне, старой и новой. От всего хотелось просто убежать. «— Ты будешь участвовать в конкурсе чтецов? — Хотелось бы. А тема? — Война. — Нет!». Так происходило с каждым мероприятием. Все что я соглашалась делать, это фотографировать других. Фотография была тем, чем я жила весь год. Единственный мир в котором чувствовалась свобода. Какое-то время я думала так, до первой просьбы сфотографировать военных. Отказ был решительным и твердым, а внутри все сжалось. Нервы, как натянутые струны гитары после неудачно взятого аккорда, задрожали и в голове послышался некрасивый, в чем-то даже отвратительный звук. Позже, случайно сфотографировав солдата на улице, мне захотелось не просто выбросить фотографию в корзину, захотелось сжечь ее и смыть пепел в унитаз.

А вокруг все сходило с ума. Многие бились в истерике и отказывались пони-мать, что происходит, кто-то прятал слезы за улыбкой и шел на работу, учебу, кто-то уехал, а кто-то сделал все, чтобы остаться. Все мы по разному переживали события, у каждого был свой способ жить дальше. Возможно, моя непробиваемая апатия и стала моим защитным механизмом. Чтобы не травмировать сознание и не дать мне сойти с ума от безысходности и осознания ужасного, мозг про-

сто заблокировал все эмоции, связанные с войной. Иногда апатия перевоплощалась в отвращение к тем, кто говорил. Говорил о войне и восхвалял «наших» солдат. Я в который раз вырвала провод телевизора, чтобы не видеть, как дети, ничего не понимающие, с чувством и мнимой гордостью декламировали стихи военной тематики. Когда я видела наших «бравых защитников», вышагивающих по Донецку с автоматом наперевес и самодовольной улыбкой и жадной услышать восхищение в их сторону, мне хотелось плюнуть им в лицо.

В каком-то смысле апатия подарила мне также и «зрение». Я смогла увидеть плюсы и минусы обеих сторон. И там и там были напыщенные, самодовольные индюки, совершенно безмозглые и от того мерзкие. И на обеих сторонах были люди, были солдаты, которые все понимали, осознавали и ценили! Ценили жизнь свою и другого человека! Но их было мало. Многим промыли мозги и от прежних «их» осталось лишь тело, а внутри жесткий диск с НУЖНОЙ информацией.

На Украине мне в лицо выплюнули «убийца», в ДНР мне посоветовали «за-ткнуть свой рот или говорить «ПРАВИЛЬНО» и лишь в Донецке я услышала «все будет хорошо». Три заветных слова можно было услышать от родителей или рано утром, выйдя на улицу. Город чистили, убирали, приводили в порядок, как и всегда. Садовники ухаживали за клумбами, поливали цветы, подстригали деревья, как и всегда. Рабочие красили бордюры, латали дыры асфальте, белили бордюры, как и прежде.

Рано утром, с восходом солнца, ветер разносит по городу эхом «все будет хорошо», отзвуки запутываются в листве и дальше она уже нашептывает проходящим, что все будет хорошо. И я верю в это.

Сейчас, на 2 курсе, апатия прошла. Самое ужасное позади и защитный механизм, выполнив свою задачу, отключился. Я все еще не плачу от военных историй, но разве слезы — показатель? Глупость. Иногда тот, кто молчит и улыбается в ответ, понимает и сопереживает больше, чем тот кто рыдает взахлеб. Да и разве нужны жалость и сопереживание городу, в котором даже в военное время люди упорно трудятся, чтобы их любимый Донецк, как бы его теперь не называли, не превратился в грязную свалку с покореженными зданиями?

Сейчас многое в нём далеко от идеала, многое необходимо исправить, да и бездарная, глупая война еще не закончилась. И люди здесь тоже сейчас разные. Но сегодня я восхищаюсь Донецком даже больше, чем прежде. Уверена, никакой войне не дано сломить этот город и его жителей.

Не хотелось бы заканчивать первую запись заезженной фразой про Донбасс, который никогда не станет на колени. Поэтому я просто напишу: «Донецк прекрасен и внешне и внутренне, и от того любим».

Ирина Н., студентка 2 курса

Досталось и зданию, и автомобилю

Рассказы из ада

Война... Это ужасное слово преследует нас уже полтора года. Многим уже не хочется об этом и говорить, настолько ужасные и страшные вещи мы пережили. За все время я слышала много историй о необъявленной войне против народа Донбасса, но самые запоминающиеся — от моих сверстников, 17—18 летних девушек и юношей. Вот, что они рассказали:

— Одной из первых эмоций был, конечно же, страх. Постоянные переживания не давали спать, в голову приходили плохие мысли, беспокоилась о том, что же будет дальше. Войну очень сложно осознать, представить. Но когда ты с ней сталкиваешься, она у каждого в душе оставляет след. События, произошедшие с нами, изменили мировоззрения многих людей. После такого начинаешь больше ценить жизнь, и то, что у тебя уже есть. Был страх перед неизвестностью, очень переживала за семью, за близких. Думала, никогда не закончатся постоянные обстрелы и бомбежки. Эта война перевернула мое сознание. Даже свист закипавшего на плите чайника пугал после пережитого, казалось, что это снаряд летит». Алина М.

— Когда впервые начали стрелять, у нас в поселке было всё слышно, мне было очень страшно, казалось вот-вот, и в твой дом снаряд прилетит... Помню, как позвонила подруга и сказала, что обстреляли соседний город, там человек лежал с оторванной головой. Тогда я была в шоке, ведь никак не ожидала, что дойдет и до нашего поселка. Не помню точную дату, но как-то поздно вечером я шла домой, были слышны выстрелы, подумала, что это как всегда — стреляют где-то далеко. Я зашла домой, села возле окна, мама налила мне чая. Я сидела, потихоньку его пила, и тут один за другим последовали очень громкие взрывы. Мама дернула меня за руку, и мы упали на пол, из окна на нас посыпались стекла, распахнулись все двери. После этого было страшно даже на ноги подниматься... Долго в тот вечер не могла уснуть, даже проезжающая мимо машина пугала своим звуком. Утром я вышла на улицу, и просто обомлела. Стреляли «грады», все ворота были продырявлены осколками, во многих домах не было окон. Тогда мы благодарили Бога, за то, что я пришла вовремя домой, иначе все могло бы закончиться плачевно. Наталья Ж.

— Никогда не могла подумать, что буду знать о войне не только со слов ветеранов, а из собственного опыта. Помню, как переживала эпизоды из рассказов прабабушки о войне, об их тяжелой жизни в те

годы. Становится страшно от мысли, что некоторым людям старшего поколения приходится переживать это второй раз. Я живу не в самом эпицентре событий, но отголоски, причем далеко не слабые, отразились и на нашем районе. Особенно помнится мне страшная пятница 13-го февраля. В этот день я шла по делам и услышала несколько настолько сильных взрывов, что просто растерялась, не зная, что делать, думала куда бежать и возможно ли убежать вообще. Ужаса охватил меня в тот момент, страх за жизнь своих близких и собственную. Не одни сутки провели мы всей семьей в подвале, ожидая очередного «сюрприза» от военных. Каждую ночь засыпая под выстрелы различных установок, я думала, увижу ли я снова рассвет. А еще было страшно даже не за себя, а за восприятие всей ситуации детьми, живущими здесь. Только представьте, что все их игры «в войнушку» теперь основаны на реальных событиях, даже 5-тилетний ребенок может отличить по звуку выстрелы гранатомета от выстрелов артиллерийского орудия. Кто за это ответит? Юлия П.

— Никто не думал, что эти военные действия коснутся нас, мирных граждан, из обычного рабочего поселка. Со мной в ВУЗе учится девочка из Старомихайловки. Как и я, приехала она с мамой, папой и сестрой младшей. Бабушка и дедушка остались там. С горечью и болью вспоминала она, как в этом поселке жили люди. Без воды, без света и постоянно в страхе. Зимой более-менее все поутихло, она поехала навестить бабушку с дедушкой. Решила пройтись по улице, где раньше жила её тетья, не успела пройти и десяток метров как начали стрелять из автоматов. С одной стороны стоит армия ДНР, а с другой Украинские войска, одни машут «Ложись на землю!», другие кричат «Беги быстреей!». Забежала подруга в какой-то чужой двор. Стала за дом, отдышалась, а затем короткими перебежками стала пробираться домой. Когда стояла под одним из деревьев, слышала, как прямо над головой пролетают пули, одна из них попала в то самое дерево, за которым стояла подруга. Пуля вошла в древесину на пару сантиметров выше её головы. Никогда не думала, что дома может быть так страшно, — сказала однокурсница, Елизавета Т.

— Одним из непростых для меня моментов было 24 августа 2014 года. В 10 утра начался обстрел. Был выходной день, люди отдыхали и ни о чем не подозревали. Но все же беда случилась. Заряд града прилетел ко мне на поселок и чудом не попал в наш дом. Пострадало много других зданий, школа, на втором этаже частного дома от взрыва снаряда погиб человек, несколько семей лишились крова — их жилища были разрушены и сгорели. Константин К.

Анастасия П., студентка 2 курса

На остановке Полиграфическая 1 октября 2014 г.

Мама, а это снаряд или гром?

Мой младший брат боится грома, как огня. Мы с ним едем в маршрутном такси перевозчика по имени Паша. Паша везет нас из Енакиево в поселок Украинск к бабушке. Туда война пока не дошла. Боевую технику можно увидеть только на блокпостах, вблизи поселков и перед въездом в Донецк. В общей сложности четыре поста, два из которых со стороны ополчения, два — Украины. Не знаешь, на каком бояться, но точно знаешь за кого — за маму и брата, которому месяц назад исполнилось шесть. У меня день рождения послезавтра, 30 июля. День рождения, когда мне впервые пожелают мира. Мира над головой.

«Великая Отечественная война унесла жизни 27 миллионов советских людей, в том числе 8,7 миллиона военнослужащих. Помните, эта война стала одной из самых жестоких и кровопролитных войн на всей Земле», — говорила моя учительница истории Вера Александровна. Ровно год спустя, после возвращения домой, она будет рассказывать нам о новой войне, такой же жестокой, списки погибших которой еще достоверно не известны.

Но сейчас я на первом блокпосту. Выезжая из города, автоматически становлюсь жертвой неизвестности, в которой оказались десятки тысяч переселенцев. Первый раз выходить из машины было страшно: повсюду таблички с надписью: «Осторожно, мины!». Холодный ветер обдувает лицо, руками грею нос брата. Мы возвращаемся, мужчины приходят позже. Следующий блокпост. При выходе вижу, что некоторые мужья начинают молиться, их жены — плакать. Я не плачу, холодно. Последнее, что вижу — флаг. С пестрым черным, синим и красным цветом. Засыпая, запоминаю этот флаг. Это флаг новой Республики. Черный, синий, красный.

Меня будит автоматная очередь. В полудреме хватаюсь за руку мамы, мне очень страшно. Судорожно открываю глаза. Флаг желто-синий. Его держит молодой парень и что-то кричит сослуживцам. Он замечает меня в окне, улыбается. Я не понимаю его улыбки, невольно улыбаюсь в ответ. Всё та же процедура. «На выход, сдать телефоны!» Разве что мужчины теперь прощаются с женами и рукавами курток вытирают слезы.

Женщины и дети не выходят, поэтому оглядываюсь по сторонам. Вижу десять танков, выстроенных в одну линию, их орудия на сторону, откуда я только что выехала, боевые машины, снаряжения, много солдат. Шум от разговоров сменяется тяжелыми залпами. Для моего

младшего брата — это тот же гром, для меня — чья-то новая смерть.

Бабушка встречает нас со слезами. Всегда было глупо слышать от нее фразу вроде: «Живы-здоровы», но теперь я понимаю весь смысл этой фразы, и соглашаясь с ней, повторяю, что живы. В дороге очень хотелось есть и спать, по приезду не хочется ничего. Физический отъезд не заменяет морального, всей душой и сердцем ты в родном городе. Городе, который в тот вечер подвергся обстрелу и где погиб человек.

Нет ничего лучше возвращения домой. Нас долго не отпускали обратно. Перевозчики боялись везти нас, смеялись, узнав маршрут. Дорога от Украинска до Енакиево — 90 километров. Это до войны. Мы проехали все 300, да еще лишних пятнадцать — запутались в дороге.

Родной город пуст. Смотрю на часы — ровно 12. Разбиты магазины, дома, на асфальте несмываемая кровь. Бумажные кресты на каждом окне, прибитые иконы. Надписи «Дети» на каждой улице. На одной — разбросанные вещи, листы бумаги, чьи-то документы — всё осталось брошено, видно, спешили уехать как можно быстрее до обстрела. Но не успели — рядом лужа крови, и какие-то пометки мелом. Заливаюсь слезами, люди со стороны смотрят на меня ровно, наверное, привыкли. В их глазах практически ничего не осталось от страха. Эти люди полны смелости, отваги. Они научились выживать, терпеть и подстраивать свою жизнь под другие условия.

Я вытираю слезы, и иду дальше. Дальше — навстречу нового государства, которое, как никогда, нуждается в силе его граждан.

Анастасия М., студентка 1 курса

Торговые ряды превратились в пепел

Пострадала и Донецкая ОШ №61

Зачем повторяется война?

Война... Что может быть страшнее этого слова? Сколько горя, утрат, страданий приносит она людям, сколько судеб калечит?!

Нет такого конфликта, который нельзя было бы урегулировать за столом переговоров. Но человечество распорядилось иначе. 22 июня 1941 года началась самая глобальная война в истории человечества. Четыре страшных года, унёсших миллионы жизней. Великая Отечественная ворвалась в мою семью, как осколок в сердце. Затянула солнечное небо дымом пожаров, стала невыносимой болью от черных похоронок, которые тысячами приходили каждый день, две из таких — в мою семью. Сколько крови пролито! И сколько слёз выплакано!

Я знаю многое о времени, когда мою семью коснулась война. Один дедушка воевал, другой — имеет медаль за работу в тылу в годы войны, прадедушка был угнан в Германию и там умер, другой прадедушка пропал без вести. Родилась я, когда маминого отца Стефана Михайловича не стало. Мама часто рассказывает о нём. Родился он на Ставрополье. В 1941 году был направлен в пулеметную школу и в этом же году ушел на фронт. Воевал на Кавказе, Украине, в Польше. Героизм моих предков будет жить во мне вечно!

Прошел уже 71 год с момента окончания Великой Отечественной войны, но подвиг миллионов солдат хранится в нашей памяти.

И вот сейчас, уже в новом тысячелетии, мой родной край, мой Донбасс переживает новую войну, не менее страшную. Почему люди не слышат крик детей? Они — не мишени! И земля — не тир! Почему убивают ни в чём невинных стариков? Почему брат идёт на брата? Почему семьи перестали дружить? Почему братский народ разделился?

Мы, жители Донбасса, знаем, чем пахнет война. Она пахнет подвалом, где нам приходилось ночевать... Мы знаем, что такое сутками не спать, потому что страшно было засыпать... Мы знаем, как месяцами жить без газа и воды. Знаем, как разрываются снаряды, мы научились различать, где «град», где «смерч». Мы знаем, что это, когда над тобой летают самолёты, слышны взрывы и грохот, миномётный обстрел. Каждый вечер, вытирая слёзы, мы молили и молим Бога защитить нашу землю, наш родной Донбасс.

Гражданская война в той или иной степени коснулась всех: одни воевали, другие ждали, третьи все потеряли, четвертые... стали бояться. Тяжелая, братоубийственная гражданская война изменила многое: она изменила людей, их жизни, их отношение к реальности.

Чему верить? Телевизору, показывающему мнимую правду, или большинству людей, которые хотели, как и раньше работать, жить, любить? Ради чего эта война? Её жертвами стали тысячи людей!

Война забирает лучших. Сколько жизней она унесла на Донбассе? Сколько погибло ребят, которые пошли защищать свой край, свои дома, свои семьи, будущее поколение?

Одним из них является отец моей подруги, командир взвода харьцызской роты батальона «Восток», атаман Харьцызского куреня Всеволодского войска Донского Олег Владимирович Анискин, который погиб во время боя под Ясиноватой 28 июня 2015 года. Почему он оказался в ополчении? Потому что воспринял беду Родины, как свою беду, как беду в своем доме.

«Папа очень мало рассказывал мне боях, в которых участвовал, чтобы я не переживала, да и многое нельзя было рассказывать. Он, находясь на передовой, всегда нам говорил, что у него все хорошо, вспоминал веселые истории, не затрагивая тему военных действий», — говорит Даша, дочь Олега Владимировича.

«Никогда бы не подумал, что мне придется ходить с отцом в разведку, всего лишь в 20 километрах от дома», — рассказывает его сын Иван Олегович.

Со слезами на глазах делилась своими переживаниями Даша: «За день до смерти, 27 июня, папа позвонил мне и сказал, что у них все спокойно, так же он сказал, что собрал мне лесные ягоды и послезавтра он вернется с ротации и привезет мне их. После похорон папы 29 июня его боевые товарищи передали нам вещи папы, среди которых и оказался котелок с малиной, земляникой, клубникой и ежевикой. Папа знал, что ежевику я раньше никогда не ела, и хотел удивить меня».

30 августа 2015 года Олег Владимирович Анискин был посмертно награжден медалями «Защитник Новороссии» и «За боевые заслуги».

Таких людей, как Олег Анискин, на Донбассе много. Они — настоящие патриоты нашего края. Хочу сказать большое спасибо всем тем, кто встал на защиту нашей Родины. Мы будем помнить тех, кто отдал жизнь за наше будущее. Память о погибших священна!

Как заклинание звучат слова Р. Рождественского:

Люди! Пока сердца стучатся, —
Помните!
Какой ценой завоевано счастье, —
Пожалуйста, помните!

София Д., студентка 1 курса

Год, изменивший сознание

Война — страшное, ужасающее явление. Теперь осознаешь, почему дедушка и бабушка не любили вспоминать о войне. «Но нам же интересно, ну расскажи!», — просили мы с братом поделиться историями военных лет любимое, вечно защищающее нас от родителей, поколение. Бабушка всё время переводила разговор в другое русло.

Думаю, если мои внуки попросят поведать что-нибудь о «нашей» войне 2014, я поступлю так же, как и моя бабуля. С одной стороны, грядущее поколение должно знать обо всех событиях, чтобы избежать в будущем ошибок. Но с другой — каким бы превосходным ритором не был рассказчик, он не сможет передать те эмоции и чувства, которые испытывал в тот момент, когда летит снаряд, и ты не знаешь, попадёт он в твой дом или нет. В этот момент просто молишься Богу. Не получится описать ту дрожь и непонимание, когда тебя будят среди ночи и говорят: «Доченька, собирай быстро вещи, мы едем к тётё!». И ты как человек, который привык собирать вещи только на море, точно зная, что через две недели вернёшься, осознаешь: сбор будет быстрым и невесёлым. Мирный человек, пусть даже самый сильный, не почувствует боль, от того, что он вдруг по чьей-то злой воле должен бросать свой родной, уютный дом.

Люди против людей, брат идёт на брата — что может быть бесполезнее и глупее?

Обидно, что кто-то решает свои дела за счёт обычных людей. Вы думаете, фраза «брат на брата» фигуральна? Нет. Это действительно реальная история, которую невозможно вообразить в XXI веке. Служит в армии ДНР боец, зовут его Сергей М.. Он родился и жил в Западной Украине. Узнав о ситуации на востоке страны, мужчина, не раздумывая, бросил всё и приехал в Донбасс, помогать моим землякам отстаивать честь «террористического» края. Как видим, не все поддаются «зомбоящику». В то же время родной брат Сергея, Андрей М. идёт на войну добровольцем - освободить от «сепаратистов» Донецк, прекрасно зная, что будет воевать против собственного брата.

Росли два мальчика, совершенно одинаково воспитывались, но, почему-то, один смог разглядеть обман киевских властей и СМИ, а другой неожиданно открыл в себе «захисника» и «сина Вітчизни», забыв, что «патриот» и «националист» два совершенно разные понятия.

В такие моменты по-новому смотришь на жизнь, понимаешь, что

многие проблемы, которые до этого считал глобальными и неразрешимыми, просто пыль.

По-особому начинаешь смотреть на свой родной Донецк. Желанный, оваянный мечтами Питер, зелёный красавец Киев или любой другой город-мечта, меркнет, сыреет на глазах. Приходит осознание того, оказывается, что к родному краю можно «прикипеть» всей сущностью и ему хочется посвящать стихотворения и песни:

Мой город, спасибо тебе за всё:
Что выстоял, что не сдался,
За то, что живёшь ты врагам всем назло,
За то, что не трус оказался.

Горжусь я Донецком,
Горжусь, что живу я здесь,
А не в Каннах.
Любуюсь я им и его я прошу:
Живи, развивайся, цвети!.

Донбасс не забуду, он в сердце моём,
Курганы и степи – навеки.
Давай отстоим мы землю свою
И новые ждут нас победы.

Даже малыши все знают,
Очаровательней города не бывает.
Нет его на всей планете,
Если только в Интернете.
Цветущий город, сказка наша,
Какой красивый, волевой,
Герой ты повести отважной,
О ней не написать строкой.
Родной, наполнен теплотой и светом,
Околдовал меня с рожденья самого,
Донецк, тебе всегда я шлю приветы,
Раз уж бываю далеко.
Один такой во всей вселенной,
Забыть тебя никак нельзя!

Герой в моем доме

Кто они, настоящие герои? Понимаем ли мы значение этого слова? Возможно, мы его никогда в своей жизни не видели, а только слышаны о нем. О его поступках и действиях.

Кого мы можем называть так по праву? Может их и вовсе нет? Спросите у себя: «А какие же чувства у меня вызывает герой? Что я испытываю? Гордость? Уважение?». А самое главное, видите ли вы героя в своей жизни.

Я долго не могла понять, а кто же для меня герой и где, в каких произведениях, в какой исторической эпохе мне его искать. У кого спросить и каким образом увидеть. Ответ пришел сам собой — стоило только обернуться и увидеть отца, который зашел в мою комнату. Посмотрев в его глаза — глубокие, бездонные, я поняла, что нашла то, кого искала. Вот же он, герой — в моем доме!

Мой папа — добрый и чуткий, а по профессии он военнослужащий. Схватил войну за руку тем самым горячим летом 2014-го. Никому ничего не сказав, никого не предупредив. Целуя маму каждое утро, спешно отвозил меня и брата в школу. Возвращался поздно, объясняя все трудностями на работе. А трудности ведь всегда были в его профессии. Ждали с мамой до поздней ночи, порою засыпали так и не увидев, но знали, что он где-то здесь, рядом. Кто бы мог сказать, что это «рядом» находилось на блокпостах.

Так продолжалось недолгих три месяца. А потом увеличились обстрелы. А потом первые тяжелые бои и папино «я там стою за вас». А потом война нас разлучила, бросив папу под пули автоматов, а нас перебросив в другой город, до которого сама еще не дошла. Постоянные слёзы, непонимание, постоянное переживание и наконец, первый звонок с чужого номера: «Я живой!».

Еще полгода. Аэропорт, Иловыйск, Широкино. Папа приезжал раз в две недели, и каждый раз я всматривалась в его глаза. Уставшие, отверженные, но по-прежнему добрые. Всё те же, папины. Замечаю, что папа стал молчалив. А если и говорит, то явно что-то скрывая. Знаю, он не рассказывает и половины того, что пришлось пережить там, на фронте. Наверное, никогда и не расскажет.

Новый год встречали вместе, загадывая желания о постоянном мире. Папины глаза слезятся. Рассказывает об очередном бое. На его глазах погиб друг. На тех же добрых глазах, папиных.

А сейчас он заходит в мою комнату. Я так часто всматривалась в его

глаза и видела каждый раз разное: доброту, щедрость, вдумчивость. Но сегодня увидела в них что-то другое. Такое теплое, и одновременно, волнующееся. Это маленькая искорка. Искорка настоящего героя.

Я знаю, для меня он — герой. Тот герой, о которых пишут в книгах. Тот герой, который стал на защиту своей семьи и родной земли. Он даже не догадывается о том, кем для меня является. Не хочет, чтобы его возвеличивали.

Нас снова разлучат километры. Нас снова разлучает война. Но разве под силу дать ей забыть те самые глаза, папины?

Анастасия М., студентка 1 курса

Где теперь будут жить семьи этих дончан?

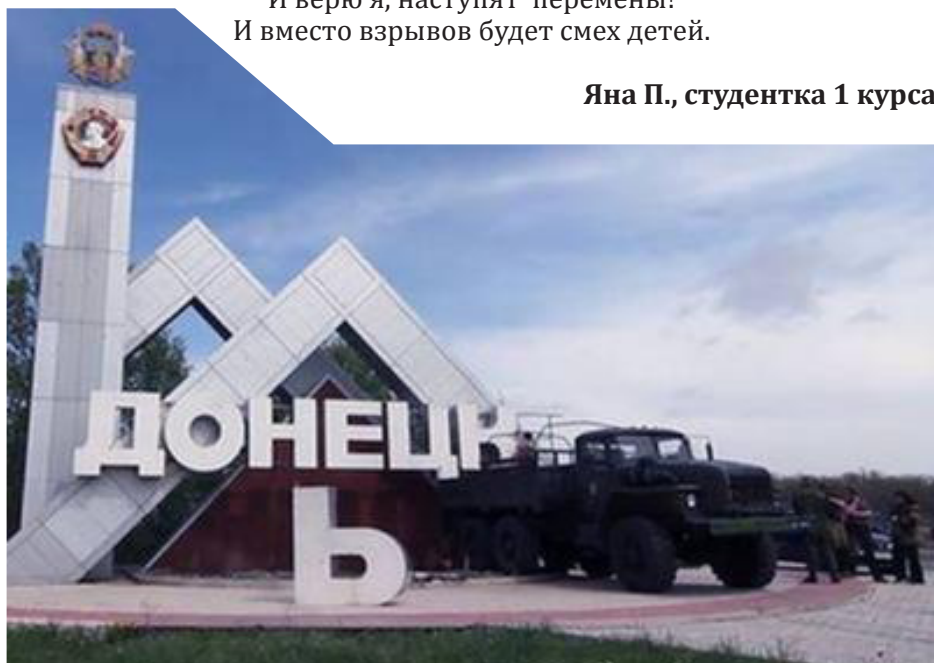
Мой год войны, он начался внезапно,
Врагом вдруг стал ближайший друг.
Подкрался он предательски неожиданно
И просто уничтожил все вокруг.

Поникли люди и завяли розы,
Погас последний огонёк
И разлились рекою слёзы
За что?- звучал один вопрос.

И горько плакал мой любимый город,
Тяжёлый звук вдруг оглушил всех нас.
Не пали духом все, кто верил
В бою смертельном выстоит Донбасс!

Никто не смог поставить на колени,
В Донецке много преданных людей.
И верю я, наступят перемены!
И вместо взрывов будет смех детей.

Яна П., студентка 1 курса

Прощай, Донецк!

Горел Донецк и в помощи нуждался...

Центр Донецка. На улицах — горы стекла, выбиты оконные рамы в домах, вдоль стен — клочья стекловаты, кирпичи и ветки, осколками срубленные деревья. На стенах строений и столбах также глубокие шрамы от смертоносного металла. Всё вокруг забито досками, заклеены окна, а мелкие торговые киоски и вовсе стерты с лица земли. Линии электропередач, троллейбусные провода перебиты. Вместо рекламы — указатели «Бомбоубежище → 100 м». Пустая маршрутка едет по такой же пустой улице. Непривычная тишина одного из центральных проспектов, некогда оживлённого, давит морально на каждого, кто бы здесь не оказался. Выгоревшие здания и опавшие балконы — все это было здесь не для голливудской киноленты. Так выглядели многие районы Донецка летом и осенью 2014 года. Не искусной игрой были страдания, слезы и смерти местных жителей...

Война пришла на нашу землю неожиданно и сразу же принесла много горя и разрушений. И хотя сейчас относительно спокойно, мы уже не можем жить так, как прежде, до войны. История каждого жителя Донбасса содержит в себе боль и тяжесть воспоминаний о пережитом. Я хочу рассказать о своей 91-летней прабабушке Александре. Она живет в Киевском районе на улице Обручевых вместе со своим сыном и его женой, это брат моего дедушки.

На век бабушки выпало две войны. Но если первую она прошла юной девушкой, то вторую встретила в глубокой старости, а её скромный домик оказался в эпицентре страшных баталей, так как отсюда она никуда не уезжала. В период сильных бомбёжек прабабушка пряталась под стол в своей комнате. Окно завешивала одеялом, а сама сидела на матрасе, молясь Богу. Погреб в доме давно засыпан, поэтому больше спрятаться было негде. Обстреливали этот район долго, по многу часов подряд.

«Первое ощущение — было очень страшно. Сильно трусило, — рассказывала мне прабабушка, — Каждый день был одинаковым. Ощущения эти не прошли до сих пор». Местность вокруг угрюмая. Соседский дом, в котором только недавно закончили ремонт, в первые дни войны выгорел дотла. Другой дом сзади постигла такая же самая участь.

«Каждый день ложишься спать и не знаешь, встанешь завтра или нет. Мысли были только о том, чтобы это всё скорее закончилось», — вспоминает прабабушка Александра с гримасой ужаса на морщинистом лице. Пожалуй, единственным её утешением

является то, что все её знакомые и соседи живы, хотя многие и потеряли имущество и жильё.

Больше всего об этом смутном времени мне рассказал сын прабабушки Владимир. Одним из запомнившихся ему событий стало попадание снаряда в соседский дом по улице Обручевых 9: «Мы обедали, как вдруг прилетает. Нам повезло, что осколки полетели в противоположную сторону. Но вот там загорелся дом, убило собаку. Шифер с соседней крыши стрелял так, что обивка нашего дома начала плавиться. Побежали сразу пожарных вызывать. Мать всё во двор выносить стала. Пожарные прибыли быстро, если бы чуть задержались, наш дом тоже сгорел бы». Снаряд, который прилетел, был выпущен из установки «Град». Вскоре сюда приехали ополченцы и журналисты. Причем не только местные и российские, но даже иностранный — Патрик Ланкастер. В интервью для телеканала НТВ дедушка Владимир пытался обратить внимание общественности на то, против кого ведут войну украинские войска.

Первого октября 2014 года случился ещё один трагический обстрел. Рядом с домом моих родственников находится общеобразовательная школа №57. Из-за войны учебный год там начался первого октября, на месяц позже положенного срока. В целях безопасности школу охраняли двое ополченцев. Один из них сидел под зданием. Утром дед Владимир проходил мимо школы и поздоровался с тем военным. А когда вскоре он возвращался, увидел страшные последствия обстрела, а тот ополченец погиб. Прабабушка добавила к этой истории: «Он приходил к нам чай пить, угощала его вареньем, как оказалось — последний раз». Ей было тяжело вспоминать эти детали, на глазах выступали слезы. После линейки дети должны были расходиться на урок, посвящённый 145-летию Донецка, вместо этого пришлось спускаться в подвал. Несколько снарядов обрушились на школу и ближайшие дома. Осколки одного из них убили учителя биологии Андрея Львовича, одного из родителей, и того самого бойца, а четверо получили ранения.

Прямые попадания были и в булочно-кондитерский комбинат на Киевском проспекте, а возле издательства «Донеччина» на остановке сгорел микроавтобус 25-го маршрута с людьми.

Поистине удивительная история приключилась с тещей Владимира. Однажды он со своей женой Людмилой шёл к ней, чтобы помочь убрать разбитые после недавнего артобстрела окна. Дом тещи находится на проспекте Засядько в том же районе. Местом, в котором пряталась женщина, была ванна — считалось, что там безопасно. Людмила и Владимир в тот день настояли, чтобы на ночь женщина поехала к

ним. «Тёща упиралась, не хотела, говорила, мол, я в ванной спрячусь, ничего страшного. Но мы настояли. На следующий день приезжаем — прямое попадание в кухню», — рассказывает сын прабабушки. Снаряд пробил стену под окном и застрял. Если бы он вошёл немного правее, то задел бы газовую трубу в квартире. О попадания снесло балкон, а чугунный радиатор, пробив стену, залетел в ванную, где могла бы в то время находиться мама Людмилы.

За время войны происходили самые разные события, приходилось преодолевать многие лишения. Не раз были перебиты линии электропередач, газопровод и водопровод. Приходилось сидеть и без света, и без газа. Но хуже всего, когда прекратилась подача воды. Ходили за ней на заправку, и когда рядом падали снаряды, люди больше всего боялись, что попадет туда, где раздают воду.

Не забудется и гул самолётов-истребителей, которые, словно коршуны, кружили над Донецком. Звуки двигателей были такими громкими и пронзительными, что казалось, будто они повисли над твоим домом. Неизвестность того, что будет дальше, вызывала панические настроения.

Однажды дед Владимир с сыном приехал домой. Сергей ставил машину, а Владимир доставал ключ, чтобы открыть ворота. Как вдруг со стороны аэропорта послышались громкие взрывы. Это было в самом начале войны, когда никто даже не думал, что это всё будет так серьёзно. В воздухе показались самолёты. Владимир с сыном увидели их впервые. Естественно, это вызвало страх. Ворота, как назло не открывались, ключи гнулись один за другим в замочной скважине, трое из них сломались. В итоге замок всё-таки открыли при помощи «болгарки».

Ближайшее бомбоубежище находится на музыкальном проспекте. Много людей проводили там дни и ночи. Ещё ближе функционировала как укрытие раздевалка в школе №57. Но ведь об обстреле никто не предупреждал заранее. Владимир заметил, что они никогда не прятались в подобных местах. Он лишь при обстрелах включал телевизор, чтобы как-то отвлечься и полагался на везение.

За год войны в Киевском районе было много погибших мужчин и женщин, — в гараже авто кооператива «Донбасс», на улице Полиграфической, на Киевском и Музыкальном проспектах...

За плечами дедушки Владимира большой стаж подземной шахтерской работы, и трупов на своем веку он видел немало, поэтому посеченные осколками тела были не так страшны для него, как для других жителей. Однако у пенсионера они вызывали совсем другие чувства — ненависть к украинским войскам, которые безнаказанно

обстреливают мирный город, убивают его жителей, желание взять автомат и идти воевать с ними. Я уверена, что он бы так и поступил, если бы был моложе.

Первый год войны в Донецке прошёл, как пять. Мы успели увидеть все её безобразные стороны, убедиться в том, что политика для властей в современном мире гораздо важнее человеческих жизней. Но так не должно быть! Мне хочется верить и хочется, чтобы поверили все, что те старые порядки были сожжены в борьбе за мир и и правду. Сгорели навсегда в том огне, которым полыхал Донбасс, который выжигал его дотла, но этим самым давал надежду на новую, лучшую жизнь.

Ольга Д., студентка 2 курса

Так выглядели большинство домов на Киевском проспекте

Преступление, которое не искупается победой

Война меняет человека, делая кого-то лучше, а кого-то намного хуже, чем он был. С войны никто не возвращается таким, каким туда ушел.

Я очень долго думала с чего мне начать, и какой ход дать своим мыслям. Ведь за последний год произошло столько событий, которые остались в моей памяти, как черные, отравляющие дни, и светлые, греющие душу моменты, которые я бы очень хотела выместить на бумагу.

Особый поток воспоминаний я ощутила, когда нашла письмо, которое писала своей подруге больше года назад, 17 марта 2014 года. И в следующих своих мыслях я буду опираться именно на него!

Этот день запомнился мне, писала я под шум взрывов рядом падающих снарядов. И если честно, взялась я за письмо только потому, что сердце охватывало такое чувство, что это были последние мои дни. К сожалению, такие моменты случались довольно часто.

Начала я с того, что наш город очень изменился, и я сейчас не про постоянные атаки, взрывы, и тому подобное. Поменялись люди, а точнее отношение между людьми. Возникло много недопонимания и ненависти, многие просто перестали слышать друг друга. Кто-то может сказать, что это вполне естественно между враждующими сторонами, но даже если опустить отношение между людьми с Украины и Донбасса, можно увидеть такую картину. Ссоры в семье стали привычным делом. К сожалению и моя семья не стала исключением, а ведь именно на отношениях между родными строится семейное благополучие. Именно крепкая семья является основой крепкой державы.

Как горько было описывать то, что не только семья потерпела удар, но и дружба между людьми была подорвана. Для меня всегда первое место занимали родные и друзья. Стараясь не давить на наболевшее, тема политики и войны были последние в моем списке. Но у других это было далеко не так. Столько друзей отвернулось от меня только за то, что я не поддерживаю ни одну из сторон. И если одни прекращали общение со мной, то другие усиливали его втрое. Каждый день звонили дорогие мне люди, чтобы просто услышать, что у меня все хорошо, и с моей семьей все в порядке. Может это сейчас и странно прозвучит, но я считаю это плюсом войны. Она показала мне, кто был действительно другом, а кто только делал вид. Именно война помогла отсеять от меня

ненужных людей, пусть и таким болезненным путем.

Так же война помогла понять, какие ценности мы имели. Возьмем, например учебу, редко когда школьник или студент с радостью будет ждать новый учебный день, чтобы скорее сесть за парту. Но последний год сломал все стереотипы. Я с нетерпением ждала каждый день, который могла провести в техникуме. И действительно, чуть ли не прыгала от счастья, когда звонили и вызывали на учебу.

Но был день, который я запомню надолго. Зимой этого года, когда мы почти не ходили на занятия, позвонили и сказали 22 января приехать на пары. Встав рано, я не очень испытывала особого желания выходить из дома. И собравшись, стоя у порога, я все-таки решила остаться. Стоило мне снять куртку и поставить чай (как я помню), мои ноги подкосились от сильных взрывов, мне показалось, что перепонки в ушах просто вылетают. Спустя некоторое время, я узнала, что это был обстрел на Боссе. Немного подумав, до меня дошла такая мысль: «Ведь если бы я не осталась дома, то как раз во время обстрела, а именно в половину девятого, я ехала бы где-то на Боссе или Эдеме». От этой мысли стало до тошноты нехорошо.

Так же в письме я описала случай, который произошел с моей тетей. Она рассказывала, что так и знала, что стоит взять больничный, но жить то на что-то надо. Приехав на проходную ДМЗ, тетя встретила начальника охраны, с которым давно не виделась. Она остановилась немного пообщаться с товарищем, но поняв, что осталось всего минут пятнадцать, вынуждена была попрощаться с собеседником, как всегда пожелав новой встречи. Но новой встречи больше не суждено состояться, и этот короткий разговор был последним в его жизни. Стоило тете удалиться приблизительно на сто метров, как в то место, где они стояли, падает снаряд, разрывая тех, кто там стоял. Что было дальше она не помнит, все было как в тумане. Но я могу сказать, что по сей день, стоит упомянуть хоть что-то, что может напомнить тот ужасный день, на глазах моей тети выступают горькие слезы!

Находясь под жуткими впечатлениями от всех этих событий, я начала больше уделять время музыке. Играя, я находила спокойствие в звучании клавиш. Музыка помогала мне укрыться от всей этой суеты за окном. Кто-то же находил спасение в рисовании, пении и т.д. Люди, особенно молодые, пытались хоть ненадолго отвлечься от всех этих давящих событий. Один мой друг из Авдеевки, прислал мне стих, который он написал под влиянием тех чувств, которые возникли у него

при наблюдении за происходящим в поселке. Спросив разрешения, я хочу им поделиться:

Удивлён, но в то же время я знал,
Что мир жить Любовью давно перестал.
Везде пропаганда чего-то дурного,
Здорового здесь превращают в больного.
Здесь каждый забыл, что значит Любить
И все потеряли истины нить.
И каждый кричит: «Ты за нас или нет?»
Но вам не понравится дерзкий ответ.
«Нет! Не за вас! Но и других я не чту!
Я лишь с Одним, и еще повторю!
Хватит друг в друге видеть врага,
Таким же, как я, надоела война!
Здесь много сторон, но истины нет!
Не маните меня, в вас не вижу я свет!
Брат на брата идет и сын на отца –
Безумие это, начало конца».

Из тех, кто прочтет, единицы поймут,
Другие продолжат и вскоре умрут,
Не исправив всё то, что делалось зря.
«Неужели вам так бесценна война?»
Судите и смейтесь, я вам не судья.
Только Любовь поместить бы в сердца.
Каждый сам выбирает свой путь и конец.
Получишь в подарок ли жизни венец?

Можно еще много чего написать про прошедший год. Сказать, что он был тяжелым, это ничего не сказать. Эти страдания, печаль, траур, горечь, которая охватывала людей. Невыносимо наблюдать за тем, как люди чернеют от горя при потере близких, когда семья лишается кормильца, когда война дарит свои «подарки» в виде детей-инвалидов, а некоторые дети умирают, даже не успев увидеть этот свет, маленькие сердца замирают вместе с сердцами их матерей, оставляя в душе их родных бездонную яму, полную скорби. Сколько детей похоронили своих родителей, находясь еще довольно в юном возрасте. Сколько людей не успело попрощаться, не сказали близким «прости», не сказали родным «люблю».

Наталия Л., студентка 2 курса

Тонны смертоносного металла обрушила хунта на мирный город

Произошла переоценка

Что может быть хрупче и ценнее мира? Мира в душе, мира в семье, мира в стране и твоём любимом родном городе... Человек никогда не задумывается над этим всерьёз, безразлично и прохладно наблюдая за сводками тревожных новостей в прессе и на ТВ; когда всё плохое и непоправимое происходит где-то, но не здесь. Всё страшное кажется таким невозможным, несоотнесимым с твоей обычной, мирной, спокойной и безопасной жизнью твоего города, родных мест, а главное, родных и близких... Но всё может рухнуть в одночасье как карточный домик, и привычный уклад вещей примет другой оборот, меняя как умы, сознание и восприятие, так и судьбы. Мир сменится войной (не твоей войной!), и изменит тебя. Ты становишься тем, для кого сводка тех самых тревожных новостей становится реальностью, а бывшие ценности меркнут и теряют значимость...

Я никогда не следила за политикой, не старалась вникать в данную тематику. Простой человек, вряд ли, в состоянии менять что-то на верхах, а обычное обсуждение «абы да кабы» всего лишь неинтересная никому болтология. Являясь студенткой кафедры Журналистики, я смотрела и читала новости, естественно, сталкивалась с материалами о различных вооружённых стычках, терактах, военных конфликтах в разных точках мира. Будучи ещё школьницей, которая изучала, как и все, историю, поняла и уяснила, что война (будь даже Холодная, без открытого применения оружия), и любые её проявления — это античеловеческие, беспощадные и ужасающие жестокие действия, игры одних амбициозных глупых людей, из-за которых страдают другие.

Август Эйнзидель сказал: « Война — это самое неразумное, что можно себе представить. Каждый, кто содействует ей советом или делом, должен рассматриваться как преступник по отношению к человечеству». Я солидарна с высказыванием, поскольку это преступление, в котором, априори, не может быть победителей, ведь огромные потери несут все стороны. Война — рубец в истории того или иного народа и государства, который никогда не затянется полностью, не исчезнет. И как же невыносимо обидно и прискорбно, что общество, несмотря на богатую историю и накопленный веками опыт, не учится на ошибках и постоянно находится в состоянии войны и конфликтов.

Я обычная девушка из рабочего промышленного города, недавним процветанием которого я очень гордилась. Казалось, столько все достигли, построили, открыли и ещё планировали. С большой уверен-

ностью могла заявить, что такого обилия разнообразной творческой и замечательной молодёжи, приветливых, добрых и честных людей, нет ни в одном другом городе. Верилось, что более мирного, миролюбивого и безопасного места не сыскать. Но всё так стремительно быстро стало меняться в один миг, из простых возмущений переходя в открытый бунт, а дальше хуже...

Донецк словно заболел. Померк, побледнел. Его покидали те, кто клялся в любви, словно забыли, откуда они. Всё закрывалось, пустело, замирало... Честно сказать, опустошалась и я вместе с тем. Меня, как и город, бросали близкие друзья, один за другим, ребята из родной Alma Mater, что резво забирали документы, ни на секунду не задумываясь ни о чём. Где же ваша любовь к Донецку? Надежда на хорошее? Хотя, с другой стороны, сложно осуждать людей за их стремление к лучшей и, что важно, безопасной жизни. Слышать каждый день гул по всему городу, стараться успеть доехать домой до того как «начнётся», видеть испуг и обречённость в глазах каждого прохожего, морально очень трудно. Легко сломаться, сорваться и броситься куда подальше. У страха глаза велики...

Как жуткий интроверт, в мирное время, находясь в постоянном окружении людей, суеты будней и суматохи, я задумывалась о том, что на пару минут хотела бы лицезреть меньше людей, меньше движения со всех сторон, больше пустых улиц, больше пространства... У кого не возникает желания побыть одному? Спустя время, летом 2014, я шла по безлюдным улицам с осознанием всей глупости того своего желания. Бойтесь своих желаний. Они реализуются совсем в другой форме.

В пустом, но с напряжённой и накалённой атмосферой городе практически никого и ничего не осталось, кроме разрухи, то тут, то там. Я не узнавала его — свой любимый, некогда яркий и цветущий город миллиона роз. Особенно потряс вид почти полностью разрушенного Дворца молодежи «Юность». На него пришёлся удар 16 мин и снарядов. Выглядело так, будто он вот-вот рухнет. Лично для меня увидено откликнулось болью. Мои школьные годы, репетиции и подготовки к выпускному вальсу, многие трепетные моменты моей юности были разрушены. Это показалось очень метафоричным. Разрушенный дворец «Юность» знаменует конец моей юности. После всех событий я становлюсь взрослее, сильнее и совсем иным человеком. Я нахожу в этом свой личный одинокий смысл.

Да, я проживаю в районе, который менее всего пострадал от обстрелов. Знакома с многочисленными историями тех, кому повезло меньше, тех, кто стал свидетелем, участником, пострадавшим.

До сих пор сложно принять это как данность. Хочется представить, нарисовать у себя в голове, что всё случившееся какой-то большой длинный страшный сон, все целы и невредимы. Могу лишь только поражаться стойкости людей, переживших самые страшные моменты, потери, утраты.

Прочувствовать неистовый страх довелось и моей семье, и этот случай, я никогда не забуду. Он покажется детским лепетом, по сравнению с тем, с чем столкнулись жители беспокойных районов, но для меня это переломный момент. Моя семья постоянно держала «тревожный чемоданчик», практически не спала по ночам, ютясь по углам подальше от окон, но всё проходило не так тревожно, снаряды раздавались вдалеке. Это же было утро, когда и до нас долетели снаряды...

Университетские преподаватели, журналисты со стажем. Учат нас всегда записывать, документировать всё. Первое, что я сделала после пережитого — записала карандашом на листе свои переживания. Я хочу поделиться ими сейчас.

«Сегодня я не могла никак уснуть до самого утра. Это стало нормой в последнее время, но в этот раз мне было особенно тревожно. Будто чувствуя неладное, я ворочалась, комкала простынь, прислушивалась к каждому шороху. И вроде бы всё было спокойно накануне: прошёл небольшой дождь, сделав погоду приятнее, с улицы доносились голоса соседей. Но всё это напоминало скорее затишье перед бурей.

4:20.

Я толком ничего не понимаю. Словно в бреду внезапно раздался жуткий, запредельно громкий гул. «Бомбят!» подумала я. В окне как будто всё горело, даже дом напротив, так близко стоящий к моему, перестал быть виден. Огромной яркой вспышкой летели снаряды возле моих окон, отдаваясь дробью. Как потом стало ясно, 18 ударов за раз.

Я замешкалась. Говорят, в экстренных ситуациях, в моменты глубокого отчаянья и страха проявляется истинная сущность человека. Зная, что нужно бежать от окон, прятаться в ванной или хотя бы упасть на пол, я нащупала свой старый маленький крестик на шее и, сомкнув в ладони, стала...взывать к Богу. Путая слова и фразы молитвы, я молилась, что есть сил. Хотелось кричать от ужаса «Спаси и сохрани!». Просто СПАСИ И СОХРАНИ, БОГ МОЙ! ТЫ ЖЕ ЕСТЬ, Я ЗНАЮ!

Через несколько секунд в комнату забежала перепуганная до дрожи мама. Стремглав я помчалась к ней, быстро отталкивая в ванную. Возможно, грубо, но на нежность в данном случае рассчитывать не приходится. Сквозь темноту я увидела ужас в маминых глазах, которые вот-вот заплачут. Она потянула меня к себе, но я знаю, что есть ещё кое-кто, за кого я в ответе. «Где кот?», не до-

ждавшись ответа, я побежала в зал. Наверное, это покажется смешным, какой кот в такой момент. Но для меня в этом мире, в отличие от многих, у кого есть и бабушки, и дедушки, и отец, и дядя, и тётя, братья, сёстры, есть только мама и мой кот.

В окнах всё ещё полыхало. Кот забился в угол дивана, ничего не понимая, растерянно пятясь. Мне говорили, что у животных развит инстинкт самосохранения лучше, чем у людей, животное сможет спрятаться. Увидев его, беспомощно озирающегося вокруг, я поняла, что сам он ничего не сможет...

Я не знаю, мои взывания к Всевышнему, просто везение или ошибка в расчёте стреляющих спасли мою маленькую семью этим утром и, пролетев буквально возле моих окон, горящий огненный снаряд не зацепил нас. Я не знаю, интересно ли кому-нибудь из тех, кто благополучно уехал из страны/города, кто иногда, чисто из любопытства и скуки спрашивает «ну как вы там, ещё не зацепило?», всё то, что я сейчас рассказала. Но я знаю одно, моя семья - это обычные люди, которые исчезнув бы сегодня, остались совершенно незамеченными. Никому мы не нужны. Не «лучшим» друзьям, ни товарищам, ни приятелям, ни одноклассникам, ни коллегам. Всё, что у нас есть — это немного везения, немного удачи и... веры. Неважно, во что или в кого. Банально, да? Как знаете. И просто держа сейчас в руке свой старый, поцарапанный крестик, который мне ещё в раннем детстве советовала всегда держать при себе бабушка, хочу сказать — не надо рассказывать, как вы переживаете или радуетесь, что в мой дом не попали, при этом индифферентно относясь к моей участи на самом-то деле. Лучше просто, иногда вспоминая обо мне, если такое случается, без слов и лишней наигранности, желайте мне удачи. Или верьте, что всё должно быть хорошо. Когда-нибудь БУДЕТ хорошо. Только верьте настоящему. Искренне».

Я стала задумываться над тем, что от нас мало зависит, в подобных ситуациях, но безумно важно верить в лучшее. Всё, что остаётся — вера. И все те, кто забыл о своей жизни в Донецке, притворяясь столичными ребятами, лишь изредка интересуясь, как живут оставшиеся здесь, на самой деле не были настоящими и искренними. Война и время, как бы прискорбно не было это осознать, расставляют всё и всех по своим местам.

В войне нет ничего хорошего. Единственное, что можно отметить — переоценка многих ценностей. Пережив такое, человек становится сильнее духом. Донецкий народ, тот, что не бросил всех и всё, оставив место для надежды, переживший наиболее страшное время, теперь закалён как никто и никогда. Как сталь. И мы готовы начать заново. Возродиться. Как феникс.

Порой, не находя радость ни в чём, устав от обыденности и скучной жизни, мы не видим простого, но важного: мирного синего неба, прихода весны, радостных лиц, освещённых фонарями тёплых улочек по вечерам, мирного города... МИРА.

Эмилия А., студентка 3 курса

Раньше здесь пекли хлеб и вкусные баранки

Война во мне и Я в войне

Война. Что это такое? Согласно формулировке Карла Клаузевица, военного теоретика и историка, «война есть продолжение политики иными, насильственными средствами». Некоторые философы видели в войне высший смысл. Так, Гегель видел значение войны в том, что благодаря ей сохраняется нравственное здоровье народов, война «предохраняет народы от гниения».

Зная о войне по книгам и фильмам, это определение можно принимать без особого напряжения. Рассуждать о войне легко, сложнее в ней жить. Что такое жизнь в войне? К сожалению, сегодня об этом может рассказать даже обыкновенный и макеевский, и донецкий... школьник. Мы провожаем одноклассников, друзей на войну и ждем их оттуда.

Для кого-то «война» синонимична понятию «оружие», для кого-то «прибыль». Для меня – это «смерть». Смерть всего живого. Все умирает, когда человек берет в руки оружие и идет убивать другого человека.

Новые грани

Я поступила в университет ещё в мирное время. Кафедра журналистики – это единственное место в университете, для учёбы не хватало только результатов ЗНО. Здесь особый отбор. Творческий конкурс прошли далеко не все желающие стать журналистами. Дух соперничества не покидал нас и на первом курсе. Необходимо было зарекомендовать себя не только добросовестным и прилежным студентом. Нужно было соответствовать требованию: ты — журналист, а значит уникальный. Больше видишь, больше слышишь, умеешь анализировать, опираясь на знания, а не на субъективное мнение. Мотивация в учебе бешенная. Что не пара — то креатив. Профессионалы не просто захаживали к нам на факультет, с «акулами пера» мы практиковались с первых дней.

В школе нам говорили: «В ВУЗе с вами сюсюкаться не будут». Так оно и вышло, спрашивали как с подчиненных. И тут 2014 год, 2 курс. Война. С ней мы окончательно вышли из детства, но во взрослую жизнь не вошли. Не по возрасту, да и опыта маловато все вопросы самостоятельно решать. Первый семестр мы проходили дома - те, кто не ухал в другие города. Позиции родителей, которые зачастую определяли в какой город уехать, в какой стороне учиться, втянули нас в конфликт, как во внутренний, так и во внешний. Самому себе при-

ходилось отвечать на сложные вопросы, чтобы уметь противостоять, мягко сказать, натиску тех преподавателей и сокурсников, которые приняли иное решение. Вчерашний уважаемый тобой преподаватель, твоя подруга вдруг становились агрессивными противниками. И те, кто учил тебя быть честным, толерантным, думающим, скатывались до унижений и оскорблений только потому, что ты думаешь иначе, чем они, что не захотел уехать вместе с ними. Мы верили в то, что время всё расставит по своим местам, правда, не думали, что всё это произойдёт так быстро. Наши винницкие — донецкие пишут открытые письма своему президенту с жалобами, что в предоставленных им условиях они не в состоянии осуществлять качественный учебный процесс. Но за грохотом пушек, шелестом денег и звоном псевдопатриотических лозунгов, их никто не слышит.

Но вернемся к себе. Когда военные действия в наших городах стали для нас обыденностью, семьи решили, что пора их детям переходить с дистанционного на дневной ритм учебы. Некоторые «дети» пошли работать. Преподавательский состав у нас остался сильный. Только вот профессия наша такая, не теоретическая. Война сделала нас более самостоятельными, заставила переосмыслить сложившиеся ценности. И сейчас, чем горевать, лучше сделать выводы и принять это для себя. Нас учат, что в арсенале каждого журналиста должны быть хладнокровие и равнодушие, дабы он мог дать объективную оценку происходящему. Война заставила пересмотреть не только отношение к людям, но и к своим обязанностям. Сделает ли нас происходящее мягче или жёстче? Это во многом зависит от нас.

Дети на войне

Автор романа «Война и мир» великий Лев Толстой говорил: «Война — это безумие, заставляющее усомниться в разуме человека, а дети на войне - это безумие вдвойне».

Благодаря газете «Макеевский рабочий ДНР», в которой практиковалась во время войны, я имела возможность участвовать в благотворительных акциях и глубоко поняла смысл этих слов классика. К сожалению, они так или иначе были связаны с детьми на войне. Мы вывозили деток с бабушками и мамами из горящего Славянска, когда там проходили жестокие бои. В газете «Макеевский рабочий ДНР» меня научили не хладнокровности, а человечности. И сейчас газета продолжает заниматься благотворительностью. Устраивает различные акции в помощь семьям, пострадавшим от военных действий. Коллектив газеты столкнулся со многими проблемами в процессе

этой работы. Но суть даже не в этом, а в том, что помощь друг другу стала потребностью в жизни большого количества людей независимо от возраста, уровня достатка.

Нам стали ещё понятнее те ветераны, которые, пройдя войну, категорически не хотят рассказывать, что происходило в те жестокие годы. Думаю, вряд ли в будущем, в мирной жизни, нам тоже захочется вспоминать, что увидели и пережили здесь мы.

Война — это мир

Как ни странно, двусмысленное суждение Джорджа Оруэлла оказалось уместным в реальной жизни. Война не просто сплотила общество. Люди стали ценить то, что является нормой. Целые руки, ноги, есть возможность научиться чему-либо. И пусть в довоенное время я тоже была не безразлична к человеческим судьбам. Но война научила относиться к людям с ограниченными возможностями не с жалостью, а с сопереживанием. Причастность к их беде и вероятность стать таким же научила нас не плакать от несовершенства и несправедливости этого мира, а помогать ближнему. Из-за того, что мы ощутили свою близость к смерти. Стали чаще делать бескорыстные поступки. Война уйдёт, но добрые поступки и люди, которым мы помогли — останутся. В мирное время мне казалось, что благодарности достоин тот человек, который помогает. Сейчас я благодарна тем людям, которые готовы принять помощь.

Блага войны

Публий Вергилий говорил: «От войны нельзя ждать никаких благ». В узком смысле да. В широком — не согласна. Война забрала много, но останется это место пустотой, или запомнится чем-то новым, зависит от самого человека. Отсутствие положительных эмоций можно компенсировать положительными делами. У меня война не только забрала, она меня еще и научила, заставила жить сегодняшним днём, пересмотреть приоритеты. Каждый день теперь как маленькая жизнь. Он не может быть пустым. Его нужно наполнить максимально. Сегодня есть такое, каким его сделаешь ты. А завтра? Каким будет завтра, мы подумаем завтра.

Как бы всё ни сложилось, а война обязательно закончится. Она оставит рубцы в жизни и на сердце каждого из нас. У кого-то они будут ныть на непогоду, кому-то — мешать дышать, а мне, и я в этом уверена, всегда будут напоминать о ценности человеческой жизни и ценности каждого предстоящего дня.

Анна Х., студентка 4 курса

Детям нужны солнце и мир

Массовый забег, организованный газетой

«Макеевский рабочий» в поддержку детей, пострадавших от небыявленной войны

Пусть будет мир!

Когда я была маленькая, бабушка часто рассказывала мне о Великой Отечественной войне, об этой жуткой трагедии всего человечества, произошедшей в XX веке. Мне становилась страшно и непонятно одновременно: «Как люди могут воевать? Зачем?» В моей голове это никак не укладывалось, я искренне не понимала, почему люди берутся за оружие и убивают друг друга. Слушая её рассказы, я понимала, что это уже далеко в прошлом и думала, что никогда не увижу войну. Но, как оказалось, заблуждалась.

Лето 2014 года началось очень беспокойно, а в итоге стало самым кошмарным в моей жизни. В июне еще я встречалась с друзьями, гуляла в парках, ездила в гости к родственникам. Душа уже была переполнена тревогой, но жизнь текла в привычном русле.

Пока что.

...Вернувшись из Крыма, я отсыпалась до обеда, так как провела всю ночь в поезде и очень устала. Проснувшись, привычно вышла в беседку то ли к позднему завтраку, то ли к раннему обеду. Пока мама накрывала на стол, я обдумывала список предстоящих дел, так как их после довольно продолжительного отъезда скопилось немало. И вдруг раздался страшный гул и грохот. Начался обстрел Амвросиевского блок-поста и разразился жуткий бой. С этого момента в мою жизнь вошла война. Я её почувствовала очень близко, она словно дышала мне в спину.

Залпы тяжелой артиллерии, звуки выстрелов автоматов, боевая авиация в небе, «нарезающая» петли практически над крышами домов... Не верилось, что это реальность, казалось, вижу какой-то кошмарный дикий сон или сцену из боевика. Но это было действительно. Кошмарная, жуткая и страшная.

Как и всем, мне пришлось сидеть в подвале, пережить обстрелы. В темной сырой комнате под землей по соседству с соленьями на зиму, с иконой в руках и мыслью: «Хоть бы не убило!».

После пережитых событий все мы научились ценить простые вещи: яркий свет солнца, чистое небо и запах свежего хлеба. Война научила по-настоящему ценить мир.

Пусть будет мир во всем мире! Всегда! Нет войне!

Юлия К., студентка 2 курса

Не бойся, доченька!

«Ой-ой-ой! Это что, гром?!», — моя младшая сестра заставила одной фразой снова переосмыслить всё увиденное, услышанное и почувствованное не только меня, но и всю семью. Что бы ни происходило: смена обстановки, смена окружающих меня людей, смена, в конце концов, мнения по поводу всего происходящего, я всегда находил возможность для успокоения и логичной оценки той или иной ситуации. На любой войне дети, как правило, играли роль маленьких волшебников, которые заставляли воинов идти вперёд исключительно за победой. И даже женщины оказывали не столь сильное влияние на солдат, как это делал ребёнок, чьи слова и плач влияли бойцов, которые нередко шли в бой со словами «За Родину! Защитим наш родной дом!».

— Внимание! Говорит Москва! Передаём важное правительственное сообщение! Граждане и гражданки Советского Союза. Сегодня в 4 часа утра... — прозвучало по радио 22 июня 1941 года. Кого Гитлер лично объявил врагом номер один? Кто смог потеснить «отца народов» с первой позиции опасности на неутешительную вторую? Чей голос на протяжении всей войны поддерживал и вдохновлял весь советский народ? Юрий Борисович Левитан или просто «главный голос страны». Человек с невероятной силой духа, чистой душой и речью, которая держала в страхе всю Германию. Тем жутким утром он всплыл в моей памяти автоматически, а с течением времени его слова нередко влетались в отрезки происходящего, которые описать просто невозможно.

Война пришла неожиданно и резко изменила всю нашу жизнь. Крики людей вокруг, стоны и попытки принятия бессмысленных решений: от укрытия в подвале до складывания вещей в автомобиль и отъезда «далеко и надолго». Страх окутывал с головы до пят и постепенно перерос в панику, которая является нашим первым врагом. Мне тоже было страшно. Страшно за свою сестру, страшно за мать и отца, страшно за дом, страшно за землю, на которой я жил и живу, страшно за родной край. Но больше всего пугала неизвестность: что делать, куда бежать, чем помочь? Первый свист снарядов над головой, первые их разрывы с «добрыми» пожеланиями для «своих братьев» — нас, первые слухи и первые познания в области военной техники, без которых мы бы и дальше хорошо жили. Однако стоит поднять голову на утреннее ясное небо, как ты почувствуешь, чего хочет твоя земля. Тогда я впервые по-настоящему ощутил, что значит оказаться важным для Родины. Внутри всё сжималось.

Информационная война началась задолго до первых взрывов, но продолжается и будет ещё продолжаться на протяжении многих лет. Дезинформация своего «единого» народа шла полным ходом, как локомотив по длинному тоннелю. Со стороны нынешней нелегитимной власти (именно таковой её считаю я) Украины проводилось откровенное угнетение, а порой и унижения некоторых территорий тогда ещё целостной страны. На каждое их бессмысленное слово следовал наш более чем осмысленный ответ, завершившийся, в конце концов, провозглашением Донецкой и Луганской Народных Республик. Этого не могло не случиться. Это должно было произойти. Люди — не стадо, человек — не баран.

Пока взрослые, но глупые дяди «мерились своими пушками», мне и ещё десяткам тысяч людей пришлось покинуть родной дом. Радовалось, что это лишь на какое-то время. Кто-нибудь, приехав на Крымский полуостров, отказывался от походов на пляж, от купания или просто вечерних прогулок у моря? Для меня не было слова «отказываюсь» или «не хочу», я попросту этого не делал. Утром, как будто по строкам из прекрасных, но нереалистичных романов, меня будили лучики солнца, а ночью в сон отправляли стаи звёзд. Красивые девушки, развлечения и вечерний шёпот моря вводили в экстаз каждого, но не меня. «Не в этот раз», — думалось почти всегда.

День тянулся за ночью, недели сменяли месяцы. Единственной мыслью, засевшей в голове, было только желание «долететь», наконец, до дома. Первое, что я сделал по приезду — обессилено упал на колени и о продолжал повторять «Спасибо, спасибо, спасибо...».

Как ни банально, но именно благодаря всему происходящему внутри меня появилось неутолимое желание доносить людям правду. Говорить и писать о том, что происходит на самом деле. Я полюбил правду, как не любил её даже в раннем детстве, узнавая у мамы заранее, не будет ли мне больно у стоматолога. Казалось, искренность превратилась во что-то тактильное и хочет поскорее вырваться наружу. Будь это возможно, я бы не мешал. Однако количество вопросов к новостям, к военным, к бабушкам-сплетницам и даже к самому себе откровенно зашкаливало.

С течением немалого времени мне стало понятно: в нужный момент ответы можно получить не только в своей голове, не только от друзей или в новостях, не только от Бога, но и от Родины. Наша Родина – Мать наша. И тем утром моя мать своими словами прояснила, насколько весь наш единый мир заврался и огрубел, сказав с пустым взглядом:

— Не бойся, доченька. Просто началась война.

Александр Р., студент 1 курса

Руины на каждом шагу

Особенные люди Донбасса

Война на Донбасс пришла совершенно неожиданно. Кто бы мог подумать, что мы в цивилизованном двадцать первом веке окажемся в настоящей блокаде, что нас будут убивать. Причем убивать и морально, и физически. Но жители Донбасса никогда не были сломлены. Это уже доказано историей, и подтверждено сегодняшними подвигами народа.

«Боевое крещение»

Ещё со школьных лет мы мечтали поступить на журналистику. В 2014 году так и случилось. Это был наш первый курс в условиях войны.

Обучение из-за боевых действий началось на месяц позже, чем обычно. Но начало учёбы нам запомнилось по-настоящему боевым. Особенно помнится прилет ракеты «Точки-У» по донецкому заводу химреактивов. Мощь взрывной волны дошла и до других городов молодой Донецкой Республики, однако мы, студенты, ощутили это в самый непредсказуемый момент. Это произошло во время пары Николая Алексеевича Анисимова. Все сидят и внимательно слушают потрясающие суждения преподавателя о русской литературе, как вдруг - удар! По ощущениям сравнимо с ударом доски. Только доска - плоская, и бьет не по всему телу, в отличие от той взрывной волны. Наступила гробовая тишина — все замерли. За дверью слышалось: «Тревога! Всем в укрытие!». Все сорвались со своих мест и ринулись в коридор. Там уже толпились у входа в бомбоубежище другие студенты.

Спустя время мы вспоминаем эту историю с лёгкой иронией. Но всё равно из головы никогда выйдут чувства, которые ощутили в тот день. Это было первое «боевое крещение».

Спустя ещё несколько месяцев мы устроились корреспондентами в газете. С того момента прошло почти два года, но уже за этот короткий срок нам не раз приходилось сталкиваться с особенными людьми. Война показала, что жители Донбасса в тяжёлых условиях способны не терять чувство юмора, милосердия и несмотря ни на что радоваться жизни.

Жизнерадостная семья Ильи и Риммы

Пенсионеры Илья и Римма всю войну прожили на безлюдной улице Стратонавтов недалеко от передовой. В то время, когда все соседи разъехались, супружеская пара продолжила выживать в километре от аэропорта (долгое время воздушная гавань была самой горячей точ-

кой). Поехать к этой семье нам предложил доброволец из Америки с позывным Техас.

— Эти пенсионеры живут недалеко от нового терминала аэропорта. За всю войну они ни разу никуда не переезжали, — говорит американец. — Я был удивлён, когда узнал, что Илья ходит на рыбалку под Пески. Ведь это опасная зона совсем рядом с украинскими позициями.

Подъезжая к аэропорту, всё больше чувствуется тяжелая атмосфера. Кажется, что всего несколько метров разделяют цивилизацию и этот заброшенный мир. За стеклом обстановка меняется на глазах. Дома постепенно напоминают шахматную доску: один стоит, другого нет. Потом вовсе снесённые десятки домов подряд. Чем дальше едем, тем ужаснее становится картина.

— Приехали, — говорит Техас возле одного уцелевшего дома.

Возле ворот нас встречает Илья. По улыбке пенсионера видно, что он искренне рад нашему приезду. Это и не удивительно. Сюда никто не рискует приезжать. Наверное, поэтому мы и стали желанными гостями.

Хозяйка накрывает на стол: борщ, картошку с котлетами, салат из свеклы, домашнюю сметану. Чтобы в таких условиях приготовить эти блюда, нужно хорошо постараться. Ведь с водой, газом и электричеством — полная катастрофа. Уже второй год семья Петровых выживает без этих благ.

— Рубим дрова, поваленных деревьев тут полно, потом на печке еду готовим, а заодно и обогреваем дом. Воду в колодце набираем. Заряжаем солнечные батареи. С ними можно немного посмотреть телевизор, и узнать новости. Свечи стараемся сильно не трогать — зажигаем только по сильной необходимости, — рассказывает о быту Римма Николаевна.

Семье Петровых дом достался от бабушки, за которой они ухаживали до конца её жизни.

— Перед смертью она сказала: живите в нём, вы этого заслуживаете, и не бросайте его, — делится своими воспоминаниями Илья. — Вот мы и оставались тут даже во время сильных боёв и обстрелов. Два раза я чуть не погиб. Снаряды разрывались на тех местах, с которых я уходил минуту назад.

Затем мужчина хвастается своим уловом. Каждый день рано утром он отправляется на рыбалку. И как говорит его супруга, без улова не возвращается. На рыбалку мужчина ходит под Пески — полкилометра от украинских позиций.

Баба Вера

Недалеко от Путиловского моста, в подвале 18-й больницы мы познакомились с бабушкой Верой. С первых дней военного конфликта пенсионерка живёт в сыром подвальном помещении, которое стало для неё вторым домом. Стены тут сырые, ступеньки высокие даже

для молодых и здоровых людей, не говоря уже о тех, кто в возрасте. Поэтому женщина почти не выбирается из этого подземелья.

В подвальной комнате бабы Веры стоит стол, две пружинистых кровати и ящики, которые используются, как полочки для одежды. Тусклый фонарь мрачно освещает помещение, а жизнь разукрашивает телевизор, который стал единственным источником информации.

— Когда я сюда поселилась, нас было 80 человек. Это и взрослые, и дети, — вспоминает об эвакуации в первые дни войны Вера Ивановна. — Они, конечно, очень боялись звуков взрывов, когда тряслись стены — плакали, было страшно. Сейчас все уехали кто-куда, осталась я с дочкой. Нам идти некуда, а ехать — не за что.

Пожилая женщина рассказывает, что с первого дня пребывания здесь, стало ухудшаться её здоровье.

— Мне 71 год, болею астмой. До того, как попала сюда я хорошо ходила. Работала дворником в больнице. Теперь же я с трудом встаю с кровати, чтобы выйти на улицу. Передвигаюсь с палочкой. Ноги опухли, отекают, а на лекарства средств не хватает.

С самого начала пребывания в убежище Вере Ивановне помогают ополченцы, как она называет их до сих пор. Она, в свою очередь, отвечает взаимностью.

— Они к нам бывает, зайдут, тушенку лишнюю дадут или хлеб. Я их тоже угощаю, вчера например пирожки испекла. Навещают нас каждый день почти, за год мы стали одной семьёй. Привыкли друг к другу. Называют меня по-простому «баба Вера», а мне и так хорошо, по-домашнему как-то. Я их тоже — Иванович, Петрович. Вот мне телевизор починили, теперь могу хоть новости смотреть.

Недавно бабушка отпраздновала свой день рождения. Шикарный стол в такое непростое время накрыть она не смогла, но собрать компанию близких для неё людей женщине удалось.

— 20 июля мне исполнился 71 год (это было в 2015 году). Наварила картошки, пришли ополченцы, несколько ребят, поздравили меня. Самым нужным подарком были продукты — тушенка. На улице поставили столы и под звуки взрывов отпраздновали это день. Пожалуй, он запомнится мне на всю жизнь — такого дня рождения у меня не было, но в кругу близких людей и жить легче. Спасибо ребятам за внимание и помощь, которую они оказывают мне.

Сразу после нашего визита в бомбоубежище, в социальной сети мы выложили объявление и попросили неравнодушных людей помочь бабушке лекарствами. Материальную помощь никто не предлагал, звонили медработники, которые проконсультировали нас по вопросу здоровья и лечения Веры Ивановны.

Вскоре, первого августа, позвонила Лилия Никон. Эта девушка закрыла своим телом своего одиннадцатилетнего ребёнка во время обстрела троллейбуса на Боссе. После чего ей ампутировали ногу. Лилия увидела наше объявление и передала сумму на пять тысяч рублей. Эти деньги на лекарства и продукты для Веры Ивановны ей помогли собрать друзья и знакомые.

Мы рассказали Вере Ивановне историю Лилии Никон. Она была очень растрогана историей девушки.

— Спасибо тебе Лилечка. Спасибо огромное за этот поступок. Я желаю, чтобы у тебя всё было хорошо, чтобы тебе поставили протез, и наладилось твоё здоровье. Живи счастливо! Пусть твой ребёнок будет здоровым, — пожелала Лилии бабушка со слезами на глазах.

Ветеран Шалашкова

Екатерина Алексеевна живёт в одном из самых обстреливаемых районов города - Киевском. В свои 90 лет старушка встречает нас у порога дома без палочки. На первый взгляд не скажешь, что ей столько. На её белом пиджаке переливаются медали и ордена. Среди них и орден за мужество, который вручило Шалашковой правительство «нэзалэжной».

— Видите, мы с украинцами рука об руку боролись с фашизмом! А сейчас они посылают своих сыновей и внуков на Донбасс, — говорит пенсионерка.

От неё веет французскими духами. На лице лёгкий макияж, а в волосы вплетена круглая коса.

— Как у Тимошенко, — шутит ветеран, — но не подумайте, это не подражание украинскому политику, я её вовсе не люблю.

— Это просто образ, который нравится маме, — добавляет её дочь Анна.

Накануне дня инвалидов Екатерина Алексеевна приготовила подарки для детишек. Она связала 53 пары тапочек и накупила разных гостинцев.

— Мы хотели всё это передать деткам-инвалидам, потому что я сама инвалид первой группы. Но не знали куда, — рассказывает пенсионерка. — Потом мне дочь сказала, что Яна Чепикова, советник Главы ДНР по правам ребёнка, в день инвалида отправляется в реабилитационный центр города Тореза. Там в послевоенные годы я с мужем восстанавливала шахты. Тогда мы без раздумий решили: передадим на мою малую Родину — в Торез.

Екатерина Алексеевна в годы Отечественной войны прилагала все усилия для победы над фашистской Германией. Но при этом боец Ша-

лашка погубила своё здоровье. Под морозом 40 градусов она стояла и днём и ночью. Нужно было охранять военный завод.

— Я знаю, что такое холод. Очень переживаю за наших защитников, когда за окном холодно. Вот прошлой зимой связала 150 пар тёплых носков мужчинам и гамаш женщинам. Они так сильно благодарили меня, — вспоминает она.

Год назад, когда Шалашкова узнала, что из украинского плена отпустили четверых наших солдат, она с нетерпением захотела с ними познакомиться.

— Они пришли ко мне в гости. Рассказали мне, знающей зверские издевательства вражеских сил, обо всех ужасах плена у карателей. У них были переломаны рёбра. В плену топтались ногами по их головам, — вздыхает пенсионерка.

На её глазах накатываются слёзы, а кисть руки в этот момент сжалась в крепки кулак.

— Потом несколько месяцев мы с дочкой опекали ребят, помогали, чем могли, да и они мне помогали — добавляет она.

— Год назад у моих окон обстреляли школу, интернат и автомобильный парк. Я тогда испугалась и дочь забрала меня к себе на Полиграфическую. Но там было не лучше. Начались регулярные обстрелы. Я как-то кушать пошла на кухню, слышу: «Бах, бах!». Попали в торец седьмого и восьмого этажа. От взрывной волны меня отбросило от окна к плите. Всё рассыпалось. И лето мы просидели в ванной, — вспоминает ветеран войны.

Напоследок она наизусть рассказывает присягу, которую она давала в 1943.

— А если, по злому умыслу, я нарушу эту клятву, то пусть меня постигнет всеобщая ненависть и презрение трудящихся, — заканчивает строки. Затем обращается к украинским товарищам:

— Зачем вы, дорогие мои друзья фронтовые, украинцы, посылаете своих внуков и правнуков на Донбасс?! Против меня, зачем вы пришли меня убивать? Мы же вместе прошли войну... Вы забыли историю? Вы забыли, как мы спали под одной шинелью в землянке, из одного котелка ели? Остановитесь, я вас прошу! — всплакивает старушка.

Но для ветерана главное то, что в свои 90 лет она ещё нужна Республике - ещё может помочь людям. И мысль об этом её согревает.

Донецкий Хатико

С каждым визитом в окрестности аэропорта - начинаем привыкать к окружающему. И вот однажды наш взор упал не на разрушенный дом, не на торчащий снаряд «Града», не на вбитую в асфальт, как

гвоздь, мину, а на крошечных щенков. Их по-настоящему стало жалко. Они маленькие и беззащитные. Решаем всеми силами облегчить судьбу этих дворняжек и даём объявления в социальных сетях. Буквально на следующий день, на наш клич откликнулась волонтер из приюта для животных.

Мы подъезжаем к улице Стратонавтов. Треск автоматов всё чаще заглушает пение птиц. Вдалеке начинается перестрелка, которая начинает обретать накал.

— Здесь направо! — указываем дорогу Ирине Волик, волонтеру приюта, в который мы собираемся пристроить четырёхлапых.

На гул мотора выходит старушка. Она провожает машину взглядом. Наверное, надеялась, что это к ней кто-то приехал. Увы, мы проезжаем мимо двора бедолаги и останавливаемся возле одного из разрушенных домов. На крыше, как и обычно, сидит дворняжка. Она ждёт, пока из машины кто-то выйдет, не отводит глаз. Когда замечает, что это мы, а не хозяева, опускает голову и улаживается на шифер.

Местные рассказывают, что этот дом разрушен ещё с начала войны. А коммунальщики, которые часто убирают строительный мусор неподалеку, вообще называют собаку донецким «Хатико». Впервые мы заметили её больше года назад. Всегда, когда приезжали в эти окрестности, возникало дежавю. Преданный Хатико всё также сидел на разбитой крыше заброшенного дома. Черный окрас, белая грудь и наострѐнные уши - красавица!

Возле дома бегают пять маленьких щенят. Одного забираем на своё попечение. Ещё четверых вместе с мамой планируем пристроить в приют к Ирине. покормить маленьких собачек и уложить их в машину не составляет труда для Ирины, а вот с мамой приходится помучаться.

— Мы вывозили собак из-под обстрелов, — убеждает в своей компетентности женщина и приводит пример. — Самая боевая собака, которую мы вывезли — Баля, её нашли в районе Дебальцевского котла. Было страшно, конечно. Всё горело, а мы мчимся на машине за собакой. Она до сих пор у нас в приюте.

Начинаем приманивать дворнягу к себе едой. Она сразу спускается с крыши и боязливо подходит поближе. Бегает туда-сюда, пока мы не накидываем на неё ошейник. Берём на руки и укладываем в машину. Операцию по спасению бездомных дворняжек можно считать успешной!

Тут же на объявление в Интернете отзывается мужчина, который хочет забрать себе одного щенка. Выезжаем на место встречи. На перекрёстке нас ждёт мужчина в форме. Когда Алексей Мосейчук видит щенят, строгое выражение лица солдата меняется на улыбку. Берёт

первого, кто под руку попадает и даже не перебирает.

— Люблю собак, они такие преданные, — говорит, как оказалось уже бывший военнослужащий.

— Эти уж точно, — смотрим на маму щенков. — Плюс к тому ещё и боевые.

Ирина беседует с новым хозяином друга человека, и мы выдвигаемся в приют. К вечеру нужно успеть устроить остальных малышей.

Дети прифронтовой зоны

В канун волшебного праздника Нового Года, мы отправились в одно из самых опасных мест города. В прифронтовой зоне на 15-м участке мы оказались благодаря компании волонтеров.

— Мы подарим подарки почти 40 детям, — сказал по телефонному разговору Анатолий Баешко, один из активистов.

Мы подумали: как в таком опасном месте, где вообще трудно найти взрослых, мы найдём столько малышей? Но как оказалось немного позже их там действительно много.

Фотограф, программист, дизайнер и даже неравнодушный житель Канады, который перебрался в Донецк, объединились ради одной цели. На свои зарплаты они купили подарки и предложили нам поздравить малышей, которые вынуждены жить в районе аэропорта.

— Конечно, согласны! — без раздумий откликнулись мы.

Отправляемся туда ближе к обеду. В это время обычно не стреляют. Да и детишки уже проснулись. Мы едем с таксистом, который хорошо знает местность. Владимир живёт здесь с детства. Как типичный водитель он завёл разговор. Живущего здесь человека мы слушаем охотно.

— Я и подумать не мог, что над моим родным гнёздышком будут кипеть такие страсти, — акцентирует он.

Своей интонацией Владимир как бы знакомит нас с руинами за окном.

— Нам сказали здесь остались семьи с детьми, правда?

— Таких семей осталось не мало. Вернулись, думали, что будет тихо — ошиблись. Ну и старики остались, они и не уезжали. Куда им ехать?

Мы присоединяемся к машине волонтеров и следуем за ними. Наша первая остановка по улице Башкирской. Это около километра от воздушной гавани Донецка.

— Я называю это «дорогой зоной», — говорит водитель, — тут опасно, а значит и дороже. Но вам я даже скидку сделаю ради благого дела.

Выходим. Под ногами хрустит снег. Настроение праздничное. Вот только ворота кругом посечены осколками. Впрочем, этому удивлять-

ся уже и не стоит. Всё так глухо... Двигаемся следом за Анатолием и его компанией.

Возле ворот нас встречает мужчина, по дороге в дом он рассказывает, что всю жизнь занимался строительством своего жилья.

— Перед началом войны довёл все до ума, вложил столько сил и средств, — говорит он, — успели пожить в новом доме всего один год, а тут война.

Заходим в гостиную. Там нас встречает маленький мальчик, он пугается большой компании людей и пытается убежать. Его останавливает папа.

— Чего ты? Тебе подарок принесли, — говорит ему отец и берёт сына на колени.

— Как тебя зовут? — спрашиваем мы малыша.

— Ростислав, — неуверенно произносит мальчик

— А сколько тебе лет, — продолжаем допрашивать Ростислава.

В ответ на этот вопрос ребёнок отвечает пальцами — показывает пять. Анатолий Баешко вручил малышу подарок. В коробочке от Деда Мороза лежат мандарины, бананы, печенья, конфеты, слойки и другие вкусняшки. Ростислав очень обрадовался.

— О чём мечтает ваша семья?

— Мы хотим мир и чтобы не страдали наши дети, — произносит с надеждой глава семейства.

Выходим из дома и во дворе замечаем собаку. Стены вольера, где живёт пёс, похожи на дуршлаг. От осколков живого места и не осталось. Игорь Игоревич рассказывает, что Декси, так зовут четвероногого, чувствовал начало обстрелов и прятался. Это и спасло ему жизнь.

— За несколько минут до того как начинали сыпаться снаряды, Декси забегал за дом, и там прятался, — вспоминает хозяин дома, — Если бы он не чувствовал опасности, то его бы разорвало в пух и прах.

Отправляемся дальше по адресам. Успеваем заехать ещё в несколько мест. А остальные подарки волонтеры развезут завтра, в последний день уходящего года. Анатолий рассказывает нам, как им пришлось во время подготовки.

— За считанные дни с большим трудом был сформирован список детей из прифронтового района, за ночь были приготовлены сладости, сформирован маршрут развозки и многое другое.

— Деньги — это только ваши зарплаты или кто-то ещё помог?

— Часть денег, на которые были закуплены подарки, прислал мой замечательный друг из Санкт-Петербурга. Да, питерцы не понаслышке знают и помнят, что такое война, холод, голод и блокада...

— Вас не однократно спрашивают, из какой вы организации...

— Да, Кто-то из родителей спросил, из какой мы организации? А нет никакой организации, но есть просто люди. Есть каждый из нас — ты, я, он, она. Для того чтобы делать добрые дела не обязательно быть волонтером, депутатом, политиком, общественным деятелем и т. д.

Действительно, не имеет значения кто из какой организации. Главное, что есть те, кому нужна помощь и есть те, кто им помогает. Жаль, что первых значительно больше. Но есть надежда, что после таких примеров люди обратят внимание на проблемы ближних.

Работал под обстрелами и писал стихи

Работа коммунальщиков не останавливалась даже в самый разгар боевых действий на Донбассе. Им приходилось, рискуя жизнью, прибирать дворы после обстрелов под продолжающиеся свисты и разрывы снарядов. А Александр в это время успевал ещё стихи складывать.

— Страшно было, хотелось убежать куда-то, было не до сочинений. Но строки сами лезли в голову: «Горели дома, горела земля. И мы бежали от огня. Не плачь родная, пройдет война. Построим мы снова свои дома», — знакомит нас со своим творчеством дворник-поэт.

Александр Плищенко неоднократно попадал под обстрелы. Ему чудом удавалось остаться в живых. Однажды он попал по огонь артиллерии ВСУ. Тогда его спасло везение.

— Было это в районе Путиловского рынка. Я только зашел за угол дома, и тут взрыв — стекла посыпались. Такое часто бывает, мы переживаем, а потом продолжаем работать, — рассказывает мужчина, — Прибрали около дома, и снова прилет, опять все засыпано. Нам к этому уже не привыкать.

Пылающие снаряды застали дворника и дома. Александр говорит, что и в этот раз ангелы оберегли его.

— Смотрел фильм на кухне. Тут в прихожей запиликал домашний телефон. Я вышел комнаты, и в это время возле дома легла мина. Даже на ноутбуке были стекла и осколки. А я здоров невредим.

Еще один случай в судьбе коммунащика не обошелся без мистики. Поэт вместе с женой ехал в маршрутке. По пути машина сломалась. У водителя на ремонт ушло пару минут, но это время сыграло большую роль. Подъезжая к остановке «Полиграфическая» на Киевском, супруги увидели на дороге труп и горящий автобус. Оказалось, только что сюда упало несколько снарядов.

— Я тогда подумал, что буквально мгновение может решить исход жизни, — размышляет Александр Плищенко. — После этого я до конца дня — не мог прийти в себя: не ел, не пил и не разговаривал.

Сейчас семья Плищенко перестали бояться разрывов бомб. Как и

большинство жителей Республики, они привыкли к этому и принимают стрельбу как за должное.

— Бывало, по ночам так лупили, что аж дом содрогался. Я быстро будил жену, и мы прятались в коридор, — вспоминает заботливый муж. — А потом адаптировались уже, и даже не вставали со своих мест: супруга спала, а я играл в планшет.

Александр приехал в Донецк из Абхазского города Ткварчели. В то время на его Родине шла война. Он и представить себе не мог, что в трудовом, промышленном городе тоже может разгореться конфликт. Дворник считает, что Россия будет до конца поддерживать ДНР и ЛНР как и его родное Государство.

— Тогда Ельцин осознал, что если Грузия отойдет от его страны, она по любому станет под кем-то. И там будут враждебные военные базы. Поэтому он поспособствовал урегулированию. Путин давно бы уже забрал Донбасс, но боится санкций, — высказывает свою точку зрения коммунальщик, — Но нас никто не бросит. Представляете, если сюда зайдут украинские войска? Это будет чистка. Я думаю, что нас будут эшелонами вывозить отсюда. А сюда пришлют людей со Львова, Ужгорода и других западных городов. Им же выгодно, чтобы на границе с Россией жили те, кто враждебно относится к этой стране.

На территории Украины у Александра живут родственники. Одна их половина поддерживает позицию Республик, другая наоборот гнобит.

— С братом из Киева давно не общались, этот человек поддерживает Донбасс. Он говорит: «Это не правильно, что вас обстреливают ВСУ». А наша с ним тетка из украинской столицы доказывает: «Это по вам ваши ополченцы стреляют». Я ответил ей, что живу возле Путиловки, рядом с аэропортом, и что мне лучше слышно откуда всё летит.

Мужчина устал доказывать повернутым на «майдане» родичам, что на самом деле происходит в Донецке. Но те на отрез не хотят слышать, то, что им пытаются донести.

— Как-то раз тётя заявила мне, что она рада за своего сына, что он идет в АТО защищать Донбасс. Я был в шоке, — жалуется поэт. — У меня сорвало крышу. Я говорю ей: «Ты его как хоронить будешь, по-человечески или как бабушку?» — её просто кремировали. А она как начала кричать. А её отпрыск вырвал трубку и орет как ненормальный: «Когда я приду на Донбасс, я тебя первого расстреляю!».

В ответ на это Александр пригласил своего собеседника в Донецк как гостя, чтобы сесть и послушать, кто стреляет по жилым домам: ВСУ или ополченцы?

— Может он понял бы, что хочет идти убивать мирных людей. Но

он перебил меня со словами: «К вам опасно ехать». Я спросил у него: «То есть идти сюда с оружием в руках, на гибель себя, подвергая — не страшно, а просто приехать никак?». И он бросил трубку. Потом через время выяснилось, что никто никуда не пошел, а сейчас его хотят упрятать в Россию от мобилизации.

Жительница Весёлого пасёт коров возле донецкой воздушной гавани

— Международный аэропорт им. Прокофьева временно приостанавливает обслуживание рейсов, — такая новость появилась 26 мая 2014 года.

С того дня прошло два года. Отправляемся в окрестности аэропорта. Жители тех мест, как никто другой должны помнить первый день войны.

Идем привычным маршрутом — по улице Стратонавтов. За время пока нас здесь не было, ничего не изменилось. Всё также стоят разбитые дома, а на обочинах дорог кучи мусора. В пространстве зависла тишина — даже птицы не поют. Становится жутковато, начинаем прислушиваться. И вдруг начинает доноситься какой-то вой. Приближаемся к тому месту. Это коммунальщики косят траву. Странно.

— Не страшно работать? До аэропорта с километр, — спрашиваем у рабочих.

— Мы за это время уже привыкли, — объясняет Александр, — Приходилось даже под обстрелами работать.

Заходим в поселок Веселое. Это в километре от разрушенного аэропорта. Совсем рядом находятся и украинские позиции. Начинаем спускаться вглубь. Около двора замечаем коров. Это хозяйство местной жительницы. Надежда Ивановна ни на день не покидала свой дом. Еще в самом начале войны она дала себе слово не бросать хозяйство. У пенсионерки было две коровы: Майя и Роза. Сейчас пополнение — на свет появились ещё два телёнка: Рыжик и Черный.

— Как началась война, я помню как вчерашний день. — рассказывает женщина, — Я как раз с Майей и Розой за травой пошла. Слышу шум! Летят вертолёты. Коровы сразу буйными стали и побежали домой. Я за ними бегом. А вертолет как давай стрелять, сука! Тогда я и подумать не могла, что началась война.

Это было два года назад — в понедельник 26 мая. На протяжении целого дня жители города наблюдали над Донецком самолёты и вертолеты. Соцсети пестрили видео и фото боевой техники, а перестрелку слышали даже в жилых районах. Частично были эвакуированы пассажиры железнодорожного вокзала, также закрылись крупные торговые центры. Въезд в Донецк и по городу ограничили, жителей попросили не покидать свои дома.

— Я 35 лет проработала в аэропорту. По стопам пошла и дочь, которая проработала там же 18 лет главным диспетчером, и внук. Работу потеряла вся семья. Сейчас спасают только коровы. Продам молоко, и хоть какую-то копеечку заработаю. Во время сильных обстрелов они почти не давали.

До чего же удивительны жители прифронтового Донецка. Несмотря на ежедневные обстрелы, они продолжают заниматься довоенными делами. Косят траву, там, где могут быть растяжки. «А чтобы чисто было», — говорят. Отстраивают в пятый раз разрушенные сараи. И даже хозяйство расширяют.

— Мы уже за два года привыкли ко всему, — признаётся женщина. — Это вначале бегали от этих бомб.

У одной из коров замечаем ранения. Первое на бедре, а другое в дойке. Даже молоко капает.

— В прошлом году мы попали под настоящий обстрел. Для нас он был первым. Я только коров в сарай завела, не успела даже двери закрыть. И снаряд взрывается, — вспоминает Надежда Ивановна. — Кругом разлетаются осколки. Меня не затронули, а вот в корову попали. В ногу и дойку. Столько крови было тогда. Я первым делом дойку перевязывать, молоко ручьём текло.

Осколки из животного женщина вытаскивала самостоятельно. Говорит, что другого выхода не было.

— Я только полезла, а она меня копытом так ударила, что я на полчаса сознание потеряла. Потом очнулась и вытащила из неё семь осколков. Молоко капает до сих пор.

Вдали слышим взрывы. Коровы на них внимания не обращают. Спокойно поедают накошенную траву. Надежда Ивановна, говорит, что они тоже стали привыкать к войне.

— А вот недели две назад ночь была ужасная. Обстрел невыносимый. Взрывается всё вокруг. Они как давай мычать. Собаки воют. Я всю ночь с ними пробыла.

Женщина рассказывает, что за всю войну в подвале почти не сидела.

— Перестали тогда, когда узнали, сколько людей в погребах погибло. Прямые попадания в дома и засыпает подвал. Представьте, какая это мучительная смерть.

Замечаем, что людей здесь стало заметно больше. Да и впрочем, они стали намного веселее. Как говорить: время лечит.

— Мы друг другу помогаем. Где что вынести или занести. Да что угодно — мы здесь один за всех и все за одного, — говорит Надежда Ивановна, — В общем, жизнь постепенно налаживается.

Никита Макаренко, Павел Ханарин

Донецкий «Хатико» живёт на крыше

Римма Николаевна сварила вкусный борщ к возвращению мужа с рыбалки

Илья Петров рыбачит в прифронтной зоне

Коровы тоже пострадали от обстрелов

Американский доброволец «Техас» всегда готов прийти на помощь пострадавшим

Ирина Волик позаботилась о брошенных щенках

Дворник и поэт Александр Плищенко

Екатерина Алексеевна Шалашкова

Вера Ивановна и вышивает в убежище

Подарки юным жителям прифронтовой зоны

Кровавое «завтра» пройдёт!

Мы — дети 21 века, века тишины и спокойной мирной жизни, свято чтим традиции нашего народа. В светлый, поистине великий праздник День Победы, мы с цветами стоим у памятников и, гордо улыбаясь победе наших прадедов, не скрываем слёз. Мы говорим, что не забудем... Мы говорим, что будем помнить... Мы обещаем, что пронесем этот великий день в наших детских сердцах через всю жизнь. Мы уважаем и гордимся, но понимаем ли? Знаем ли, насколько вошла в наши души и сердца Великая Отечественная война? Задела ли нас так же, как наших прабабушек и прадедушек?

Для нас это трудный вопрос, и мы до некоторых пор не могли дать на него ответа. До тех пор, пока война своею кровавою рукою не постучалась в наши двери. Как ни больно вспоминать об этом, все-таки иногда я уношусь на крыльях своей памяти в тот год, который выбил жизнь из привычной колеи, нагло и своевольно обрубил всё, что было раньше, на «до» и «после». Мы потеряли это теплое и приветливое «до», оставшись навсегда в мутном, безвыходном «после».

Моя война началась в конце 9 класса, когда мы просто жили и радовались этой яркой жизни. Да, уже звучали первые нотки опасности, она повисла в воздухе Киева и тихим врагом подкрадывалась к нам. Мы, дети, её не ощущали, думали, что всё закончится там, где и началось — в Киеве, не понимали и запретов родителей быть аккуратнее на улице. Как сейчас помню тот день, когда мы с одноклассниками после учёбы решили прогуляться у прудов. Тот день был слишком красив и не похож на другие. Общась, мы грели души теплом, солнце и небо слились в гармонии, рождая необычайно красивый закат, мы и не думали, что наша Горловка настолько прекрасна... Экзамены были на носу, но мы были готовы к ним, знали, что каждый обязательно сдаст, поэтому не думали о завтрашнем дне. «Завтра» прогремело душераздирающим скрежетом, дни, охваченные каким-то неведомым, нелепым ожиданием, беспокойством, понеслись всё быстрее и быстрее. Помнится, когда ребята сдавали последние экзамены, дома уже собрали сумки. Мы с бабушкой и сестрой должны были уехать из города, это было мамино решение, она боялась за нас, хотела знать, что мы будем целы и невредимы, пусть и не в своем городе. Мама осталась в Горловке, потом рассказывала нам об истребителях, повисших стремительной смертью над нашим городом, она видела, как этих «черных птиц» Украины сбили, очистили от них небо, как они падали поверженные.

Не зная, куда податься, мы двинули ближе к Азовскому морю – многие тогда, покидая свои города, уезжали именно туда. Автобус, набирая скорость, промчался мимо родных улиц. Чтобы забрать остальных пассажиров, остановились напротив здания Горловского ГОВД. Как только автобус затормозил, в небе появились самолеты (те, о которых впоследствии рассказывала мама), и именно в то здание, через дорогу от которого стоял наш автобус, истребитель выпустил ракету. Грохнуло слишком сильно, мы побежали прочь, а мимо автобуса в обратном направлении неслись кареты «скорой помощи». Это была моя первая встреча с войной.

Позже мы всё же уехали на юг. С мамой нас сближали только телефонные звонки, она рассказывала о том, том, что происходило в городе. Помню и тот день, когда я пошла на вечернюю пробежку и буквально через полчаса мне позвонили и посоветовали немедленно бежать домой. Лишь очутившись во дворе, я увидела с другой стороны улицы военные машины с украинскими военными (кажется это был батальон «Азов»), простреленные ими фонари у дороги, темноту улицы, из которой торчали дула автоматов, направленные в нашу сторону, в наши лица.

Всё лето мы сосуществовали рядом с теми, кто убивал наших земляков, кто безжалостно поливал нашу родную землю кровью её жителей. В Горловку мы вернулись лишь в начале учебного года.

Но война продолжалась и осенью, и зимой. Эти дни я помню безупречно, помню и хочу стереть их из памяти. Наш город постоянно терзали огненными трассами снарядов и ракет, свистящей смертью, летящей с неба. В квартире стоял холод, нужно было прятаться от обстрелов (мы жили на 7 этаже), приходилось выбегать в подъезд. Там же, сидя на небольших деревянных стульчиках, ждали тишины наши соседи. Обычно я не хотела уходить из квартиры, но, подчиняясь старшим, укрывшись тёплым пледом, выходила в подъезд. Каждую минуту раздавались взрывы, стёкла бились в судорожных конвульсиях, норовя вылететь из рам. Как же больно было осознавать, что мы сидим пусть и хлипком, но в укрытии, а кто-то в этот момент погибает...

Весь город корчился в муках адской боли перед теми, кто решил испытать на нас свое оружие, посмотреть как это - задавить, уничтожить. С экранов телевизоров звучали речи украинских политиков о том, что мы ЗДЕСЬ не народ, что мы не стоим жизни, что жить должны только они. Потянулась череда смертей, череда израненных домов: дом на близлежащей улице, соседний дом, больница возле нашего дома...наш дом...Люди не выдерживали и сходили с ума, гибли целыми семьями, теряли близких. Но, оказавшись над пропастью, продол-

жали сражаться, защищать ору свою землю. И мы выстояли, выдержали и победили в том первом неравном бою. Сколько слез стоило то, что было с нами, скольких сломанных судеб и жизней! Но мы живем, у нас есть будущее и мы это знаем.

Сейчас я учусь в лучшем учебном заведении Донбасса, разговариваю на русском языке. Моя семья стала больше. Война многое отняла у меня, но она же подарила мне родного человека, соединила наши судьбы. Мой любимый - один из добровольцев, приехавших защитить от агрессоров народ Донбасса, и по сей день воюющих с националистами. Я горжусь такими, как он. Горжусь нашим народом, выстоявшим в этой страшной битве добра и зла, света и тьмы. Мы многое вытерпели, но доказали, что никто и никогда Донбасс на колени не поставит. Мы уверены, что даже после самой затяжной грозы над нашими городами и селами непременно взойдет яркое солнце светлого будущего.

Валерия Л., студентка 1 курса

«Гостинцы» донецким детям от президента Украины

Донецкую горбольницу №23 обстреливали несколько раз

Не забуду чёрный день

Еще совсем недавно о войне нам было известно только из учебников. В школе учителя рассказывали о переломных моментах в истории нашего края, в кинотеатрах мы смотрели фильмы о Великой Отечественной войне, а дома бабушки и дедушки со слезами на глазах рассказывали, как выживали люди во время боевых действий. Все эти истории были жуткими и, безусловно, трогали сердце каждого. Но в то время никто из нас не воспринимал войну как реальную угрозу, никто до конца не осознавал, что же это такое на самом деле.

26 мая 2014 года война (антитеррористическая операция, как ее называют в Киеве) пришла на мою Родину — на Донбасс. В город Зугрэс, где я родилась и росла, она нагрянула позже. День, когда это произошло, невозможно стереть из памяти. Страх, переполнявший меня тогда, кажется, останется теперь навсегда.

13 августа — самый обычный летний день, последний месяц каникул. Мои земляки отдыхали и наслаждались жизнью: кто-то спасался от жары на речке, кто-то просто прогуливался по улицам города. Шел седьмой час вечера. Я тоже собиралась на улицу, как и всегда. Радостные крики детворы заглушили громкие звуки выстрелов. Но в начале это никого не испугало, ведь все думали, что стреляют, как обычно, где-то далеко за городом. Мы с отцом даже вышли на балкон, гадая, откуда и куда летят снаряды. Но продолжалось это недолго, так как очень скоро снаряды начали рваться в соседних дворах. Стекла на балконе задрожали от взрывной волны. В этот момент я, наверное, впервые испытала настоящий страх. И в большей мере даже не за свою жизнь, а за жизнь моей семьи и друзей. Мама в это время схватила моего младшего брата и побежала в ванную (единственное безопасное место в нашей квартире). Я же просто стояла в ступоре, не понимая, что происходит. Осознание того, что это настоящая война, пришло только тогда, когда вдруг наступила гробовая тишина.

Этот артиллерийский обстрел, конечно, нельзя сравнить с постоянными бомбардировками Горловки, Донецка, Докучаевска, но для нашего небольшого города это был сильнейший удар. На следующий день после обстрела стало известно о двадцати погибших, среди которых оказались и маленькие дети.

13 августа 2014 г. — страшная дата в истории моего города. Никто из зугрэссовцев никогда не забудет этот чёрный день. День, когда война унесла жизни простых и ни в чем невинных людей; день, когда мы

стали героями тех страшных историй, о которых рассказывали наши бабушки и дедушки.

Война меняет всех людей: кого-то в лучшую сторону, кого-то в худшую. Но прежним она не оставляет никого. Меня, как и, наверное, большинство людей, война научила жить и ценить каждый момент, уважать и прощать важных мне людей, а также быть человеком — настоящим человеком, который в критической ситуации всегда придет на помощь другим людям.

Война не может длиться вечно, рано или поздно она закончится, и тогда на Донбассе снова воцарится мир, но уже навсегда.

Елизавета Б., студентка 1 курса

Вставай, Донбасс!

Война, которая началась в нашем краю 2 мая 2014 года (день, когда украинская армия атаковала Славянск и случилась «Одесская хатынь») или даже 20 апреля 2014 года (кровавая Пасха, когда были убиты люди на славянском блокпосту) или даже 21 ноября 2013 (день «майдана» в Киеве) — отразилась на всех и никого не оставила прежними, такими, какими мы были до войны. Что касается всех этих дат, причин, предпосылок — все это будет однажды вынесено на суд грядущих историков. Мы же, современники всего происходящего, можем лишь отражать то, как мы действительно это видели.

В апреле 2014 года, скажу честно, мне еще не верилось, что будет война. Хотя я, как человек, который пишет стихи, еще 25 января 2014 года написала (тогда на украинском языке) слова: «Меч дамоклів війни братовбивчої над країною свище». Было ли это предчувствие грядущих событий? Я не знаю. И не мне об этом судить. Когда пролилась первая кровь (я говорю о смерти людей на блокпосту в Славянске), родилось это стихотворение:

В тот миг, когда воскрес Христос,
Когда молились все веряне.
Рекою крови, боли, слез
В Славянске истекли славяне...

Едины мы? Да вы, «братья»,
Значенье знаете единства?
Я от душевной простоты
Не поняла такого свинства,

Того безбожества, которым
Вы светлый праздник осквернили!
Меж братьями бывают ссоры,
Но вы, «братья», людей убили!

Вы застрелили безоружных!
Без всякого предупрежденья!
Слова все лживы и ненужны.
Кровь в день святого Воскресенья!

Речь о каком единстве может
Идти после такого акта?!
Все ваши хунтовские рожи
Презрел народ уже де-факто.

Нарушили вы договоры
И наплевали на заветы.
Не может быть переговоров
И копромиссов, и советов,

С теми, кто народ цепями
При демократии сковал!
С теми, кто быдлом и врагами
Народ великий называл!

С теми, кто отринул Бога,
Кто кровью оскверняет веру...
Не может быть одна дорога
У нас со стадом лицемеров!

И не «братья» у нас, а братья,
Которые не предадут,
И заключат в свои объятия!
У нас лишь с ними общий путь!

В Славянске умерли герои-
Часть украинского народа...
И ведь не только эти трое
Жизнь положили за свободу.

Русской весной народ окрестит
Великие эти события.
Только вперед и только вместе!
Мы не простим кровопролития.

Звезда единства засияет скоро.
Единства настоящего и весны.
Меж братьями бывают ссоры,
Но не должно меж ними быть войны.

Простите нас, «братья», но братья
Своих родных не убивают.
И больше не хотела знать я,
Как нас те «братья» называют.

Сепаратисты, террористы...
И это двадцать миллионов?!
Но утверждают журналисты,
Что мы - российские шпионы.

И оккупанты, и агрессоры-агенты,
И просто несвидомые глупцы...
Это вы, не мы, продали за центы
Родину, за которую деды и отцы

Кровь не жалея свою проливали!
Отдавали жизни без счета...
Чтобы вы жили, они умирали!
Хотите сказать еще что-то?!

Вы прокляли СССР и лидеров,
Что вас из ничего создали.
А вы не знаете, не видели,
Как они землю Украины поднимали...

В Славянске умерли славяне.
За возвращение домой,
Когда молились все веряне...
Донбасс, вставай! Вся сила за тобой!

Великая и истинная сила...
Юго-Восток весь встанет за наш дом.
России мы не братья. Мы-Россия!
Мы всегда были ею были. Мы живем.

Все подвиги, победы, боль России
Новороссия с нею разделяла.
В единстве сила, братья! Вместе сила!
Пора к корням вернуться вновь настала!

22 апреля 2014

Да. Стихотворение резкое и неполиткорректное. Но в нём правда. И от всего, написанного тогда, я не отказываюсь и сейчас. Я хочу быть писателем, творить и открывать людям новые миры. И моя война, моя история — это моё слово. Это моё единственное оружие. Но это оружие, которое порой оказывается сильнее танков, самолётов, артиллерии и автоматов, сильнее лжи, сильнее смерти. Слово — это то, что будут помнить. Поэтому в том, что моя война — это лишь война написанных слов, нет никакого стыда и ничего зазорного. Я хочу, чтобы люди помнили. Я — одна из тех, кто живет здесь и я вправе сказать: я осталась. Я не предала. Я верю в победу. Это моя война. И я — Донбасс!

JE SUIS DONBASS

Я всегда неравнодушна к горю,
Вблизи оно случилось иль вдали,
Но сегодня я себе позволю
Во всеуслышанье сказать: Я не Шарли!

Я не Шарли, когда бомбят мой город,
О перемирии фальшивом говоря.
Я не Шарли, когда в крови все тонут
С майской поры до середины января.

Я не Шарли, когда скорбит Европа,
Над теми лишь, кто люди по их мнению.
Я не Шарли, мой край врагом истоптан
За то лишь, что не стал он на колени.

Я не Шарли. Европа нас не слышит.
Лишь слышит то, что выгодно и важно.
Я не Шарли. Мой край надеждой дышит.
Я не Шарли, здесь это скажет каждый.

Я не Шарли. Я лишь Донецк, Одесса,
Луганск, Дружковка, Славянск, Краматорск,
Я Краснодар, Шахтерск, я Иловыйск, Торез я,
Я Рубежное, Краснормейск, я Грозный и Норд-ост.

Я не Шарли. Я дети из Беслана.
Я Домодедово, московское метро,
Я школьники из Пешевара в Пакистане.
Те, на кого вы наплевали все равно.

Я не Шарли! Я Дамаск, что пылает,
Я Йемен, я Ливия, я Сомали,
Я тот самолет, что летел над Синаем,
Я люди, что в Хомсе погибель нашли!

Я — не Шарли. Я — сирийцы и курды,
Я — школьники Кении, что террористами убиты!
Я — пилот и морпех, убитые турками,
Я — не Шарли. Не вам мои молитвы!

Я — не Шарли. Я солдаты из САА,
Я — гвардейцы, Пешмерга и Хезболла,
Я — Палестина, что всегда страдала,
Я — обернувшаяся пламенем весна...

Я — не Шарли. Я Иран с Ливаном.
Я — тринадцать лет страдающий Ирак!
Вы думаете, принесли вы горя мало?
Но это, уверяю вас, не так!

И вам, всем европейским лицемерам
Я лишь одно хочу сказать сейчас:
Не знаю я двойных стандартов с полумерой.
Я не Шарли. Je suis Donbass!

Валерия С., студентка ДонНУ

Руины, вокруг одни руины...

Сегодня была война...

*«Ах! Как нам хочется,
как всем нам хочется.
Не умереть, а именно уснуть».*
В. С. Высоцкий

Она шла по разрушенной улице, трепетно вытирая слёзы, будто боялась, что они больше никогда не появятся. Шла в старом порванном халате, а вокруг были совершенно разбитые дома. Седина пробивалась гораздо быстрее, чем когда-либо, а морщины на лице стали похожи на потресканный асфальт. Это была далеко не единственная женщина в городе, но с началом войны — практически одна. Хотя бы для самой себя. Её пышная фигура угнетала общество, а неуклюжая походка мешала жить. Тогда она не понимала, что такое вообще возможно. Тогда и началась война. Мгновенно. Тёплое утро августа однажды перечеркнуло несколько десятков тысяч жизней. Ясиноватая, город вблизи Донецка, погрузилась во мрак, а гул поездов, который каждое утро будил людей тонким паровозным стоном, вдруг замолк.

— Что происходит? — пыталась я выяснить у отца.

Он молчал. Только смотрел в серое небо и слушал звуки разрывающихся снарядов. Он не хотел говорить об этом, а тем более не хотел показывать, что чего-то боится. Но в его глазах я вдруг увидела непонимание и глубокое отчаяние, глаза постепенно наливались слезами и казалось, что он вот-вот заплачет.

— Война? — спросила вновь я.

— Да, дочь, страшная! — вдруг серьезно ответил папа.

Он ответил так, будто холодный пот в один миг выступил и в тот же момент спрятался, так, как будто весь мир почернел от злости и для добра не осталось и места. Его хотелось крепко обнять и сказать довольно-таки простые слова: «Всё будет хорошо, пап, это пройдет!». Ответ прозвучал незамедлительно, задолго до того, как мог прозвучать вопрос: «Нет. Это надолго! Нужно уходить».

Солнце садилось за горизонт, а грохот и нескончаемая канонада не давали мне уснуть. Захотелось на мгновение представить, что же дальше... Ночевать в подвале? Или жить в блиндаже, где вовсе нет окон, есть только бетонные плиты. Что теперь, ребятам на войну? Неужели так и должно быть? Вдруг один единственный громкий выстрел заставил испугаться и подарил дикое желание

«хотеть жить». Ту ночь, когда началась война, мы просидели в коридоре в обнимку. Нам казалось, что так будет легче. Из-за того, что дом 1928-го года казалось, что он может разрушиться даже от того, если снаряд упадёт в двух километрах. Однако все обошлось. Мама с папой изредка дрожали, но отнюдь не за себя, боялись за меня. Им вдруг показалось, что они даже не смогут увидеть внуков и больше никогда не признаются своему единственному ребенку в любви. Уснуть удалось лишь под утро.

Выйдя на улицу рано на рассвете, мне показалось, что прошло лет десять, а из города уехали все. Вокруг стоял смог и дикий запах гари. Казалось, что не видно даже ближайших домов. Однако спустя несколько секунд засияло солнце. Но только солнце было прекрасным в тот день. Пройдя несколько сотен метров, мы поняли, что рынка, на котором мы покупали продукты, больше нет. А ведь его только-только построили, и тогда казалось, что это лучшее, что может быть. Там было всё, представляете? А теперь, над рядами рынка было столько дыма, что в нем можно было исчезнуть раз и навсегда. Вокруг бродили испуганные люди, они не верили своим глазам, это было то ли фантастикой, то ли чем-то невыносимым. Криком кричали дети, а их глаза резко становились огромными. Молодые мамочки бежали, куда глаза глядят и им казалось, что такого быть не может. Война и вправду началась.

Изредка по улицам ездили украинские танки, а там, где проезжали, то не оставляли и живого места. Военные были похожи на настоящих фашистов, хоть я их и никогда не видела живыми, только в советских фильмах; а асфальт, который раньше радовал водителей автомобилей, стал моментально изуродован. Там правило зло.

— Что вы делаете? — спрашивали жители одного из домов, на который было направлено дуло танка.

— Приказ у нас, мамаша, здесь ни одно живого не останется, а если и останется, то траву жрать будете, — криком отвечали они, — сами виноваты.

Женщина покрылась мурашками. Её не пугало дуло танка, и даже тот факт, что она сейчас может быть убита, тоже ее не пугал. Страшно то, что такое может говорить существо, принятое называть себя человеком. Успев спуститься с четвертого на первый этаж, прогремел взрыв, от которого обваливалась крыша и стены, дом начал гореть. Гореть так, как может гореть только зло. Пламя было настолько сильным, что всего лишь полчаса и сгорел весь четвертый этаж.

— Вызовите хоть пожарных, ироды, — кричали разозленные люди.

— Нет! Пусть горит, — говорили им в ответ, — красиво.

Только резкий холодный дождь помог затушить пламя. Грохот постепенно прекратился и можно было пойти поесть. А эти «товарищи» с рёвом развернулись и уехали.

Мой город стих в один миг. Во второй раз, когда нужно было спуститься в подвал школы. Папа жуть как не хотел идти туда, а вот мама... Ей было невыносимо страшно. Казалось, что в мире больше нет ничего страшнее, чем война. Так и было. Нас, казалось бы, взрослых, перестали выпускать на улицу, хлеб подвозили прямо под дом и брали за него 12-18 грн., на едва восстановленном рынке бабушкам продавали картошку по 50 гривен за килограмм, а в округе люди покупали свечки, спички и все те товары, которые пропадут не скоро. Ведь всё то, что было в холодильнике, давно спустили в подвал, а то, что осталось, - давно пропало. Света не было уже две недели. Домой мы приходили просто подышать домашним воздухом, а на ночь отправлялись в сырой и холодный подвал. Да, у нас там были одеяла и подушки, там даже свет был, но там не было одного — жизни. Каждый из нас, бесспорно, любит жизнь. Такой, какая она есть. Принимает её, сражается, проходит испытания и, самое главное, постепенно учится выживать. Тогда мы именно выживали. Нам казалось, что кто-то за нас решил нашу судьбу. Даже хотелось сбежать. Да вот только не куда было. Сегодня война здесь, завтра там, кто его знает, где мы ее встретим.

Еще неделю спустя разбили дом моей бабушки. Благо, она успела спуститься в подвал. Да и пожить еще немного успела. Всего год. Когда люди во время войны умирают своей смертью, и страшно и не страшно одновременно. На кладбище нас привезли на машине. Бабушка была сзади. В руках были цветы. Гвоздики. Вокруг них — черная лента. Выйдя из машины, я почувствовала, что меня поглотил страх перед жизнью. Раскаленный от снарядов асфальт притягивал к себе, но именно от него я старалась быстрее оторвать ноги. Здесь жизнь и смерть встречаются лицом к лицу. Вдоль тропы сотни новых могил, десятки похороненных детей и миллионы искусственных цветов, которые то и дело сгорали на солнце. Шел все тот же август, но мне уже не казалось, что жизнь — это хорошо. Это испытание, которое только предстоит пройти, где только предстоит понять, что происходит на самом деле. Гроб был обтянут темно-фиолетовой атласной тканью, а гвозди в него забивали так, будто сил не было даже жить. Она хотела, чтобы на ее похоронах было много людей. Война помешала. Отработав в школе учителем французского языка, она заслужила. Может, некоторые даже сейчас не знают, что ее больше нет. Во взгляде родных

чувствовалась любовь к тому человеку, которого все хорошо знали, в движениях было заметно легкое дрожание, а звуки разрывающихся снарядов заставляли торопиться как никогда. Только вдумайтесь, нужно было торопиться похоронить человека... В лицо дул порывистый ветер, вдали были слышны отголоски войны и, наверное, там тоже умирали люди, а буквально в двух километрах — другая страна... Война продолжалась.

Заснув однажды, мне показалось, что война закончилась, в городе снова все счастливы и тополя все также растут, и транспорт работает, как три года назад. Изредка мне казалось, что над домом поднимается клуб дыма, вокруг толпы людей что-то непонятно бормотали, бегали, присев, будто чего-то боялись. Всё, что требовалось, это подуть в этот дым, и он исчезнет. Открыв глаза, я поняла, что это всего лишь сон. Тогда я поняла, сегодня была война... Сегодня. Понимаете? Не семьдесят лет назад, а СЕГОДНЯ.

*Мы вас встретим и пеших, и конных,
Утомленных, нецелых, — любых.
Только б не пустота похоронных
И предчувствие их.
В. С. Высоцкий*

Когда на войну начали уходить все, решила уйти и я. Только не на ту, где танки и «Грады». Молодых ребят забирали на фронт. Город стих, молодые парочки на неопределенное время перестали гулять по бульвару им. Ленина. Радовало тогда только то, что университет работал. И пусть, часть людей благополучно выехала в Винницу, возродить работу и учебу в стенах ДонНУ удалось. На факультет хотелось приходить, а потом, вдруг захотелось пойти работать. С той, украинской стороны, нас обзывали «сепаратистами» и «террористами», хвалились тем, что уехали и сдают экзамены и отказывались признавать то, что у нас и без них всё хорошо. Тогда, вновь посмотрев на фото ниже, я подумала, что в это время быть журналистом, самый подходящий момент. Стране надо помочь.

С момента, когда я устроилась на телеканал «Юнион» прошло почти три года. За этот промежуток времени те люди, которых раньше можно было смело назвать другом, испарились из моей жизни дивным образом. Они избавлялись от любых связей с теми, кто не бросил свой родной дом и не уехал вместе с ними. Они не верили, что у нас вообще может что-то получиться, им казалось, что здесь больше никогда

не будет жизни. Им хотелось сказать в след лишь одно: «Не хороните мой город раньше времени».

И знаете, что хотелось бы сказать, спасибо тем людям, которые не смотря ни на что остались и не бросили студентов в университете, спасибо тем, кто возродил театр и кино, приятно было смотреть на то, как они вновь открывались, будто в первый раз. Тогда я полюбила Донецкий музыкально-драматический театр. Спасибо преподавателям, которые всё же верят в нас и помогают во всём. Хотя нам иногда и кажется, что мы что-то делаем определенно не так, они вселяют в нас надежду. И если вы, мой дорогой преподаватель, читаете это, знайте, я, как и все ваши студенты, говорю «спасибо». Вы сильные и это делает сильными нас. Спасибо за внутренний стержень, который и помог сделать правильный выбор, а не сидеть как овощ и метаться со стороны в сторону.

Странно, но абсолютно ничто не выдавало в этом городе войны. Ни в Ясиноватой, ни в Донецке. На насыщенном голубом горизонте небосвода медленно плыли облака. Как ни в чём не бывало, играя, летали птицы. В донецких кафе девушки пили свой любимый кофе и ели любимое пирожное. Солнце сильно припекало, как когда-то давно. Так было и в любом другом городе нашей маленькой страны. Вот только с заходом солнца жители Ясиноватой слышали глухие и далеко расходящиеся вглубь города звуки, которые не давали забыть о том, что в этом городе всё ещё идёт война. До сих пор.

Алёна М., студентка 4 курса

Горькие слёзы матерей: ЗА ЧТО?

Первые минуты обстрела мирного города

Город выстоял!

В мой маленький город Снежное война пришла летом 2014 года. Я только окончила десятый класс, у меня и моих одноклассников были обычные планы на летние каникулы, войну не ждал никто. До этого поколение наших бабушек, наших родителей, наше поколение знали о войне только по рассказам прабабушек.

Этим страшным летом мы научились различать залпы и прилеты, виды оружия. Мы стали ненавидеть звуки самолетов и вертолетов, потому что знали: они несут смерть.

Трагическим для города стало утро 15 июля. На рассвете нас разбудил страшный гул самолета и последовавшие за ним взрывы. Мы поняли, что произошло страшное. Оказалось, это украинская авиация нанесла удар по центру города. Был разрушен жилой дом №14 по улице Ленина и здание налоговой службы, погибло одиннадцать человек, восемь — ранено. Завалы разбирали мужчины, в основном шахтеры, работники МЧС и ВГСЧ. Настоящим чудом было спасение маленького мальчика Богдана, которого достали из-под завалов с нетяжелыми травмами.

Всего лишь через день город потрясла новая трагедия. Опять в небе гул самолета, страшный грохот, скрежет. Позже мы узнали, что в районе села Грабово упал сбитый малазийский пассажирский авиалайнер, на борту которого находилось 283 пассажира и 15 членов экипажа, все они погибли.

В августе того же года украинская артиллерия продолжала наносить удары по городу в районе завода химического машиностроения, по улице Льва Толстого и Карапетяна. Были прилеты «точек У», снарядов реактивной системы залпового огня «Град», тяжёлых орудий, зениток, танков пушек, минометов.

Все лето и осень город слышал бои за близлежащие села и находящуюся недалеко стратегическую высоту — легендарный курган Саур Могила. Ночами небо с южной стороны города озарялось орудийными вспышками. Бои за Саур Могилу длились несколько месяцев, были потери как с одной так с другой стороны. Шквальным огнём артиллерии был полностью разрушен памятник — фигура солдата и стела.

Все лето на улицах города было мало людей. Кто-то уехал из города, а оставшиеся старались не выходить из дома и быть поближе к надежным подвалам и бомбоубежищам. Но многие мои земляки, рискуя своей жизнью, каждый день шли на работу, и не дали умереть городу

окончательно. У нас были хлеб, свет, вода, интернет, медицинская помощь. В Снежном работали больницы, хлебозавод, пекарни, шахты, заводы, коммунальные службы.

В октябре фронт отодвинулся от нашего города, жители пытались начать жить мирной жизнью. Потихоньку ожил рынок, затем магазины. В октябре дети пошли в школы. Мы еще слышали отдаленные залпы, еще было тревожно и страшно. Больше всего теперь пугала неизвестность. Но мы надеялись на лучшее, старались учиться, чтобы закончить школу, а затем поступить в ВУЗы. И это получилось! Пусть у нас был скромный выпускной, я и мои одноклассники поступили в институты и университеты. Мы с верой в лучшее идём по жизни и надеемся, что война больше не придёт в наши дома, мир вернётся в родной наш Донбасс.

Дарья Ш., студентка 2 курса

Ракета прилетела прямо в сад

За несколько минут центр Снежного превратился в руины

Бои на Саур-Могиле

Своё в подвалах мы уже отсидели!

Многие люди слышали высказывание президента Украины, Петра Порошенко, адресованное жителям Донбасса: «У нас работа будет — у них нет. У нас пенсии будут — у них нет. У нас поддержка людей — детей и пенсионеров — будет, у них нет. У нас дети пойдут в школы и детские сады, а у них будут сидеть по подвалам. Потому что они ничего не умеют делать! Вот так, именно так мы выиграем эту войну». Многие усмотрели в этом высказывании злость, жестокость, но мне кажется, что за этими словами кроется слабость, страх, страх безысходности, страх поражения. Понимая, что ему не сломить наш дух, наши убеждения, он идет на самые низменные поступки. Руками армии он стремится уничтожить инфраструктуру наших городов: котельные, водоочистительные сооружения, разрушает больницы, школы, детские сады, церкви и жилые дома, что бы жизнь людей на Донбассе стала невыносима.

Украинское правительство посягнуло на нашу величайшую ценность — на нашу историю. Навязать нам своих героев — националистов-фашистов, оскорбляя и унижая ветеранов Великой Отечественной войны — истинных героев. Но ни я, ни мои друзья не позволим никому осквернять честь наших прадедов, которые сражались за нашу свободу.

За что они нас так ненавидят? За что наказывают? За то, что мы не захотели забывать свои родовые корни, свою славную историю, предавать свои убеждения? За то, что двадцать три года народ Донбасса, его промышленность, сельское хозяйство, верой и правдой, трудились на благо Украины? К сожалению, в условиях тенденциозной жестокой пропаганды многие в Украине стали верить своим «вождям», сочиняющим сказки о каких-то призрачных террористах, русских оккупантах, не желая услышать голос и почувствовать боль юго-востока. Но мы верим — скоро эта пелена спадет с глаз, и народ узнает настоящую правду. Возвращаясь к высказыванию Порошенко, хотелось бы отметить, что эти слова должны стать стимулом для нас, что бы у наших стариков, инвалидов, ветеранов были пенсии, что бы у нас была работа, а наши дети, не боясь, ходили в школы и детские сады. И пусть, неуважаемы нами, Петр Алексеевич будет уверен, свое в подвалах мы уже отсидели! А за его преступления он рано или поздно обязательно ответит.

Александр Ф., студент 1 курса

«Спасибо», президент!

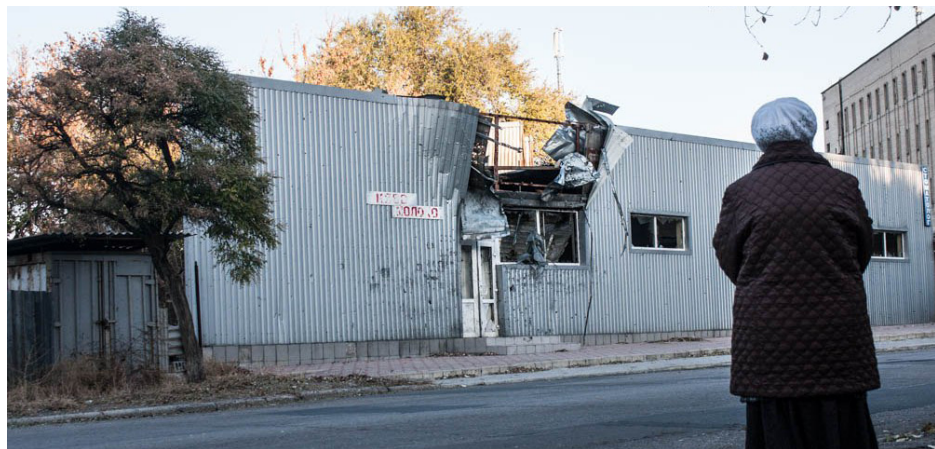
Президент Украины хочет загнать всех жителей непокоренного Донбасса в подвалы. Эти слова, Петра Порошенко шокировали не только нас, но и многих в мире. Вы думаете, что настоящий президент допустит, чтобы дети его страны спали в подвалах, а старики под бомбежками умирали от голода? А слова, что «вони нічого не вміють робити» привели всех, якобы бездарей Донбасса, в шок. Поэтому хочется спросить руководителя гибнущей страны: «А как же вы раньше жили, правители? Тепло вам было, когда наши отцы работали в три погибели в шахте? Наверное, все-таки тепло. А почему сейчас вы обстреливаете самую крупную шахту, которая кормила весь Донбасс и обогревала всю Украину?»

Увы, в Украине сейчас многим наплевать на Донбасс. Особенно правительству, которое, кроме денег и славы, больше ничего не видит и не признает. Все их слова — это фальшь. Именно такие люди, как Порошенко, Яценюк, Тимошенко, Турчинов и другие подобные пустословы разрушают доверие к людям.

Знаете, что бы сейчас я сделала? Я бы взяла семьи нашего правительства и затащила бы в подвал дней на 10. Дала бы им воды и сухарь. И пусть живут, как хотят. Мы же как-то так прожили.

Нас война закалила. Мы стали намного сильнее. И только за одно могу сказать «спасибо» президенту — за то, что снял с нас розовые очки и показал людям свое истинное лицо.

Лилия Н., студентка 1 курса

«Победа у нас в голове!»

Кто мог подумать, что когда-то единый народ разделится мнениями и люди станут убивать друг друга. Брат идёт на брата с оружием, дети отказываются от родителей, а родители проклинают детей только из-за того, что их политические взгляды не совпадают. Люди забыли, что такое любовь и доброта, щедрость и милосердие. Страшно подумать, сколько погибло невинных людей, сколько остались без крыши над головой, а многие вынуждены голодать.

Никто не мог представить, что в XXI веке мы вспомним, что такое война и на собственных жизнях прочувствуем всю ее горечь. Никто не мог представить, что люди месяцами будут сидеть в подвалах, жить без света и воды, бояться выйти на улицу, в ожидании, что где-то рядом может разорваться снаряд. Разве что-то может стоить человеческих жизней?

В связи с тем, что некоторые города Донецкой области оккупированы войсками Украины, многие не могут попасть к себе домой, повидаться с родными. Теперь между ними блокпосты и километры опасной дороги. Почему люди должны страдать? Почему дети должны сидеть в подвалах, а не ходить в садики, школы, как им положено? Почему у людей отнимаю право на жизнь, а у детей — счастливое детство? Сколько эта война еще будет продолжаться? Сколько будет еще потерь? Никто не знает ответы на эти вопросы. Самое главное, что сейчас есть у людей, это Вера и Надежда. Не хочется желать никому зла, но мы верим, каждый получит сполна за свои деяния, кем бы он ни был.

Мария Д., студентка 1 курса

Глазами очевидца

Так случилось, что начало моей учебы в университете совпало с ужасающими обстрелами Донецка украинской армией, гибелью и увечьями моих земляков и страшными разрушениями некогда цветущего города. И еще раньше, чем мы сели за студенческую скамью вместе с такими же начинающими журналистами мне пришлось побывать во многих его горячих точках, чтобы увидеть все это и рассказать правду людям о необъявленной войне в Донбассе, которую развязало правительство Украины. Эти заметки написаны в 2014—2015 гг. после многочисленных поездок и встреч с людьми нашего непокоренного края.

В прицеле — больница

Сегодня мне и корреспондентам интернет-издания «Правда ДНР» довелось побывать на месте обстрела микрорайона Азотный. Посетили мы и 23 городскую клиническую больницу. 18 июня в 9 вечера украинские артиллеристы накрыли плотным огнем этот микрорайон: жилые дома, рынок, улицы, но особенно пострадала больница. В здание и на территорию упало шесть снарядов, три из них туда, где в это время находились больные. Увидев разрушения, я была шокирована. А что же испытали люди, которые были в этот день в больнице? Что они пережили? По словам медсестер, был жесточайший страх, некоторые из них даже поседели. Ответственность была огромной, ведь нужно было думать не только о спасении своих жизней, но и о жизнях больных. Медицинский персонал, когда начался обстрел стали спускать больных, многие из которых были лежачими, в подвал. Им на помощь пришли неравнодушные жители поселка, общими усилиями всех, до единого удалось эвакуировать, никто не пострадал. После этого вызвали «скорую» и МЧС. Больше всех досталось кардиологии. Жуткое зрелище мы увидели в отделении: разбитые стёкла, оборваны шторы, разрушена крыша, потолки осыпаются, осколками посечены стены. Но несмотря на продолжающийся обстрел города в больнице уже ведутся восстановительные работы и она по-прежнему функционирует. И я до сих пор не понимаю, зачем все это? Что плохого вам, украинские вояки, сделали пожилые, больные и дети? Неужели нельзя оставить нас в покое и перестать бомбить наш край и наших людей?

Надежда умирает последней

Вы помните время, когда с Донецкого железнодорожного вокзала ещё отправлялись поезда? Когда стоишь на перроне, слушаешь

гудки локомотивов, а вдали виднеются крыши домов маленького зелёного посёлка? Именно здесь, в поселке Октябрьский побывала сегодня съёмочная группа.

Какими словами можно описать это место? Думаю, самая подходящая фраза — зона отчуждения. Это место, где не ты контролируешь ситуацию, а ситуация контролирует тебя. Ты идёшь с мыслью о том, что с минуты на минуту может произойти что угодно, даже самое непоправимое, но всё равно не останавливаешься. Просто не можешь остановиться. Это затягивает. Затягивает дальше и дальше в глубину. На улицах — ни души. Выглядит довольно пугающе. Если вам посчастливится встретить хоть одного человека, то вероятность того, что данная персона окажется трезвой — очень мала. Объективно винить этих людей не в чем. Попробуй проживи хоть один день так, как они. Когда буквально над головой проносятся снаряды с интервалом в несколько минут и когда не можешь угадать, куда приземлится очередная мина: на соседнюю улицу или на твою.

По разбитой дороге туда-сюда катался автобус. Среди его пассажиров мы заметили одинокую старушку, которая не отводила поникший взгляд из одной точки. Возле остановки сидела собака. А дальше снова никого, только пустые разбитые улицы, на которых ни души. Пройдя частный сектор, мы свернули во двор с высотками. Всего пять 5 домов, в них, как минимум, 200 квартир. Но ни одна не подавала признаков жизни! Они были пугающе пусты. В некоторых заколочены окна, а некоторые просто уже не нуждались в подобных мерах. При виде такого жуткого зрелища меня потянуло на крышу девятиэтажки. На ту самую крышу, которая недавно пострадала от очередного артобстрела. Когда мы поднимались по лестнице, взгляд невзначай упал на подоконник. Под затянутым плёнкой окном лежала маленькая книжка. Подойдя ближе, я рассмотрела надпись: «Евангелие». Сейчас даже не вспомню, что в тот момент происходило в моей голове, но когда пред глазами всплывает эта картина, она вводит меня в ступор. Вроде бы ничего такого, а внутри начинается процесс сжатия души.

Как говорят, надежда умирает последней. И слово «умирает» в нашем случае является ключевым. Те кто находится в этой зоне, так или иначе обречены. Как бы жестоко это не звучало. Если не на смерть, то на большие потери. Но даже понимая всю трагичность ситуации, люди остаются там. Что же это? Принцип? Безысходность?

Думаю второй вариант.

Да что скрывать, конечно второй. Каким бы принципиальным не являлся человек, он ни за что не станет ждать, пока его накроют «градом» и он таки благополучно скончается за свою идею. Прискорбно всё это

на самом деле. А самое прискорбное, пожалуй, то, что жителей этого посёлка, уже записали в «мёртвые души». В понимании многих, Октябрьский — мёртв давно и безвозвратно. Его вычеркнули вместе с людьми, забыв о них раньше, чем можно было забывать. Из них сделали призраков. Из живых сделали мёртвых. Нет, это не преувеличение. Это то, что увидели мои глаза.

«Мы обязательно победим!»

Воины бригады армии ДНР «Восток» оказались очень открытыми, позитивными ребятами, приняли нас радушно. За чашкой кофе они рассказали о жизни на передовой:

— Живём по-спартански, не скучаем. Постоянно ловим «Минские соглашения» в качестве 82- и 152-миллиметровых снарядов. Слушаем «концерты по заявкам» каждую ночь. Но кто-то ведь должен, обязан Родину защищать.

— А чего вам не хватает? — наивно спросила я. Ответ одного из бойцов прозвучал цитатой из песни:

— Нам нужен свет в оконце, и чтоб кончилась война. Уж очень хочется побыстрее вернуться к мирной жизни, к своим семьям. Мы надеемся, что скоро всё будет хорошо.

Уж чего-чего, а оптимизма востоковцам не занимать. Смеются, шутят. Атмосфера очень тёплая. Я бы сказала домашняя, правда, периодически ее нарушают разрывы снарядов. Однако воины с улыбкой говорят, что такое «звуковое сопровождение» — неотъемлемая её часть.

Основное развлечение ребят — домашние любимцы. Среди них и кот по кличке «Птур». Это животное находилось в аэропорту во время боевых действий и теперь является своеобразным талисманом бригады. В завершение встречи, парни пожелали нам удачи, а жителям республики попросили передать следующие слова:

— Будьте сильнее и терпеливее! Когда-то это всё закончится. Дай Бог, чтобы поскорее. Верьте в лучшее, и мы обязательно победим, ведь наше дело правое, ничто не сможет нас сломать!

Узники бомбоубежищ

Сегодня наша съёмочная группа побывала в многострадальном Петровском районе Донецка. По дороге туда мы были весьма пассивны и безразличны к тому, что видели вокруг себя, но стоило нам заглянуть в одно место, как все это развеялось в пух и прах. Это место, где живёт последняя человеческая надежда. Бомбоубежище.

И сразу вспомнилась поездка с бойцами «Ангел» в Горловский посёлок 6.7. Оттуда 300 метров до украинских позиций. Населенный пункт

этот мягко говоря, в плачевном состоянии. Условия для проживания там — более, чем кошмарные. Люди остались без воды, тепла и света. Около трех десятков жителей посёлка целый год провели в бомбоубежище местной школы. В летний период, нахождение там было еще относительно терпимым, но сейчас все снова с ужасом ждут наступления холодов, ведь у большинства нет даже теплой одежды.

Когда мы видим подобное по телевизору, то думаем: «бедные люди, как же плохо наверно, им там. Ну а что поделать? Ведь я ничем не могу помочь. Переживут.» Но когда ты сам попадаешь туда и видишь всё своими глазами, тебя просто захлестывают эмоции и посещают абсолютно иные мысли. Очень трудно представить себе даже пару часов, проведённых там. А теперь представьте, как в бомбоубежищах живут в спартанских условиях и по два, и по три месяца и даже по полгода.

Сказать, что эти люди нуждаются в помощи — значит не сказать ничего. Поэтому не оставайтесь равнодушными. Никогда. Если есть шанс что-то изменить — мы обязаны использовать его максимально. Если есть возможность помочь — мы обязаны помогать. Не ищите поводов для этого, ищите способы. Ведь пока вы валяетесь на мягком диване и смотрите телевизор, где-то в сыром подвале находится человек, который мечтает о теплом одеяле и буханке хлеба. Тут уж даже без преувеличений. И если вы до сих пор думаете что беда обходит стороной исключительно ваш дом и война коснется кого угодно, но только не вас, то, пожалуй, это одно из самых глубоких заблуждений за всю вашу жизнь. Теперь представь, что завтра помощь понадобится именно тебе. Так вот, с таким раскладом, подумай, поможет ли тебе кто-то...

А ведь это люди с невероятной силой духа, связанные одним горем, одними мыслями и одной целью — выжить, вопреки и на зло всему, что старается их сломить. Причиной этому, на мой взгляд, служат три фактора: безысходность, злость и верность своей земле. Пожалуй, они и будут ответом на вопрос: почему Донбасс до сих пор не покорён, и никогда покорён не будет.

Дарите людям тепло!

Прошедший день отложился в памяти как один из самых содержательных дней за всю истекшую неделю. Вчера по некоему стечению обстоятельств мы с коллегой побывали в военном госпитале. Давно хотела туда попасть, но всё никак не представлялось возможности. За то сейчас я наконец смогу поделиться небольшой долей впечатлений.

Атмосфера там показалась довольно странной. Необычной, я бы сказала. Необычная, как минимум, потому, что по всем этажам стены увешанные детскими рисунками.

На вопрос «для чего?» нам ответил один из лечащихся их воинов, который как раз клеил очередную такую картинку на дверь своей палаты:

— Возможно, вам по кажется мелочью, а для нас это очень важно. Ведь не всех приходят навестить родственники или знакомые. Многие находятся далеко от своих семей. А ведь каждому человеку хочется элементарного внимания, заботы, знать, что о тебе помнят, знать, что ты кому-то нужен. Бывает идёшь такой угрюмый по коридору, злой на весь мир, а потом вдруг глянешь на эти картинки и они тебе душу греют». После этих слов, парень мягко улыбнулся и прилепив к бумаге последний кусок скотча, зашёл в палату...

Пожалуй, основное, что я осознала за несколько часов проведенных там — это то, что никогда нельзя забывать тех, кто жертвует собой ради других.

Не бойтесь быть благодарным за то доброе что для вас делают. Не поленитесь сказать «спасибо» проходящему мимо солдату, и эти слова станут для него дороже объятий.

Подарите немного тепла тем, кому это нужно. Тем, кто потерял своё, защищая чужое.

Когда нам страшно, мы нуждаемся в них. Когда мы в безопасности, они нуждаются в нас.

Спасибо за «перемирие»!

0:49. Хорошая ночь сегодня. Даже очень. Спокойно так. Тихо. Аж странно. Из открытого окна с шумом ветра в голову летят разные мысли, всплывают какие-то яркие моменты, воспоминания. Так в памяти неожиданно всплыли события недельной давности, так или иначе оставили свой неизгладимый отпечаток внутри меня. В прошлый четверг, 4 числа, на ходу схватив камеры и «броню», наш «отряд октябрят» (так называли в редакции молодых журналистов) помчался в Киевский район. Поступило сообщение, в несколько жилых домов, прилетела очередная партия снарядов. Собственно, ничего удивительного. Перемирие же.

По пути туда мы продумывали, с какого бы ракурса лучше снять, как бы повыше залезть и в общем-то пребывали в приподнятом настроении. Но, когда прибыли к месту обстрела, нам стало немного не по себе. Кучка военкоров шла по улице в полной экипировки, а мимо нас проходили люди, местные жители — все своей обычной одежде.

А ведь ситуация одна и та же — что у нас, что у них. «Пламенный привет-то» может прилететь в любую минуту.

И, в какой-то момент мне стало как-то стыдно.

Долго не думая, мы решили забраться на крышу. В детстве мне всегда было интересно посмотреть, как выглядят квартиры сверху, (с потолка). В тот день мой интерес исчез, после того, как я заглянула в огромную пробоину, в квартире на 9 этаже. Зайдя мы увидели, что помещение превратилось в кучу мусора и рухляди: разрушено было всё до мельчайших деталей, по периметру свисали обломки бетона, а на полу валялись потрёпанные и пыльные игрушки. Снаряд попал в детскую... Потрясенные увиденным мы молча снимали.

Спуститься вниз мы решили через соседний подъезд, который выходил в противоположный двор.

Чем больше приближались к выходу, тем сильнее росло напряжение. Шум с улицы давил на уши, с каждой ступенькой децибелы увеличивались. Через минуту мы были внизу и, едва шагнув через дверь, попали в самый центр эмоциональной бомбы. Во дворе шумела толпа, человек двадцать. Каждый пребывал в одном из последующих трёх состояний: паника, истерика, ярость.

Крики раздавались со всех сторон: возле машины (точнее, возле того, что от неё осталось) суетились мужчины, покрывая округу отборным сленгом сапожника; вытаскивая вещи из-под обломков, во всё горло причитала девушка; на разломанной лавке безучастно сидели двое стариков, бросая взгляд на побитые окна; сидя за огромным куском шифера рыдал ребёнок. Вся эта картина вызывала ужас. Но ключевым моментом происходящего стали слова женщины, которая вскинув руки к небу, просто захлёбывалась слезами, но увидев надпись «пресса», с криком бросилась в нашу сторону. Она бежала к нам навстречу с диким воплем. Казалось, ещё немного и звуковая волна снесёт нас, словно ураган. «Пусть все увидят! — кричала она. — Пусть услышат нас наконец! Мы не хотим воевать, мы хотим жить!

Пусть они прочувствуют на себе то, что каждый день чувствуем мы! Пусть в их домах разрываются снаряды! Пусть они увидят, как на их глазах будут умирать их дети! Да будь они прокляты! «

Назад мы ехали молча. Взгляд каждого устремился в одну точку, из головы испарился весь словарный запас, а на языке вертелась одна единственная фраза: Спасибо за «перемирие».

Доброе время суток

Последний месяц выдался далеко не из лёгких. За это время очень многое пришлось переосмыслить и понять.

Вот уже несколько недель я катаюсь по разным городам Новоросси. И в каждом замечаю подтверждение одному старому выраже-

нию: всё, что не убивает, делает нас сильнее. Во всяком случае горькая практика показывает именно так.

Вспомните, какие тяжкие потери пришлось понести Шахтёрску, Горловке, Дебальцево, остальным населённым пунктам. Сколько страха довелось пережить людям, находившимся там. Казалось бы, там полнейшая безнадёга, но вы тысячу раз не правы если так думаете. Там живут просто потрясающие люди! Люди с невероятной внутренней силой, которые живут скорее не «благодаря», а «вопреки». Вопреки всему, что их ломает, пугает и в конце концов подвергает смерти. В камуфляжной форме, с голубыми шевронами на груди. Батальон «Ангел». Эти ребята спасают тысячи жизней, рискуя собственными. Эвакуируют людей под обстрелами, кормят голодных, не спят по ночам и радуются словам благодарности от улыбчивых детишек. У каждого из «ангелов» своя судьба, свои причины и свой путь, который привёл их к одной общей цели. Глядя на них, меня всё чаще посещает мысль: как много делает кто-то и как мало делаю я.

Собственно, отчасти я фаталист. Всегда придерживаюсь мнения о неизбежности каких-либо событий, поэтому, вполне спокойно отношусь к смерти и не боюсь нестандартных ситуаций моей профессии. На выезд как на праздник. Не зря же говорят: живы будем не помрём. Правда, звучит это иронично. Товарищи по работе любят посмеяться, мол «отмечаем следующий день рождения в гробу». С одной стороны горькая шутка, а с другой — доля вероятности. Никто не застрахован. Никто не вечен. И моё субъективное мнение состоит в том, что если есть шанс что-то изменить — мы обязаны использовать его максимально. Обязаны стать ангелом для кого-то, кто нуждается в нас. Пока есть время и пока не поздно. Не ищите поводов для помощи, ищите способы помочь.

А если вдруг появляются сомнения в «напрасности» ваших действий, отодвиньте их в сторону, ибо правое дело не может быть напрасным. И на вопрос «Откуда такая уверенность?», я могу сказать только одно: Уверенности у нас нет. У нас есть вера. А это порой сильнее любых обстоятельств.

Снова будет Парад Победы!

Это мой самый любимый день в году. День, который значит для меня больше, чем любой другой праздник. День Победы. Я не знаю, отчего он вызывает у меня столько чувств, которые просто переполняют душу. Почему-то это настолько важно для меня, что иногда кажется, будто события тех четырёх страшных военных лет я пережила так же, как и те, кого мы сейчас с гордостью называем ветеранами.

Некоторые люди живут «от пятницы до пятницы», а я недавно поняла, что живу от 9 мая до 9 мая. Целый год я жду одного раннего утра, когда проснусь от громкого звонка будильника, прицеплю к рубашке чёрно-оранжевую ленту и, схватив на ходу яблоко, побегу, чтоб не опоздать на парад. Собственно, именно так начался мой вчерашний день.

И вот наконец-то наступает тот момент, когда ты уже стоишь среди толпы на главной площади в предвкушении чего-то грандиозного. Ветер развеивает яркие флаги, а по ароматным веткам сирени стекают дождевики. Вокруг шум, люди суетятся, стараются протиснуться вперёд, сажая детей на плечи, но вдруг галдёж прерывается резким гудком. После этого, секунды быстро полетели вперёд, а события начали развиваться с невероятной скоростью. Тысячи людей затаили дыхание, когда по улице пошёл первый строй, а потом в один миг в воздух полетели фуражки и площадь просто взорвалась криками «ура!». В эту минуту я увидела всё: и сияющие от счастья лица, и горящие детские глаза, и реки слёз радости, которые не мог спрятать даже дождь. Мне казалось, что я утону потоке эмоций, рвущихся со всех сторон. Это чувство невозможно выразить словами. Хотелось смеяться и в то же время рыдать, кричать и не говорить ни слова.

Невозможно передать то, от чего сердце готово выпрыгнуть из груди. Невозможно передать, когда ты видишь, как мальчик лет восьми, держась георгиевскую за ленточку на груди, одёргивает себя, чтоб не заплакать; невозможно передать, когда, подходя к седовласому ветерану, парень в камуфляже говорит: « Прости нас, отец, мы будем стоять до конца! Знайте, что вы воевали не зря!.» ; невозможно передать, когда по тебе табуном несутся мурашки от того, как вся площадь скандирует « Спасибо!». Люди бегут к фронтовикам с огромными охапками цветов, целуют им руки. И внутри тебя рождается странное чувство, которое растёт с каждым мгновением, и когда оно достигает кульминации, ты понимаешь, что гордишься. Гордишься каждым человеком, который находится здесь, на площади Ленина, гордишься, что ты среди этих людей, гордишься тем, что ты родился именно на этой земле и никакой другой тебе не надо.

Пусть нас пытаются сломать, покорить, уничтожить в конце концов, но мы будем стоять ровно и непоколебимо. Потому, что в очередной раз убеждаемся: мы боремся не напрасно.

Смотрела на все это, и на всё это, ко мне в голову влетела мысль об одной огромной разнице. О разнице между нами прошлыми и нами нынешними. Мы очень изменились. И, бесспорно, в лучшую сторону. Мы стали больше ценить время, стали больше ценить друг друга. Мы словно очнулись. Очнулись ото сна, который длился немало лет, и который

всеми силами пытались сохранить те, для кого ценностями являются только тонкие зелёные бумажки. Те, кто меняет георгиевские ленты на красные маки. Те, кто меняет настоящих героев на «героев» УПА. Они тянутся к Европе, пытаясь как можно дальше отдалиться от всего, что связано с русским народом. Но, видимо, они забыли, благодаря кому сейчас живёт эта самая Европа. Благодаря кому под мирным небом живут они сами, и кому мирное небо застилают дымом от снарядов.

Переводя мысли в это русло, невольно вспомнила фразу великого Александра Невского: «Кто на нашу землю с мечом придёт, тот от меча и погибнет. На том стояла и стоит русская земля!». И знаете, думаю, в этом никто не смеет усомниться. Потому, что русские — это те, чей дух сильнее самой смерти. Потому-то мы и победили тогда, в 45-м. И поэтому мы победим снова. С каким бы страшным врагом не пришлось воевать.

Нет, мы не боимся умереть. Ведь лучше погибнуть в бою, чем допустить, чтоб твою землю топтали. И тогда снова будет парад победы. Наш парад.

Ксения Р., студентка 2 курса

Прифронтовая зона или жизнь на линии огня

19 лет своей жизни я провела в этом чудном городке. Поселок городского типа Александровка. Небольшой, без современных высоток и торговых центров. Но есть в нем то, что всегда очаровывало приезжих, хоть туристы нас редко посещали. Колоритность и самобытность человеческой души, хозяйственность и добропорядочность местных жителей — уникальным образом влияли на общую атмосферу. Но все изменилось в один миг. Теперь об этом поселке изредка говорят в военных сводках. Даже несмотря на то, что обстрелы и бессонные ночи в подвале — это обычное дело для местных жителей. Сейчас, никто не приезжает к нам в гости. Что уж там говорить, из местных мало кто остался.

Поселок городского типа Александровка — находится между Петровским районом Донецка и Марьинкой. С июля 2014 года люди в этой прифронтовой зоне живут в опасности. А западная часть поселка и вовсе стала плацдармом для военных действий.

11 июля был обычный день. Да, безусловно присутствовала всеобщая тревога, в связи с беспорядками в центре города, оккупацией донецкого аэропорта. Подвешенное состояние и только слухи: «Скоро с Марьинки будут наступать» ходили с одного двора в другой. Поводом послужила эвакуация украинскими военными и волонтерами учащих из марьинского детдома в Ивано-Франковск.

Ближе к вечеру сбылись все самые ужасные ожидания. Примерно в 10 часов полетели снаряды градов... Всеобщая паника и страх охватила всю семью. Как бы мы не обсуждали наступление и обстрелы врагов, к настолько масштабному разгрому мы были не готовы. В итоге, когда наступила тишина, а вся семья уже кочевала в подвал, отец сказал: «Это был «град», помню его с Афгана. Страшная штука».

Подобный обстрел повторился в 4 утра и в 7 часов, уже 12 июля.

И вот с тех пор, с того судьбоносного залпа началась наша война. Под Марьинкой и Александровкой продолжаются боестолкновения уже два с половиной года.

Украинские военные продолжают провоцировать воинские подразделения армии ДНР, этим же способом украинская армия прикрывает перегруппировку своих сил на подступах к Донецку.

Но жизнь здесь все равно продолжается. Стойкие и несокрушимые жители прифронтовой зоны не теряют веру в мирное будущее.

К примеру, Александр Панченко (фам. изм), он с 2014 года прятался в своем погребе. Именно на стуле, который он иронично назвал своим тронem, мужчина переждал артиллерийские удары ВСУ.

Во время очередного обстрела Александр спрятался на кухне. К несчастью снаряд попал именно в ту часть здания, где находился мужчина. В результате обрушенный потолок. Но сам хозяин кухни чудом остался жив. Местные жители, все как один, говорят, что он родился в рубашке. И таких как Саша в нашей Александровке много. Подвал, или погреб, как, в основном, у нас называют, стал вторым домом для каждого жителя прифронтного поселка. Сырые и темные тайники пришлось перепланировать и обжиться, как полагается в настоящей избе.

Настоящей трагедией для жителей поселка Александровка стали снайперы. Они базируются в Марьинском совхозе и регулярно открывают огонь по мирным жителям посёлка. Летом 2016 года таким образом погибли две женщины.

Но помимо снайперских винтовок, противник уже больше двух лет применяет различные гранатомёты и миномёты различного калибра. Военнослужащие армии ДНР отмечают, что большая часть ударов приходится не по боевым позициям, а именно по жилым домам мирных граждан.

За всё время боевых действий в Александровке пострадало около 500-от жилых домов. Это приблизительно треть всего жилого фонда посёлка. Около 20 из них полностью уничтожены и не подлежат восстановлению. Тем не менее, люди продолжают возвращаться в свои дома. На данный момент в Александровке живёт около 3000 человек, в то время как в 2014 году их оставалось не более 2000.

Вспомнить местным жителям есть что. И Ураганы и Грады. Было всякое. Увы, это не природные явления... А то, что уносит человеческие жизни. 25 человек, 25 мирных александровцев погибли за время военного конфликта. И по словам главы администрации поселка Константина Чалого, это не считая людей, которые умерли собственной смертью. Но как говорится, им уйти также поспособствовали. Это смертельные случаи от сердечных приступов, инсультов, которые являются последствием двух лет жизни под огнем.

Но несмотря на постоянные обстрелы, посёлок Александровка продолжает жить. В населённом пункте ведутся восстановительные работы, функционирует школа, а на улицах гуляют дети. В мир уже верится слабо. Разочарование переполняет души каждого. Жители, чей поселок, находится по соседству со столицей Республики, никому не желают зла, но контраст, мирной жизни и вечной войны не внушает веру в скорое прекращение огня.

Алина М., студентка 4 курса

Город казался вымершим...

Мы подъезжали к городу. Ехали медленно. Дорога была в ямах и выбоинах, на обочине мы видели гусеницы танков, сожжённые машины. Наше внимание привлёк старичок, который шел по дороге и вел велосипед. Кто-то из наших крикнул: «Стой, давай его подберём». Водитель нажал на педаль, дверь открылась...

Спустя минуту дедушка уже весело рассказывал нам о себе. Рассказ, впрочем, его был отнюдь не из весёлых. В двух словах он пересказал нам события последних недель, подробно описав те ужасы, которые пережил весь район. Его рассказ отвлек нас от созерцания пустынной дороги, и мы не заметили, как въехали в город. «Угледорск теперь такой», - сказал кто-то из сопровождавших нас сотрудников МЧС. Мы напряженно смотрели в окна. То, что я увидел, поразило меня.

Я и представить не мог, что увижу такие разрушения. Город казался вымершим, лишь в одном месте собралась небольшая группа людей. Это были те, кто всё время оставался в городе. Теперь они стояли в ожидания гуманитарной колонны. Они хотели кушать.

Так я впервые столкнулся с последствиями войны. Конечно, до этого я просмотрел десятки видео, на которых были запечатлены разрушения донецкого аэропорта, микрорайона Октябрьский. Но впервые я увидел следы войны своими глазами. Угледорск пугал меня.

В тот же день мы попали в Дебальцево. Я был в составе той группы журналистов, которая первой вошла в город, после того как он перешел под контроль армии ДНР.

Первое что я увидел, когда вышел из автобуса – девочка и мальчик, которые сидели у костра. Я подошел к ним и заговорил. Они отвечали с трудом. Было видно, что они очень испуганы. Я так и не понял где их родители. Долго стоять возле них я не мог, в горле был ком.

Впоследствии, я неоднократно выезжал на места обстрелов, видел аэропорт, Октябрьский и другие «горячие точки». Но именно тот морозный зимний день в Угледорске и Дебальцево запомнился мне больше всего.

Если же говорить в целом, то для меня война началась, когда шли бои за Марьянку и Красногоровку. Именно тогда все жители посёлка Абакумова, что на окраине Донецка, начали напрягать слух, стараясь разобрать отзвуки канонады. Совсем не далеко от нас Пески и аэропорт. Артиллерийский «пинг-понг» хорошо слышен на наших улицах.

Неоднократно и наш маленьких посёлочек становился центром

боевых действий. Никогда не забуду снаряд, который разорвался в метрах 200-стах от меня. Сердце в тот момент ёкнуло...

Война затронула нас всех. И наших родных и близких. Моя бабушка живёт в Красногоровке. Уже год у них не газа и отопления. А переезд в Донецк занимает несколько часов, при том, что ранее, можно было сесть на маршрутку №127 и оказаться там в течение 15 минут. Война изменила дистанции.

Сейчас в силу своих обязанностей по работе реже работаю на съёмках, которые касаются боевых действий, но тема войны звучит сейчас во всех сферах жизни. От неё не куда не деться. Писать больше нет сил, не хочется лишний раз окунаться в грустные воспоминания.

Нам повезло, ведь мы стали свидетелями и участниками больших исторических событий, но на нашу долю выпало «время перемен», жить в которое очень не просто.

Владислав Б., студент 3 курса

Первое интервью — о войне

Эта книга уже была свёрстана, когда украинская армия в конце января — начале февраля начала варварские масшированные обстрелы территории Донецкой Народной Республики. И вновь не остались в стороне от происходящих событий наши студенты, они продолжают рассказывать людям, как в таких ужасных условиях выживают земляки.

Обстреливают снарядами, которые сама делала ещё при Советском Союзе

Утро 3-го февраля в Донецке добрым не назовёшь. Многие и спать-то не ложились. Жесткому обстрелу Украина подвергла практически весь Донецк.

Бьют по учебным заведениям!

В окрестностях Шахтёрской площади в Киевском районе кругом стучат молотками. С разбитых окон отбиваются оставшиеся куски стёкол. Подходим к школе №19. Это недалеко от остановки «Ветка». Учебное заведение за войну пострадало уже в третий раз.

У порога школы собрались местные жители, чтобы осмотреть последствие обстрела.

— Снаряд в неё влетел пол-первого ночи, — говорит стоящий рядом с нами мужчина. — Такое ощущение, что бьют целенаправленно по школам!

— Что ж вы в касках идёте? — налетает на нас симпатичная девушка около центрального входа.

— Техника безопасности вынуждает, — спокойно отвечаем.

— Так давайте я вас отвезу туда, где и в касках страшно ходить!

— Поехали, — произносим мы и уже через несколько минут выдвигаемся в другую школу, которая ближе к передовой.

За одну ночь Киев «умудрился» обстрелять сразу три учебных заведения района. Школы №19 и 117 пострадали значительно, чем 65-я — её практически не зацепило. Снаряд прилетел в забор — остекление уцелело.

— Вы простите за жесткость, — продолжает беседу директор 117-й школы Оксана Шинкарёва (именно она нас покритиковала за каски). — Нас бомбят уже третий год, восстанавливать школу не успеваем. А сюда к

коллеге своей заезжала. У неё подобная ситуация.

Школа №117 находится на другой стороне проспекта, недалеко от Путиловского моста. По дороге из окна машины наблюдаем взволнованные лица горожан, разбитые дома и остановки.

Восстанавливают под обстрелами

Оксана Геннадиевна высаживает нас во дворе школы, а сама отправляется за строительными материалами. Напротив школы сразу же замечаем большую воронку. В округе только учебное заведение и жилые дома — военные здесь не стоят.

У порога заведующая хозяйством Тамара Семеновская подсчитывает количество разбитых окон и записывает причиненный ущерб.

— Сколько война идёт, столько нас и стреляют. Мы школу только начали восстанавливать — и на тебе!

За эти три дня учебное заведение снова оказалась в ужасном состоянии. То, что восстановили вчера — Украина разрушила сегодня. Перебиты газовые трубы, разбиты окна, посечены стены.

— Почему наблюдатели не смотрят, почему не могут решить этот вопрос? — Тамара Николаевна не сдерживается и начинает плакать.

Школа фактически не работает с 1-го сентября 2014 года. Учителя на время перевелись, а техперсонал остался.

— Мы стараемся сохранить школу. Не опускаем руки даже при таком напряжении и зарплате. Сейчас опять займемся восстановлением. Я уже не могу сосчитать, в какой раз мы это делаем.

Женщина надеется, что город привлечёт свои силы и поможет восстановить учебное заведение.

— Мы находимся в прифронтовой зоне, называем её — красной. И вот сегодня после жутких обстрелов, у вас на глазах метут и убирают люди. Но сами мы всё сделать не сможем!

Здесь красиво, но опасно

К школе подходит пенсионерка. Она пришла посмотреть на последствия ночного обстрела.

— Здесь училась моя внучка, — начинает рассказывать женщина. — И вот эта тварь, Порошенко, всё разрушил.

— Вы где-то здесь живете?

— Около Путиловского леса, — отвечает Татьяна Павловна. — В этом поселке почти никого не осталось. На моей улице живу только я и ещё один человек.

Женщина приглашает нас пройтись с ней по окрестностям вымирающего поселка. Обходим неоконченный новострой и попадаем на узенькую

тропинку, которая еле видна среди сугробов. В самом начале поселения из сточной трубы течёт ручеёк.

— Люди боятся сюда идти. Да ещё и к тому же нет света и воды, — жалуется пенсионерка. — Вот этот ручей спасает нас. Мы ходим сюда, и набираем воду.

— Опасно здесь находиться?

— Да, но если честно, то, несмотря на постоянные обстрелы, мне здесь нравится, здесь красиво и даже белки бегают, — говорит Татьяна Павловна. — Вот когда начинают сильно стрелять, я сразу «ноги в руки» и бежать подальше. Спускаюсь в погреб. Там у меня доски настелены. Но я вам скажу, что там тоже опасно находиться.

— Вы живете считай, что на линии фронта. Скажите, кто стреляет?

— Прилетает в основном с Авдеевки. Я уже по звуку научилась определять, — рассказывает женщина. — Хочу сказать, что меня больше всего бесит, когда говорят, что это наши военные стреляют по нам. Поймать этих людей нужно, которые слухи эти распространяют и собственными руками...

«Я тут умирать буду!»

На соседней улице живет одинокая восьмидесятилетняя старушка. Татьяна Павловна охотно соглашается провести к ней. Заходим во двор. Здесь все разбросано словно после цунами. Окна заколочены фанерой.

— Лена! — зовет хозяйку дома наша провожатая.

В дверях появляется старушка. Она еле выходит с дверного проёма.

— Как вы здесь живёте?

— Я голодная, мне холодно. Пенсии на уголь не хватает! — начинает плакать. — Я так устала от этого всего. Пережила попадания девяти снарядов, у меня всё во дворе разбито. Уже даже не раздеваюсь, чтобы, если что бежать из квартиры.

Елена Ивановна за всё время боевых действий не покидала своего жилья. Она просто не хочет бросать свой дом, несмотря на то, что здесь нет света, воды и угля.

— Я тут умирать буду! — заявляет в отчаянии старушка. — В погреб не спускаюсь, потому что я оттуда уже не вылезу. Лежу, дома, на кровати, а они бомбят по мне. Будь, что будет.

Сама для себя снаряд приготовила

Прощаемся со старушкой. Татьяна Павловна, наша провожатая по этому посёлку, вошла в кураж и предлагает провести нас к 18-й больнице. На это у нас не остаётся времени, поэтому просим женщину показать обратную дорогу.

— Чего нужно этим украинским властям? — после долгого молчания

не выдерживает пенсионерка. — Они думают только о долларах и как бы их приумножить, заработать на войне. Для этого стреляют по школам и детским садикам. А мы войны не хотим, все хотят просто жить.

По пути выясняется, что женщина еще при Советском Союзе работала на Донецком заводе «Точмаш». Там она делала стабилизаторы и корпуса для снарядов по военному заказу. Вот только эти же боеприпасы возвращаются в Донецк, но только уже с вражеской стороны.

— Меня моими же снарядами и обстреливают, — утверждает Татьяна Павловна. — Однажды ко мне в огород прилетел снаряд, и я нашла осколок с годом выпуска. Это и оказался тот год, когда я работала на заводе. Этот осколок я оставила себе, как амулет.

**Никита Макаренков, Павел Ханарин.
«Комсомольская правда», 7.02.2017 г.**

Татьяна Павловна сама точила снаряды, которыми её обстреляли

Снаряд упал во дворе школы №19

Деревья умирали стоя

Содержание

Народ Донбасса победит!	3
У войны не женское лицо	5
Август длиною в жизнь	10
Малая Родина — в огне	14
Мой год войны	23
Войною мир не изменить. Война — измена всему миру	31
О ком молчит память	34
Год, изменивший все	41
«Пятнашка» выстояла!	44
Между прошлым и настоящим	52
Крещение ненавистью	56
Первый курс — война	63
Рассказы из ада	66
Мама, а это снаряд или гром?	70
Зачем повторяется война?	74
Год, изменивший сознание	76
Герой в моем доме	79
Горел Донецк и в помощи нуждался... ..	83
Преступление, которое не искупается победой	88
Произошла переоценка	92
Война во мне и Я в войне	98
Пусть будет мир!	106
Не бойся, доченька!	107
Особенные люди Донбасса	110
Кровавое «завтра» пройдёт!	130
Не забуду чёрный день	134
Вставай, Донбасс!	136
Сегодня была война... ..	142
Город выстоял!	149
Своё в подвалах мы уже отсидели!	153
«Спасибо», президент!	154
«Победа у нас в голове!»	155
Глазами очевидца	156
Прифронтовая зона или жизнь на линии огня	165
Город казался вымершим... ..	167
Обстреливают снарядами, которые сама делалаещё при Советском Союзе	169

ЮНОСТЬ МОЯ В ОГНЕ

Студенты Донецкого национального университета
о необъявленной войне

Составитель и редактор

В. Ф. Кобзев

Корректор

С. И. Иванченко

Компьютерная вёрстка

Я. Г. Марзюлек

Дизайн обложки

О. Н. Жердяк

Фото авторов и В. Ф. Кобзева

Подп. в печать 14.02.2017

Формат 70 x 100 1/16. Бумага офсетная.

Уч.-изд. 12,6 л. Усл.-печ. 11,4 л.

Изд. №19. Тираж 1000 экз. Заказ №1-1223

Издательство

Отпечатано

**В книгу «Юность моя в
огне» вошли материалы
будущих журналистов —
студентов филологического
факультета Донецкого
национального
университета, в
которых они делятся
своими наблюдениями
за происходящими в
последние три года
событиями в Донбассе.**